

КРИС РАЙАН

ПОД ПРИКРЫТИЕМ

НА УЛИЦАХ ВЫЖИТЬ ВСЕ СЛОЖНЕЕ...

Рикки уже долго жил на улице. Жизнь тяжелая, но он умный и ловкий, так что справляется.

Но однажды ворует не у тех...

Ему везет, ведь его спасает незнакомец, который делает заманчивое предложение: квартира и деньги в обмен на изучение определенных навыков — техники наблюдения и рукопашного боя.

Но разве это все?

Рикки вот-вот узнает...

Перевод: Kuromiya Ren

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ВЫБРОШЕННЫЙ

Трафальгарская площадь, Лондон

Четверг, 11:30

— *Полиция!*

— *Сколько?*

— *Два на северной стороне, три на южной.*

— *Они будут проблемой?*

— *Надеюсь, нет. Мы присмотрим за ними. Если будут выглядеть проблематично, уйдем в другое место.*

Но Рикки Махони не хотел уходить. Это было лучшее место в Лондоне для того, что он задумал.

Рикки не был похож на других четырнадцатилетних детей. Его отличала не только неряшливая одежда или кроссовки с дырками. Дело было не только в том, что последние полтора года он жил один, без взрослых, в убогой комнате в полном людей, разваливающемся викторианском доме на северо-востоке Лондона. Дело было не только в том, что, по его признанию, он был пронырой, карманником и воров.

Его привычка разговаривать сама с собой заставляла Рикки думать, что он действительно странный. Весь день он мысленно обсуждал вещи с воображаемым сообщником по имени Зигги. Безумие, но Рикки это не волновало. Потому что, когда у тебя нет настоящих друзей, годятся и воображаемые.

Зигги любил спорить. Прямо сейчас он разбирает один из уроков Рикки о тонкостях мелких преступлений.

— *Меня достают те, у кого есть телефоны,* — сказал Рикки. Он никогда не разговаривал с Зигги вслух. Их разговоры всегда происходили в его голове.

— *О чем ты? Что с ними не так?*

Рикки не носил телефон. Не нуждался в нем. Но, если ему когда-нибудь удавалось украсть приличный, он знал место в Ист-Энде, где он мог продать его по цене до пятидесяти фунтов. Поэтому он всегда находил немного странным то, как все остальные были

одержимы ими.

— Ну, сколько людей мы видим? Пятьсот? И половина из них смотрит в экраны или делает селфи. Серьезно, я мог бы залезть в карман любого из них так же просто, как упасть с бревна.

— Тогда почему ты этого не делаешь? Плата за аренду завтра, и мы два дня не ели.

Точно. В животе Рикки заурчало. Ему нужна была еда.

Он прислонился к одному из каменных львов на Трафальгарской площади, давным-давно обнаружив, что это было хорошее место, чтобы быть невидимым. Он любил быть невидимым. Невидимость была хороша для карманника. Тут было много других молодых людей. Некоторые плескались в фонтанах. Некоторые гонялись за голубями в другой части площади. Другие шагали позади своих родителей, будто это был самый скучный день в мире. Никто никогда не заметит еще одного ребенка, слоняющегося среди львов.

У Трафальгарской площади было еще одно преимущество. Там всегда были туристы. Их было полно, они смотрели на вершину Колонны Нельсона и почти не обращали внимания на то, что происходило вокруг них. Эти туристы были легкой добычей. Они были похожи на ходячие банкоматы, где даже не нужно было использовать карту, чтобы снять деньги.

— Погоди. Кто это?

— Где?

— Там. На северной стороне площади. Пара Выброшенных.

Выброшенными Рикки звал бездомных детей, которые работали на улицах Лондона. Они были всюду, если приглядеться, а многие, конечно, этого не делали. Ночью они встречались в темных уголках Кингс-Кросс или под мостами через Темзу. Выброшенные были грубыми, собирались в банды, которые могли быть агрессивными и жестокими — Рикки держался на расстоянии. У него была только одна настоящая встреча с ними. Он взглянул на запястье левой руки и увидел бледно-белый шрам, тянущийся вдоль руки. Это было напоминанием о том, как плохо для него закончилась эта маленькая встреча.

Он прищурился, глядя на площадь. Девушка примерно его возраста стояла в полуметре позади японца, фотографирующего свою девушку. В ее сторону быстро шел мальчик. Он будет рядом с ней примерно через пять секунд. Они установили мгновенный зрительный контакт.

— Смотри. Самая старая техника в книге.

Девушка протянула левую руку. Она сунула ее в боковой карман льняного пиджака японца. Когда она убрала ее, она что-то сжимала. Кошелек. Все произошло очень быстро, как геккон щелкнул языком.

Теперь мальчик был прямо за ней, все еще шагал. Даже Рикки не мог увидеть момент, когда кошелек перешел к другому владельцу. Мальчик исчез в толпе. Насколько Рикки знал, он уже передал бумажник третьему сообщнику. Через несколько секунд японец попросил девочку сфотографировать его и его девушку. Она согласилась с улыбкой.

— Отлично сделано, — неохотно подумал Рикки.

— Знаешь, ты мог бы присоединиться к Выброшенным, если бы захотел. Попросит кого-нибудь работать твоим партнером. Так безопаснее.

— Не хочу. Если бы у нас был напарник, они бы нас травили, если бы что-то пошло не так. Благодетели схватят нас прежде, чем мы об этом узнаем.

И вообще, подумал Рикки, его не «выбросили» с самого начала. Он ушел из дома, если можно его так назвать, по собственному желанию. И он точно не был уличным мальчишкой.

Он не жил в подъезде, в картонной коробке, под мостом или даже в общежитии. У него было место. В его положении такие мелочи имели значение. Это был вопрос гордости — даже если это означало, что старый Бакстер был домовладельцем.

Он продолжал сканировать толпу, не обращая внимания на голод в глубине желудка. Зигги был прав. Сегодня был четверг. Он не ел с обеда вторника. Дело не в том, что он не работал. Отнюдь. Он успел украсть три кошелька. Сорок фунтов в первом, двадцать во втором и пятьдесят в третьем. Хороший улов, но недостаточно, чтобы заплатить старому Бакстеру ежемесячную арендную плату. Подлый домовладелец Рикки придет завтра вечером за деньгами, а это означало, что Рикки должен повернуть по крайней мере еще одну кражу. Особенно, если он хотел поесть.

Он заметил пару вариантов. Мама с ребенком в коляске. Рикки никогда не обворовывал молодых мам. Как-то нечестно это было. Его взгляд остановился на замученной учительнице с кучей школьников. Ни за что. С учителем проблем не будет, но Рикки знал, что дети были более наблюдательны, чем взрослые. Они видели все.

— *Так что просто найди одного из идиотов, смотрящих в свои телефоны,* — предложил Зигги, — *если с ними так легко.*

— *Неа. Как стрелять в рыбу в бочке. Нужно поддерживать навыки свежими.*

— *Да ладно, Рикки. В свое время ты, должно быть, украл двести кошельков. Тебя никогда не ловили.*

— *Ага. Потому что я поддерживаю навыки свежими.*

Он продолжал сканировать толпу. Через несколько секунд его взгляд остановился на человеке, идущем к Колонне Нельсона с северо-западного угла площади. Он был высок, широкоплеч. Чернокожий, его голова была с блестящей лысиной, и он был одет в синюю кофту, хотя дождь не обещали. Казалось, он сильно вспотел — на ходу он похлопывал платком по лысине. Что еще более важно, кофта была распахнута, ее открытые внешние карманы были хорошо видны, а из кармана брюк мужчины торчала карта метро.

— *Турист,* — подумал Рикки. Он наклонился и развязал шнурок на правом ботинке. Затем спрыгнул с постамента, на котором сидел каменный лев. Он прошел двадцать шагов на север, прежде чем повернуть на девяносто градусов вправо. Он прикинул, что через десять шагов его путь пересечется с его целью. Он наблюдал за мужчиной краем глаза и даже издали мог сказать, где был бумажник — правый карман кофты выглядел так, будто в нем было что-то тяжелое. В работе Рикки тяжелые кошельки были лучшим вариантом. Он также увидел кое-что, чего не заметил со своего наблюдательного пункта на постаменте. В правой руке у мужчины была толстая трость, и он слегка прихрамывал.

Пять шагов.

— *Вот.*

Рикки был в метре от мужчины, когда «споткнулся» о развязанный шнурок. Он подумал, что это было довольно впечатляющее падение — он практиковал его в одиночестве раз сто, пока не смог сделать это, не поранившись. Но теперь, распластавшись на твердой земле перед ногами мужчины, он скривился от боли и начал трястись.

Мужчина остановился. Он посмотрел на фигуру, расprostертую у его ног.

— *Что это?* — сказал он. — *Вы проходите прослушивание на роль клоуна?* — он звучал так, будто у него что-то было во рту, и Рикки понял, что он сосал леденец.

— *Ай!* — Рикки вытер несуществующую слезу тыльной стороной левой руки. Он поднял руку, чтобы мужчина смог поднять его на ноги. Мужчина посмотрел на него. Он выглядел

слегка удивленным.

— *Не делай этого,* — предупредил Зигги. — *Не лезь в его карман. Этот не так глуп, как кажется.*

— *Все будет хорошо.*

Увесистый кошелек стоил небольшого риска.

Рикки поднялся, шатаясь. Сделав это, он сунул правую руку в карман кофты мужчины. Конечно, внутри прятался толстый бумажник.

— *Вот так. Проще чем...*

— Тебе нужно завязать шнурки, клоун, — сказал мужчина.

— Ага, — сказал Рикки, глядя мужчине в глаза, чтобы его цель не отвела взгляд.

Мужчина ответил на его взгляд странной полуулыбкой.

— Возможно, — бумажник теперь был у него в кулаке. Хороший и тяжелый. Он засунул его в правый рукав, где пришил маленький карман.

— *Работа выполнена.*

— Если только ты не планируешь в ближайшее время еще раз упасть.

Рикки колебался всего мгновение.

— *Он знает, что ты притворялся.*

— *Нет. Он просто чудак, который хочет поболтать.*

Но Рикки почувствовал себя немного неловко, когда опустился на колени и начал завязывать шнурки. Мужчина стоял над ним.

— Хочешь леденец? — спросил мужчина. — У меня где-то здесь есть, — он начал свободной рукой похлопывать кофту.

— Нет, — сказал Рикки, когда руки мужчины опасно приблизились к карману, в котором когда-то был его бумажник. — Я... не ем сладкое.

Мужчина удивленно моргнул.

— Странно, — пробормотал он. — Раз ты так думаешь...

— Я уверен в этом, спасибо.

— ОК. Никаких сладостей. Но еще одно.

— Что?

— Тебе стоит вернуть мой бумажник.

Рикки застыл. Шнурки все еще не были завязаны, он поднялся.

— Я не знаю, о чем вы...

— Он в твоём рукаве. Это если ты забыл, — мужчина усмехнулся, и Рикки увидел желтеющие и гнилые зубы. — Такое случается даже с лучшими.

Рикки окинул мужчину взглядом. Он был высоким и казался сильным, но он был с тростью и хромотой. Рикки был худым и долговязым. Слабым. Плохо бился.

Но был быстрым.

И он знал, что порой нужно было использовать свои сильные стороны.

Во рту пересохло. Сердце колотилось.

— *Беги!* — сказал Зигги.

Рикки побежал.

2

СМЕЮЩИЕСЯ БРАТЬЯ

Толпы, как заметил Рикки, всегда кажутся более тесными, когда пытаешься из них сбежать. Он чувствовал, как развязавшиеся шнурки хлещут его лодыжки, когда он на максимальной скорости оббегал туристов. Его пульс участился, когда он приблизился к оживленной дороге, огибающей Трафальгарскую площадь.

— *Осторожнее с машинами!* — закричал Зигги.

Дорога была забита автобусами, черными такси и другими транспортными средствами. Две машины яростно загудели, когда Рикки побежал через дорогу к Стрэнду, уклоняясь от движущихся машин.

Он сильно вспотел, когда благополучно добрался до другой стороны. Он позволил себе на мгновение оглянуться.

Мужчина стоял на краю Трафальгарской площади. Он не выглядел взволнованным. На самом деле, у него все еще было то слегка удивленное выражение лица, пока он смотрел прямо на Рикки.

— *Он меня нервирует.*

— *И меня.*

— *Тебе не удалось его обмануть.*

— *Спасибо за напоминание.*

— *Может быть, твои навыки не так уж хороши.*

— *Заткнись, Зигги.*

Рикки посмотрел вперед и снова побежал на восток вдоль Стрэнда.

Он прикинул, что любой, кто преследует его, будет ожидать, что он направится на север и заблудится в переулках Ковент-Гарден. Но он знал, что есть короткий путь — несколько ступеней, ведущих на юг от Стрэнда к реке. Он остановился наверху и снова оглянулся. Никаких признаков мужчины. Хромой и с тростью, он не мог двигаться быстро, если не умел хорошо прыгать. Рикки спускался по двум ступенькам за раз. Внизу он остановился, чтобы отдышаться и завязать шнурки, прислонившись спиной к кирпичной стене.

— *Расслабься!*

— *Я пытаюсь...*

Его руки дрожали. Он был так близок к тому, чтобы его поймали, и знал, что это означало бы. Визит в полицейский участок, и он снова оказался бы под опекой. Благодетели хотели бы, чтобы он был в их лапах, хороший и правильный.

— *Что в кошельке?*

Все еще сидя на корточках после того, как завязал шнурки, Рикки вытащил бумажник из рукава и открыл его. Он ухмыльнулся. Он был набит купюрами. Он прикинул, что там было несколько сотен фунтов. А еще девять или десять кредитных карт. Рикки вытащил пару карточек и тут же увидел, что на них разные имена: Р. Ф. Э. Мартин и мистер Джим Дэниэлс. Он пролистал еще несколько карт. Доктор Х. Ньюленд. Мистер Годфри С. Дэвис. Там были водительские права и читательский билет, оба с фотографией мужчины — черная кожа, лысая голова — но с разными именами.

— *Он что, преступник? Мошенник?*

— *Ты полез не к тому парню.*

Рикки убрал карточки в кошелек. Он не станет использовать их. Если полиция охотилась за этим парнем, они следили за его карточками, и это был бы отличный способ вывести их на Рикки. Наличные деньги, однако, были другим делом — их было совершенно отследить. Рикки сунул бумажник в карман. Он уже представлял себе еду, которую купит на них. Бургер, может быть. Картофель. Большой молочный коктейль...

— *Ты уверен, что не хочешь леденец, клоун Коко?*

Кровь Рикки похолодела, когда на него упала тень. В метре от него он увидел две ноги и основание трости. Он посмотрел вверх.

Мужчина все еще слегка улыбался. Но в его глазах был намек на сталь.

— Он плохой. Все эти личности... он может быть преступником. Ты не хочешь лезть в это. Просто отдай ему бумажник и убирайся отсюда.

Рикки поднялся на ноги. Он вытащил бумажник из кармана и передал его.

— Большое спасибо, — сказал мужчина низким голосом. — Мне интересно, ты случайно не заглянул внутрь?

Рикки покачал головой.

— Имена, — продолжил мужчина, явно не веря ему. — Некоторые из них больше подходят для разных случаев, чем другие. Кстати, как тебя зовут?

— Билли, — инстинктивно солгал Рикки.

Мужчина выглядел довольным.

— Видишь, как это легко! Теперь у тебя три имени — Билли, Коко и твое настоящее.

— Верно, — сказал Рикки. Сегодняшний день становился страннее с каждой секундой. Так было и с этим парнем. — Э, вы расскажете обо мне полиции?

— Полиция? Боже, нет. Иногда они могут быть очень утомительными, — он вытащил из бумажника двадцатифунтовую купюру. — Ты голоден? — спросил он.

Рикки невольно кивнул.

— И я. Давай я куплю тебе поесть и расскажу, где ты ошибся?

Еда. Рикки сглотнул слюни от мысли.

— Не глупи, — сказал ему Зигги. — Этот парень — проблема. Мило улыбнись и уходи.

Рикки двигался вдоль стены к лестнице. Мужчина пожал плечами и все же протянул ему двадцатифунтовую купюру. Неуверенно, Рикки взял ее. Но как только мужчина выпустил ее из пальцев, он сжал запястье Рикки. Это была крепкая хватка, и Рикки вздрогнул.

— В каждой лжи должна быть доля правды, Коко, — сказал мужчина. — В следующий раз, когда будешь прыгать, проследи, чтобы было немного крови. Колено, локоть, что угодно. Используй поддельную, если есть, это хорошо работает. Если бы я это увидел, тебе бы это сошло с рук.

— Отпустите меня.

— А когда ты знаешь, что ты быстрее кого-то, беги по прямой. Иначе тебя могут перехитрить, как это сделал я. И, признай, обидно, когда тебя ловит мужчина с одной ногой.

— Что?

Мужчина отпустил его, и Рикки отшатнулся к лестнице.

— Боюсь, так, — мужчина постучал по нижней половине ноги тростью. Звук был глухим.

— Хорошие навыки, — сказал ехидно Зигги. — Тебя обогнал мужик с одной...

— Молчи, Зигги.

Теперь Рикки по-настоящему хотел убраться отсюда.

— Скажи, Коко.

— Что?

Мужчина улыбнулся, снова показав зубы мужчины, который ел сладостей больше, чем было нужно.

— Хочешь работу?

— Работу? Что за работу он может предложить?

— Конечно, нет, — сказал он.

— О. Жаль. Но я вот что скажу — спрячь эту купюру в обувь. Это самое безопасное

место.

— Да.

Мужчина пошел по ступенькам вверх.

— И, Коко?

Рикки замер и оглянулся.

— Что?

— Можешь звать меня Феликс, — сказал мужчина. — Это имя не хуже других. Может, мы еще встретимся.

«Мечтай, — подумал Рикки, поднимаясь и уходя подальше от чудака без волос, но с множеством имен. — Мечтай».

Домом для Рикки была единственная комната в ветхом доме на окраине Хакни. Остальные жильцы дома менялись от недели к неделе, но Рикки научился с ними не разговаривать. Ни один нормальный человек не остался бы там. Весь дом вонял гнилым деревом и плесенью, а под потолком днем и ночью сустились грызуны. В самой комнате не было ничего, кроме односпальной кровати и раковины в углу, из крана которой не переставала капать вода. Никто никогда не чистил туалет, который ему приходилось делить с другими, и в результате там было слишком отвратительно, чтобы передать словами.

Проживание там стоило 150 фунтов стерлингов в месяц. В первый день каждого месяца его домовладелец приходил за деньгами. Бакстер был пугающим человеком — у него было изможденное лицо и почти не было губ. Всякий раз, когда Рикки передавал деньги, Бакстер тщательно пересчитывал каждую банкноту. Он никогда не спрашивал Рикки, сколько ему лет, и если его и беспокоило, что ребенок живет в такой помойке, он этого не показывал.

Рикки видел, что происходило, когда кто-то не платил. У Бакстера была пара качков, которые ждали в машине в день аренды. Если кому-то не хватило хотя бы пятидесяти фунтов, они вышвыривали его из дома. Обычно это сопровождалось побоями, а иногда и треснувшими губами.

— *По крайней мере, у нас есть еще двадцать четыре часа до арендной платы,* — подумал Рикки, шагая с ноющими ногами к дому.

— *Тогда что делает Мерседес Бакстера на улице?*

Рикки остановился и моргнул. «Мерседес» был в двадцати пяти метрах, припаркован у дома. В том, что это был Бакстер, сомнений не было. В этой части города серебристый «Мерседес» выделялся.

— *Что он хочет?*

Рикки прошел мимо машины. Она была пустой. Это означало, что качки Бакстера были внутри дома. А это означало неприятности.

Внутри дома была суматоха. Что-то происходило на первом этаже, где находилась спальня Рикки. Он нервно поднялся по лестнице. И действительно, на лестничной площадке были Бакстер и двое коренастых мужчин — квадратные челюсти, плоские носы, шрамы по всему лицу. Рикки называл их Смеющимися братьями. Просто его маленькая шутка. Они были не из тех, кто смеялся.

— *Что братья делают возле нашей комнаты?* — сказал Зигги.

Качки стояли по обе стороны двери спальни Рикки, а Бакстер слонялся в паре метров от них.

— А, вот ты где, малыш, — сказал Бакстер. У него был прокуренный голос. — Ждал тебя.

— Платить нужно завтра, а не сегодня, — сказал Рикки. Он не скрывал неприязнь. Домовладелец был гадким.

— Не для тебя, малец. Ты уходишь отсюда.

Рикки замер на вершине лестницы.

— О чем вы?

— Ты глупый, а не только уродливый? — сказал Бакстер. Смеющиеся братья гадко захихикали, а из комнаты Рикки вышла женщина. С ней были три ребенка — голодные и бледные. Рикки тут же понял. Бакстер смог выжать из женщины больше денег, чем из Рикки.

— Мне некуда идти, — сказал Рикки.

— Кто-то взял скрипку? — спросил Бакстер. Он кивнул одному из качков, тот взял сумку и бросил ее Рикки. — Твои вещи, — сказал Бакстер. — И ты должен мне деньги.

— За что?

— За нанесенный комнате ущерб, мелкий воришка. Обои облезли, окурки...

— Они были там, когда я въехал, я даже не курю. И у меня нет денег.

— Когда твои проблемы стали моими, малец? — Бакстер оглянулся на первого качка. — Выверни его карманы.

— *Тебе нужны те деньги! Беги!*

Но Рикки не двигался. Его глаза были прикованы к сумке. Вещей было мало. Сменная одежда, туалетные принадлежности. Но там были единственные две вещи, которые что-то значили для Рикки: фотография в рамке с мамой, папой и сестрой до аварии. И письмо, помятое, написанное аккуратным почерком сестры. Без них он не уйдет.

Сумка была в трех метрах. Человек Бакстера был в четырех метрах от нее.

— *Я могу схватить ее до того, как он доберется до меня, а потом сбежать вниз по лестнице.*

— *Нет, ты не можешь. Оставь мешок и убирайся отсюда.*

Но это был не вариант. Фотография была в сумке. Рикки побежал вперед и схватил ее — она была не тяжелой — затем развернулся и побежал к верхней части лестницы. Он уже собирался сделать первый шаг вниз, когда почувствовал кулак в пояснице. Он потерял равновесие и упал. Его голень ударилась об угол одной из ступенек, а голова ударилась о перила. Он вскрикнул от боли, скатываясь по лестнице, волоча сумку за собой.

И когда он спустился по лестнице, первый качок был позади него. Он поднял Рикки на ноги, а затем ударил его под дых. Едва дыша, Рикки согнулся пополам, но затем почувствовал, как нападавший дернул его за плечи. Он знал, что его ждал удар в лицо, но не ожидал, что он будет таким сильным. Костяшки пальцев качка вонзились в его щеку. Он почувствовал, как из носа хлынула кровь, и боль вспыхнула в правой половине лица. Качок похлопал его. Он быстро нашел деньги в заднем кармане. Он махнул стопкой Бакстеру, который стоял наверху лестницы.

— Сколько? — спросил Бакстер.

Первый качок пролистал пачку купюр.

— Сто пять... нет, десять... — он говорил так, будто не мог посчитать.

Рикки все еще хватал ртом воздух, но в тишине его разума Зигги давал ему указания:

— *Беги, пока у него руки полны денег. Входная дверь открыта — ты чувствуешь оттуда ветер. Если отделаешься простым ударом в живот, ты молодец. Ты видел, что они делали с другими людьми...*

Верно. Эти парни могли легко сломать несколько костей. Рикки схватился за ручку

сумки, еще раз вдохнул и побежал к входной двери.

Бакстер закричал:

— Взять его! — но Рикки разогнался. Через секунды он вырвался за дверь и побежал по дороге.

— *Я много бегал сегодня.*

— *Не останавливайся, если не хочешь кулак в лицо.*

Легкие Рикки горели. Он оглянулся. В двадцати метрах позади него Бакстер и его люди стояли у дверей дома. Бакстер указывал им рукой, куда бежать, чтобы подрезать Рикки.

— *Помни, что сказал тот странный человек: «Когда знаешь, что ты быстрее кого-то, беги по прямой. В противном случае они могут перехитрить тебя, как я только что сделал».*

Хороший совет. Рикки продолжал бежать до конца улицы, пересек дорогу, идущую под прямым углом к ней, и побежал по другой улице, продолжавшейся в том же направлении. Когда через пять минут он оглянулся, Бакстера и его поделщиков нигде не было видно.

Он остановился на детской площадке в открытом парке вдоль дороги. Там было пусто, что неудивительно, так как качели вышли из строя, на поверхностях были граффити, а на земле лежала куча мусора. Рикки сел в нижней части горки и отдышался.

Вспотевшими руками он открыл сумку и стал рыться в ней в поисках драгоценной фотографии и письма. Они все еще были на дне. Стекло фоторамки треснуло, но это не имело значения. Он все еще мог видеть фотографию, на которой его мама и папа сидели на скамейке в парке, а между ними была его старшая сестра Мадлен. Все смеялись над давно забытой шуткой. И письмо все еще было аккуратно спрятано в конверте.

Он осторожно положил свои сокровища в сумку. Он огляделся, чтобы убедиться, что никто не смотрит на него, прежде чем снять правый кроссовок. Внутри, тщательно сложенная, лежала двадцатифунтовая банкнота.

Второй раз за последние несколько минут он ощутил благодарность за совет, полученный от чудака с лысой головой и гнилыми зубами. Теперь это были единственные деньги, которые у него были.

— *А тебе даже жить негде.*

— *Молчи. Я что-нибудь придумаю.*

Но прямо сейчас он не мог подумать, что это будет.

3

ВРЕМЯ КОРМЛЕНИЯ

Даже мини-гостиницы не подходили. Слишком дорогие, даже если он украдет больше денег, и возраст Рикки вызовет вопросы, если он поселится в комнате один.

Он не хотел подходить к Выброшенным. Ему не нужно было больше драк и шрамов.

Рикки не был рад, что потерял комнату. Бакстер был гадким, но ему было все равно, что Рикки было всего четырнадцать.

Ему нужно было где-то поспать. Мысль о том, что он будет один на улице всю ночь, пугала его. Там могло случиться все что угодно.

Сначала ему казалось, что он бродил бесцельно. Но когда наступили сумерки, он обнаружил, что шагал по Юстон-роуд, ноги болели. Он понял, что все это время направлялся в центр Лондона. Там он чувствовал себя немного комфортнее, по крайней мере, днем. Суэта и шум были самой близкой ему компанией. Во всяком случае, все бродяги, казалось, собирались там. И теперь он был одним из них.

— *Нам нужно поесть*, — сказал Зигги.

Точно. Рикки был слаб от голода. Слишком слаб, чтобы залезть в чей-то карман. Нужно было соображать, когда делал это, и все, о чем он мог думать сейчас, это муки голода. Его желудок урчал, когда он проходил мимо пиццерий и стейк-хаусов. Когда он заглянул в окно, его отражение посмотрело в ответ — его правый глаз был настолько опухшим, что почти закрылся. Он осторожно дотронулся до него, вздрогнул. Он мог забыть о карманных кражах на несколько дней. Для этого нужно быть невидимым. С таким лицом он был совсем не таким.

Он задавался вопросом, сколько из его двадцати фунтов он мог потратить в обмен на полный живот. В конце концов, он решил, что лучшим выбором для него будут шоколадные батончики — дешевые и сытные, — поэтому он купил два «Сникерса» в «Tesco Metro», а

затем начал искать, где бы устроиться и съесть их.

Он выбрал Блумсбери-сквер. Ему нравилось там, среди старых университетских зданий. Посередине был участок сада с несколькими небольшими рощами деревьев вокруг. Сад был обнесен высокой оградой, и там стояли скамейки, на которых он мог сидеть, а потом, возможно, и спать. Он выбрал скамейку на северной стороне сада, где и сел поесть. Ему пришлось сдерживать себя, чтобы не проглотить шоколадные батончики сразу, медленно смаковать каждый кусочек. Опыт подсказывал ему, что в ближайшие дни и недели еды будет не хватать, поэтому он должен был наслаждаться ею, пока она была.

Пока он ел, он осматривал сад. Он был не один. В дальнем конце две женщины и один мужчина потягивали пиво из банок. Они смотрели на Рикки как на бездомного. Можно было узнать признаки — старая одежда, длинные волосы, выражение безнадежности. Пара девочек-подростков сидела на другой скамейке, они болтали и включали музыку на телефонах. Мужчина средних лет гулял со своей собакой. Рикки опустил голову и сосредоточился на еде.

— *Они следят за тобой.*

— *Знаю. Я их видел.*

Бездомная троица с лагером глядела на него. Без сомнения, они тоже узнали бродягу. Но Рикки заметил в их взглядах кое-что еще.

— *Они видели, что у тебя есть еда. Еда означает деньги. Они думают, ты просто ребенок. Нужно уйти отсюда, прежде чем они нападут на тебя.*

Но Рикки был слишком измотан, чтобы двигаться. Он доел батончик, но не сводил глаз с троицы, которая проявляла к нему интерес.

Прошло пять минут. Было уже совсем темно. В сад вошел еще один мужчина. Он выглядел официально — блейзер, фуражка. Он подошел к двум девушкам, слушающим музыку. Рикки не слышал их разговор, но мог сказать, что происходит. Их просили уйти. Он взглянул на большие железные ворота, через которые вошел в сад, и понял, что их заперут на ночь. Очевидно, никто не хотел, чтобы бездомные слонялись здесь после наступления темноты.

Девочки выключили музыку, и смотритель парка направился к мужчине с собакой.

Однако трое бомжей по-прежнему смотрели на Рикки. Они встали, и Рикки сделал то же самое. Ему очень не хотелось уходить с этой площади — это было хорошее место для ночлега, решил он, потому что, если бы его заперли внутри, он был бы защищен от улицы. Но, похоже, ему нужно было снова готовиться к бегу.

Мужчина с собакой пошел к воротам. К бродягам подошел смотритель парка. Он встал перед ними, закрыв от них Рикки.

— *Прячься. Сейчас, пока никто не смотрит. Ты будешь в безопасности, запертый внутри площади на ночь, где никто не сможет добраться до тебя...*

Ближайшая роща была метрах в пяти. Рикки схватил свою сумку и украдкой направился туда. Через несколько секунд он спрятался среди листьев и низких ветвей. Что-то поцарапало его ушибленное лицо, и он вздрогнул, но промолчал.

Крошечная щель в листве открывала ему вид на площадь. Бродяги шли к выходу, а смотритель парка огляделся, проверяя, кого еще выгнать. Он казался довольным, чего нельзя было сказать о женщине, держащей банку лагера. У нее было страшное лицо в следах оспы. За время пребывания на улицах Рикки научился распознавать черты лица наркомана, и сейчас он видел их.

И, в отличие от смотрящего парка, она, казалось, смотрела прямо сквозь листву на Рикки.

— *Она знает, что ты тут.*

— *Точно.*

— Пошевеливайся! — крикнул смотрящий парка. Женщина слегка покачнулась, но послушно последовала за остальными к воротам, которые мужчина запер за собой на большой железный ключ.

Рикки не двигался. Из своего укрытия он не сводил глаз со страшной женщины. Вырисовываясь в темноте, она напомнила ему ведьму из сказки, которую когда-то читала ему мама. Ведьма разговаривала со своими спутниками. Рикки затаил дыхание, надеясь, что они исчезнут. Но они этого не сделали. Они начали обходить сад.

Он смотрел, затаив дыхание, как страшная женщина бродила вокруг перил.

— Я знаю, что ты там, малыш, — прошипела она, оказавшись всего в нескольких метрах от Рикки. — Лучше передай нам все деньги, которые у тебя есть, если не хочешь, чтобы мы ждали тебя утром.

— *Замри!*

Ведьма резко рассмеялась и отступила.

Темнота сгущалась. Единственный свет исходил от машин, объезжавших Блумсбери-сквер. Рикки начал дрожать.

— *Надень еще одежду.*

Он вытащил из сумки поношенный свитер. Это немного помогло. Он снова посмотрел на перила. Они были около двух метров высотой, с острыми концами наверху. Сегодня ночью сюда никто не зайдет. Он был в безопасности до утра.

Рикки лег на холодную землю и использовал свою сумку как подушку. Земля высосала тепло из его тела, и он начал дрожать, ощущал боль. Его опухшее лицо казалось в два раза больше обычного. Он пытался уснуть, но сон не шел. Вскоре он снова проголодался и пожалел, что не сохранил хоть один из батончиков.

Он сел и достал из рюкзака письмо сестры. Его руки всегда слегка дрожали, когда он вынимал из конверта единственный клочок бумаги. Прежде чем развернуть его, он понюхал бумагу. Иногда ему казалось, что он чувствует запах духов Мадлен, но, может быть, это была игра его разума. Он открыл письмо и начал читать, едва разбирая во мраке буквы:

Дорогой Рикки,

Я знаю, ты не понимаешь то, что я собираюсь сделать, но ты должен поверить мне, когда я говорю, что это к лучшему...

Рикки закрыл глаза и снова свернул бумагу. Он не мог читать сегодня вечером. Он осторожно убрал письмо в рюкзак и снова попытался уснуть.

Часы тянулись медленно. Рано утром он сел и еще раз посмотрел сквозь листву на ограду. Движение прекратилось, было лишь несколько ночных прохожих. Он попытался разглядеть их лица, чтобы увидеть, не была ли там ведьма. Но было слишком темно, чтобы понять.

— *Может быть, она нашла кого-нибудь еще, кого можно обокрасть.*

— *Ага. Может быть.*

А, может, и нет.

Мысли роились в его голове, когда он пытался спланировать следующий шаг. Он не мог воровать из карманов с таким лицом. Хватит ли остатков его двадцати фунтов до тех пор,

пока не заживут синяки? Должно хватить...

Рикки однажды слышал, как кто-то сказал, что самый темный час наступает перед рассветом. Он не знал, правда ли это, но время было определенно самое холодное. Его тело перестало дрожать, будто у него не было энергии. Он оцепенел и едва чувствовал конечности. Он заставил себя встать, пытаясь разогнать кровь.

И вот тогда он их увидел. Три силуэта.

Словно опасные животные в зоопарке, они рыскали вдоль забора по обе стороны от ворот. Время от времени они останавливались, держались за ограду и заглядывали внутрь. Издалека Рикки узнал лицо ведьмы. Оно было осунувшимся, а в глазах ее читался неприятный голод — как у хищника, который знал, что поблизости есть легкая еда. Он по очереди посмотрел на другие силуэты. Один из них был женский, другой мужской. Все были худыми. Все были с тем же отчаянным взглядом в глазах.

— *Наверное, у них есть ножи. Лучше отдай деньги сейчас. Спаси себя от ран.*

— *Ни за что. Это оставит меня ни с чем. Я буду голодать... Может, мне снова спрятать то, что у меня осталось в ботинке...*

Но теперь у него были только монеты, и если он запихнет их в ботинок, они будут мешать ему, если придется бежать. Не то чтобы он думал, что сможет бежать, настолько ему было холодно. Это закончится некрасиво.

Наступил серый свет зари. Движение машин снова начало расти, а стервятники продолжали слоняться по площади. И когда через час после рассвета сторож вернулся, чтобы открыть ворота, они столпились вокруг них. Пришло время их кормления.

Первой вошла ведьма вместе с одним из своих спутников, мужчиной с крупными зубами и татуировками на шее. Остальные слонялись у ворот, явно готовые поймать Рикки, если он побежит.

— *Она идет в твою сторону.*

— *Спасибо. Я заметил.*

— *Что будешь делать?*

Рикки взял сумку и вышел из-за листвы, где провел ночь. Когда она увидела его, ведьма скривила губы.

— Похоже, мы не зря тут, — злобно прохрипела она своему спутнику. — Опустоши карманы, милашка. Посмотрим на твои деньги, — прорычала она. — И разувайся. У меня тоже будут такие кроссовки...

Рикки не двигался.

На лице женщины отразилось раздражение. На ней была грязно-серая кофта от спортивного костюма, которую она расстегнула. Изнутри она вытащила складной нож, и по нажатию большого пальца лезвие выскочило наружу.

— Ты слышал, что я сказал.

Рикки отпрянул. Он не мог оторвать глаз от ножа. Он выглядел тонким и острым.

— *Порежь его, — сказал мужчина. — Просто порежь его...*

— *Вон там!*

Взгляд Рикки метнулся к воротам. Он моргнул. Другой сообщник ведьмы лежал на земле, корчась от боли. А прямо за воротами, слегка прихрамывая, приближаясь к ним с палкой в руке, как с оружием, был знакомый человек.

Феликс.

И он выглядел решительно.

Ведьма побежала вперед. Она была всего в паре метров от Рикки, и он отшатнулся, когда она подняла нож, желая пронзить его. Он видел ее зубы, желтые и кривые, и чувствовал неприятный запах ее дыхания. Но он также мог видеть Феликса, стоящего позади нее, его глаза слегка сузились, а на странном лице появилось серьезное выражение. Одна рука опиралась на трость. В другой он нес небольшой белый бумажный пакет.

— Хочешь мятную конфету? — тихо спросил он.

Женщина замерла. Она оглянулась. Когда она увидела Феликса, стоящего там с тростью и белым бумажным пакетом со сладостями, она усмехнулась.

— Не лезь, дедушка, — сказала она, прежде чем снова повернуться к Рикки.

Палка Феликса двигалась так быстро, что Рикки едва ее заметил. Он ударил по поднятому запястью женщины, и раздался внезапный треск, она уронила нож. Она охнула от боли и схватилась за запястье здоровой рукой, а ее спутник побежал к воротам. Рикки краем глаза увидел, что другая женщина тоже встала и убежала.

Ведьма отшатнулась, все еще сжимая запястье. Феликс сунул пакет со сладостями в карман, затем взял складной нож, закрыл его и тоже сунул в карман и подошел к Рикки.

— Тебе решать, — мягко сказал он, — но я предлагаю тебе пойти со мной.

— Вы преследовали меня, — голос Рикки звучал пронзительно. Напряженно. Немного дико.

— Ага. И не зря. Посмотри, в каком ты состоянии. Она бы тебя убила, — у него на лбу выступил пот, хотя утренний воздух был холодным.

— Мне не нравится, когда за мной следят.

— Я бы привык к этому на твоём месте, — пробормотал Феликс.

— Что вы имеете в виду?

Феликс посмотрел ему в глаза.

— Я хочу сказать тебе две вещи, Коко. Послушаешь?

Рикки нервно посмотрел на трость Феликса.

— Хорошо, — сказал он.

— Первое. Оставаться здесь было плохим ходом. Ты был заперт. Не позволяй запирать тебя. Это означает, что пути к отступлению нет, а тебе всегда нужен путь к отступлению.

— Точно. Спасибо за совет. Очень полезно, — он метал взгляд влево и вправо. Просто проверял.

— И во-вторых, тебе нужен горячий напиток и горячая еда. Я куплю тебе сейчас. Пока будешь есть, я озвучу предложение. Если согласен на это, отлично. Если нет, то ты меня больше никогда не увидишь. Мы договорились?

Единственная часть, которую Рикки действительно услышал, была часть о горячей еде.

— *Обмани его*, — сказал Зигги. — *Позавтракай, и тогда мы сможем бросить его.*

— *Хорошо.*

Рикки фальшиво улыбнулся Феликсу.

— Хорошо, мистер, — сказал он. — По рукам.

СДЕЛКА

— Тебе нужно принять решение, — сказал Феликс.

Рикки смотрел на еду. Прямо сейчас ему нужно было решить только: начать с колбаски или бекона. Или бобы — бобы действительно выглядели хорошо. Он сунул вилку в рот, затем блаженно закрыл глаза, так как еда почти обожгла ему язык. После ночи на холодной твердой земле Блумсбери-сквер теплый дух этого кафе с запотевшими окнами и кружками горячего чая был так же желанен, как мягкий матрац и уютное одеяло.

Он отрезал большой кусок колбаски и запихнул его в рот. Только тогда до него дошло, что Феликс что-то сказал.

— Что?

Феликс улыбнулся.

— Доедай, — сказал он. — Тогда мы поговорим, — он откинулся на спинку стула и позволил взгляду блуждать, посасывая одну из мятных конфет и тихонько напевая под нос, пока Рикки ел. Мужчина был странным, но при деньгах, и Рикки не помнил, когда в последний раз был таким сытым. Соскребая последние остатки бекона и кетчупа со своей тарелки краем вилки, он увидел, что Феликс смотрит на него с тем веселым выражением лица, которое он, казалось, так часто носил.

— Что? — спросил Рикки.

— Полагаю, посуду мыть уже не придется.

Рикки опустил нож и вилку.

— Спасибо за еду, — сказал он. Его взгляд метнулся к двери.

— *Ты можешь просто уйти сейчас.*

— *Нет, смотри, на улице дождь. Послушаем лысого. Тогда пойдём.*

— Итак, Коко...

— Меня зовут не Коко.

— Я знаю. Рикки.

Рикки в ужасе уставился на него.

«Он явно какой-то чиновник», — дико подумал он.

— *Он пришел заткнуть тебя обратно к благодетелям?*

— Откуда вы это знаете? — наконец пробормотал он.

— Я много чего знаю.

— Например?

— Например, у твоего домовладельца будет очень плохой день. Бакстер, да? Около двух часов назад постучали в дверь. Сейчас он уже под стражей в полиции.

— А как насчет его арендаторов?

— Ты должен быть доволен, — сказал Феликс. — Бакстер — очень неприятная личность. Посмотри, что он сделал с твоим лицом.

— Все не так просто. Его жильцам некуда будет деться. Все сложно.

— Сложно? — в глазах Феликса блестело веселье. — Да, Коко. Рад, что ты понимаешь это. Порой всем нам нужно принимать сложные решения.

— Хватит звать меня Коко! — пауза. Рикки мрачно смотрел на Феликса. — Вы преследовали меня?

— Да.

— Я вас не видел.

— Я очень хорош в этом.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Оттуда, откуда знаю, что твои родители умерли в аварии из-за пьяного водителя на шоссе M25 третьего февраля прошлого года. И я знаю, что твоя сестра Мадлен вскоре после этого покончила жизнь самоубийством...

Рикки отвел взгляд. Были некоторые вещи, которые он терпеть не мог слышать.

Пауза. Когда Феликс продолжил, его голос был немного добрее:

— И я знаю, что ты сбежал от своих приемных родителей в Нортгемптоне, потому что они хотели, чтобы ты стал членом их церкви. Их веселье было слишком для человека, который только что потерял маму и папу. И его сестру, конечно.

Рикки прищурился. Может, это было так. Может, этот мужчина вовсе не был преступником, а его послали найти Рикки и вернуть его под опеку.

— Я не вернусь к благодетелям, если это ваш план, — сказал Рикки. — И уж точно не этой кучке чудаков-верующих. Я лучше буду жить на улице, — он снова взглянул на дверь. Если он будет двигаться быстро, то сможет уйти.

Феликс склонил голову.

— Может, мы сможем разобраться, чтобы тебе не пришлось этого делать.

— *Дождь стихает*, — сказал Зигги. — *Мы можем уйти сейчас*.

Но Рикки не был готов идти. Он хотел узнать больше.

— Ты меня впечатлил, — говорил Феликс. — Мне нравится, что ты работаешь один, в отличие от других детей на Трафальгарской площади. И ты весьма умелый...

— Но вы меня поймали, — заметил Рикки.

Еще одна улыбка.

— Конечно, Коко. Я поймаю любого, — еще одна мягкая улыбка. — Знаю-знаю, это кажется маловероятным, да? Тем не менее, я вижу, что ты быстро учишься, и у тебя определенно есть мужество. Большинство беглецов уже не выдержали бы, но ты крепкий. Это имеет большое значение в определенных направлениях работы.

Глаза Рикки сузились.

— Вы что, какой-то Феджин?

— А, так ты еще и начитан, — сказал Феликс, избегая вопроса.

Рикки не был таким, но он видел мюзикл «Оливер!» с сестрой, и он с болью вспомнил, как они хором подпевали песне воришек. В то время, конечно, он понятия не имел, что сам станет карманником. Современный Ловкий Доджер.

— *Но без Феджина, который бы забирал твою прибыль*, — напомнил ему Зигги.

— Мне нравится это. Из книг можно многому научиться, — продолжил Феликс. Он сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил лист бумаги формата А4, который протянул Рикки. — Посмотри, — сказал он.

Это было похоже на данные агента по недвижимости для квартиры. Крутой квартиры на верхнем этаже. Окна выходили на реку, и там были большие комнаты и современное оборудование. Рикки опустил страницу на стол.

— Думаю, арендная плата высоковата для зарплаты карманника, — сказал он.

— Арендной платы не будет, — сказал Феликс. — Это твоя новая подушка, если хочешь.

Тревожные звончки.

— Он из тех парней, о которых тебя всегда предупреждали. Уходи отсюда, быстро.

— Поверь, я знаю, о чем ты думаешь, — тихо сказал Феликс. Он вытащил нож, который конфисковал у женщины на Блумсбери-сквер, и подвинул его по столу. — Возьми, — сказал он. — Если я или кто-то другой попытается сделать что-то, что тебе не нравится, можешь защищаться.

Рикки взял нож, но содрогнулся, сжав его, — он ненавидел лезвия.

— Ты, наверное, удивляешься, откуда я взялся с такой щедростью, — сказал Феликс.

— Что мне интересно, — сказал Рикки, — так это в чем подвох.

Рикки заметил, что Феликс не отрицал, что он был. Он просто продолжал говорить, как будто Рикки ничего не сказал:

— Дело вот в чем. Ты переезжаешь в эту квартиру. Получаешь сто фунтов в неделю на расходы. Прекращаешь карманные кражи и воровство. Ты правильно питаешься, спишь и проводишь свободное время за уроками.

— Уроки?

— Вы какой-то сверхсекретный учитель географии? Я не вернусь в школу.

— Мы не говорим о школе, Коко. И мы, конечно, говорим не о географии.

— Так что он говорит?

— Подумай об этом. Он тебя уже многому научил. Полезным вещам. Банкнота в двадцать фунтов, бег по прямой, путь к отступлению.

— Но почему? Что он хочет от нас?

— Может, он как Феджин. Учит детей совершать преступления за него.

— И что нам делать?

— Я не давлю, — сказал Феликс. — Делай, что хочешь. Выбирать тебе, — он снова отклонился на стуле, словно закончил свою речь.

— А если я откажусь?

Феликс пожал плечами.

— Всегда есть Блумсбери-сквер и много других подобных мест. Но должен сказать тебе, Коко, это выглядело не очень удобно. А еще есть — «благодетели», так ты их назвал? Думаю, тебя догонят сотрудники службы защиты детей.

— Ни за что. Я не вернусь. Я спрячусь...

— И они найдут тебя, Коко. В конце концов, они обязательно найдут тебя.

Они смотрели друг на друга через стол. У Рикки сложилось отчетливое впечатление, что его перехитрили. Он снова взял лист бумаги с фотографиями. Это выглядело намного лучше, чем ужасное арендованное жилье Бакстера.

Но во что он ввязывался?

— Вот, что мы сделаем. Мы отдохнем в его квартире. Мы возьмем его деньги. Мы узнаем, что можем, если это так важно для него. Мы точно выясним, как он следит за нами. Потом снова исчезнем.

Когда эти мысли пронеслись в его голове, Рикки неловко поерзал на стуле. Феликс пронзил его взглядом. Казалось, он точно знал, о чем думал Рикки.

— Хорошо, — тихо сказал Рикки.

Феликс кивнул, сдвинув брови. Он вынул банкноту в десять фунтов и положил ее на стол, чтобы заплатить за завтрак Рикки.

— Пойдем? — сказал он.

Дождь прекратился, но тротуары все еще блестели. Феликс поймал такси, протягивая

крепкую трость. Он дал водителю указания, пока Рикки забирался в такси. Через пару мгновений их уже несло вниз по Хай-Холборну к центру.

— Куда мы направляемся? — спросил Рикки.

— Доклендс. Это пентхаус. Большое здание, много стекла. Думаю, тебе понравится.

Рикки не ответил.

— В любом случае, это лучше, чем скамейка в парке, — сказал Феликс.

* * *

В трехстах пятидесяти милях к северо-западу от Лондона трое мужчин стояли на холме, возвышающемся над холодным серым морем. Сильный ветер трепал их волосы и дорогие костюмы. На западе, окутанном туманом, виднелись очертания промышленной верфи, примерно в пяти милях от них. Позади них, на гребне холма, ждал грозный черный Мерседес. Но все внимание этих троих было приковано к открытой воде.

Двое из них были широкоплечими. Третий был довольно жилистым, со злым, худым лицом. У него был бинокль, и он пристально смотрел в него на море. Широкоплечие мужчины выглядели раздраженными тем, что были вынуждены стоять в высокой мокрой траве. Она промочила их хорошие кожаные туфли и штанины брюк.

— Что такое, Коул? — сказал один из них. У него был сильный русский акцент. Это и завывание ветра означало, что жилистый мужчина изо всех сил пытался его понять. — Какая-то шутка?

Коул не опустил бинокль.

— Без шуток, Дмитрий, — сказал он. — Просто продолжай смотреть.

Двое широкоплечих мужчин нахмурились и смотрели на море. Это бушевало, не привлекало.

— Я даже не знаю, где мы, — сказал второй здоровяк. — Зачем ты привел нас в это ужасное место?

Коул, наконец, опустил бинокль. С огромным усилием он тонко улыбнулся мужчине.

— Это Ферт-оф-Клайд, Григорьев. Признаю, что это не так красиво, как ваше сибирское побережье, — Коул снова поднял бинокль и посмотрел на море. — Ты скоро поймешь, почему мы здесь. Просто подожди еще несколько минут.

— Уже полчаса, — агрессивно сказал Григорьев. Коул взглянул в его сторону и увидел, что его правая рука направлялась к карману пальто. В последний момент Дмитрий схватил его за запястье и сказал что-то по-русски. Григорьев опустил руку, но не стал менее раздраженным, когда сказал. — Мне кажется, ты притворяешься, что знаешь что-то, что...

— Тихо! — скомандовал Коул.

Мужчины замолчали. Ветер выл вокруг них. Десять секунд спустя Коул сказал:

— Вот!

Двое русских прищурились и уставились в море.

— Что? — спросил Дмитрий. — Где?

Но Коул был единственным, кто мог видеть через мощное увеличение бинокля. Примерно в полумиле от моря что-то только что пробило поверхность. Сначала оно выглядело как кит, но темнее. Вода стекала с его закругленной вершины, пока оно выходило из моря, становясь все больше с каждой секундой.

Но это была всего лишь боевая рубка подводной лодки. Через несколько секунд начала всплывать основная часть подлодки. Черная и грозная, она затмила башню и взболтала и без того бурное море вокруг себя.

Коул передал бинокль Дмитрию, тот жадно схватил его и посмотрел на море.

— Я все еще ничего не вижу! — тут же объявил он. — Что не так? Я не... — он резко замолк. Очевидно, он увидел объект. Он смотрел на него целую минуту, прежде чем передать бинокль Григорьеву.

— Атомная подводная лодка класса «Авангард», — сказал Коул, пока второй русский продолжал смотреть. — Одна из четырех. Полностью оснащена баллистическими ракетами «Трезубец II Д-5», — он подождал, пока Григорьев опустит бинокль, и еще раз улыбнулся двум русским. — Видите ли, джентльмены, я могу показать вам, как найти любую британскую атомную подводную лодку в любой точке мира. Это ценная информация, конечно. Так что, поговорим о деньгах?

Двое русских ухмыльнулись друг другу.

— Не здесь, — сказал Дмитрий. — Вернемся к машине. Нас ждет вертолет, он унесет нас в Лондон. Во время путешествия мы будем рады обсудить, насколько богатым мы вас сделаем, мистер Коул.

Без лишних слов трое мужчин отвернулись от океана и пошли вверх по холму к ожидавшей их машине.

* * *

Феликс был прав. Рикки понравился его новый дом. Как иначе?

Там была огромная спальня с видом на Темзу, с огромной двуспальной кроватью и большим телевизором на стене. Кухня сверкала кварцем и сталью, а холодильник был набит едой и безалкогольными напитками. В ванной были джакузи и душ с четырьмя отдельными форсунками. В отдельной комнате был видеодомофон, ультрасовременный компьютер и полностью оборудованный спортзал.

— *Это круто! И бесплатно!*

— *Ничего не бывает бесплатно, приятель. Нет ничего бесплатного.*

— Чувствуй себя как дома, — сказал Феликс, Рикки стоял в главной комнате, сжимая сумку, с широко раскрытыми глазами, не зная, куда смотреть.

— Это не развод? — спросил он.

— Нет. Я оставлю тебя обустроиваться. Я вернусь завтра утром, в девять утра.

— Зачем?

— Я говорил тебе. Уроки.

Феликс повернулся к Рикки спиной и заковылял к выходу.

— Эй, Феликс.

Мужчина остановился и обернулся.

— Что случилось с вашей ногой?

Лицо Феликса дернулось. Это было явно болезненное воспоминание.

— Меня подстрелили. Пуля разбила кость, и пришлось ампутировать ногу.

— Звучит больно.

— Мне повезло, что они сделали это ниже колена, а не выше. Ходить без коленного сустава куда тяжелее. Так мне говорили.

Рикки обдумал это.

— Такое часто случается в вашей сфере деятельности?

— Ампутации?

— Пули.

Феликс почесал нос.

— Мы стараемся избегать этого.

— Кто такие «мы»?

Феликс одарил его пустой улыбкой.

— Это сложно, — спокойно сказал он. — Ну, я чуть не забыл. Тебе понадобится ключ, чтобы войти и выйти.

— Кто такие «мы»? — повторил Рикки. — Хорошие или плохие? Это не слишком сложно?

— Я удивлен, что тебя это волнует — не похоже, что ты собираешься оставаться здесь достаточно долго, чтобы выяснить это.

Рикки ничего не сказал, но почувствовал, что краснеет.

— Я прав?

Тишина.

— Я *прав*?

Тишина.

— Хорошо, — сказал Феликс, словно разговаривая сам с собой. — Может, мы уже чему-то научились. Теперь о ключе.

— Ага, — сказал Рикки. — Насчет этого ключа.

— Он где-то в квартире. Твое домашнее задание — найти его.

— Что?

— Найди его, Коко. Используй глаза. Покажи, какой ты внимательный.

— *Он сумасшедший.*

— *Ты только что это понял?*

Феликс похромал к выходу.

— Эй, Феликс?

— Да, парень?

— Кто вы на самом деле?

Пауза. Феликс сунул руку в карман и вытащил мятную конфету, которую бросил в рот.

— Почему бы тебе просто не думать обо мне как о твоём ангеле-хранителе, — сказал он.

5

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

Пятница, 14:30

Ключа нигде не было. Рикки был в этом уверен. Он заглянул в ящики на кухне, во все шкафы и даже в холодильник. Он проверил под матрасом своей кровати и всеми шкафами. Он проверил под коврами в гостиной и коридорах. Он даже опустился на четвереньки, проверил за унитазом, прежде чем вернуться на кухню и перепроверить ящики, которые он уже обыскал.

Именно в этот момент он решил, что это было безумием. Феликс играл с ним в глупые игры. Возможно, Рикки не хотел играть.

Он налил себе колу из холодильника и сел на балконе с видом на Темзу. Был поздний

вечер, и он не мог не думать о том, как изменилась его жизнь за последние двадцать четыре часа. У него было все, чего не было вчера, — место для ночлега и еда.

Но он все еще чувствовал себя очень тревожно.

Кем был этот Феликс? Почему он старался изо всех сил помочь ему? Рикки знал достаточно о мире, чтобы понимать, что никто никому не помогает без выгоды для себя.

Солнце начало садиться, и воздух стал холодным. Рикки вернулся в дом и приготовил себе огромный бутерброд с курицей и майонезом из множества запасов на кухне. Он ходил по квартире, пока ел. Он уставился на входную дверь, и ему пришло в голову, что без ключа он был заключен здесь.

Но ключа нигде не было.

Рикки почувствовал небольшой прилив гнева к Феликсу за то, что тот поставил перед ним невыполнимую задачу.

— *Я в ловушке. Если я уйду из этой квартиры, то больше никогда туда не вернусь.*

— *Но ты можешь уйти, если хочешь. Но давай смотреть правде в глаза, застрять здесь лучше, чем застрять на Блумсбери-сквер.*

Он отнес сумку в спальню. Сев на край кровати, он вытащил фотографию мамы, папы и Мадлен в рамке. Он смотрел на нее. Как это часто случалось, он поймал себя на том, что вспоминал момент, когда услышал известие об их гибели: двое полицейских у двери, Мадлен, закрывшая лицо руками, а он сидел на диване, уставившись в пространство, не в силах все это принять...

Затем он очнулся и поставил фотографию на тумбочку. Он включил телевизор, лег на кровать и начал переключать каналы.

Смотреть было нечего. Пару минут он смотрел, как два ребенка его возраста читали рэп на «Таланты Британии». Он застал последние пять минут «Симпсонов». Потом он оказался на новостном канале. Журналист стоял у посольства России в Лондоне. У него было серьезное лицо и серьезный тон.

— Напряжение между Россией и Западом нарастает из-за ситуации на Ближнем Востоке. Переговоры между министром иностранных дел Великобритании и его российским коллегой были охарактеризованы как...

Но Рикки так и не узнал, как описывались эти переговоры. Кровать была мягкой. В комнате было тепло. Он уже погрузился в глубокий сон...

* * *

От элегантной квартиры, в которой теперь спал Рикки, до еще более элегантного особняка, величественно названного Белым домом, в самом сердце Мейфэра, было пять миль по прямой. Человеку, однако, пришлось бы пробиваться пару часов через толпу в час пик, чтобы добраться туда.

Если бы они это сделали — и если бы им удалось перелезть через высокие перила, окружавшие Белый дом, и пройти мимо камер видеонаблюдения, закрывавших вход, они могли бы подняться по впечатляющей извилистой мраморной лестнице и войти в спальню наверху лестницы. Здесь они нашли бы пятнадцатилетнюю девочку по имени Иззи Коул, сидящую на краю своей кровати и плачущую.

Ладони ее рук, закрывавшие лицо, были мокры от слез. Ее плечи тряслись. Она старалась не плакать, правда. Но даже когда ей удавалось остановиться секунд на пятнадцать-двадцать, слезы всегда возвращались, когда она вспоминала, что только что произошло.

Она поспорила с отцом из-за серьги. Такая маленькая вещь — крошечный золотой гвоздик, который лежал на прикроватной тумбочке Иззи. Когда всего полчаса назад он вернулся домой, выглядя потрепанным ветром, он, казалось, был в редкостно хорошем настроении. Настолько хорошо, что Иззи осмелилась появиться перед ним с серьгами.

Плохой ход.

Когда ее отец увидел это, его настроение сразу же изменилось. Он знал, что Иззи нарушила его указание никогда — никогда — не прокалывать уши, пока она живет под его крышей. Она была единственной из ее подруг, у кого не были проколоты уши. Это казалось такой мелочью — попросить леди в тату-салоне сделать это, тем более что две ее подруги, Бекки и Кейтлин, притворились восемнадцатилетними и делали себе настоящие татуировки — одинаковые розы — на своих плечах.

Ее отец думал иначе.

Она ненавидела его. Ненавидела. Она знала, что звучала избалованно. Она знала, что жила в шикарном доме, ходила в шикарную школу и ни в чем не нуждалась. Но все это было ложью. Она ненавидела видеть своего отца по телевизору, улыбающегося перед камерами — досточтимого Джейкоба Коула, члена парламента, который всегда звучал разумно и был популярен у всех.

Но они не знали, какой он на самом деле. Они не видели его настоящего.

Иззи взяла салфетку из коробки у своей кровати. Она высморкалась и скривилась. Она опустила салфетку и посмотрела на нее. Кровь. Она прошла через комнату к своему туалетному столику, где посмотрела на свое лицо в зеркале.

Даже Иззи была удивлена увиденным. У нее был порез на верхней губе, где ее ударил отец. Левый глаз распух от фиолетового синяка. Она смотрела в зеркало целую минуту, прежде чем порез снова начал сочиться, и ей пришлось взять другую салфетку, чтобы вытереть его.

Когда кровотечение, наконец, остановилось, она подошла к окну и выглянула. Ее комната выходила окнами на палисадник. Между садом и улицей была высокая стена, но с первого этажа она могла видеть тротуар напротив. Там был элегантный уличный фонарь, заливающий тротуар желтым сиянием. И, прислонившись к фонарному столбу, стояла фигура. Он был широкоплечий, в тяжелом пальто, с лысой головой и черной кожей. В одной руке он держал трость. Иззи уставилась на него.

Внезапно он поднял голову. Иззи ощутила холод, когда их взгляды встретились. Мужчина быстро отвел взгляд, затем посмотрел на тротуар и пошел прочь. Иззи заметила, что он слегка прихрамывал...

Через миг он пропал из виду. Иззи забыла о нем так же быстро. В голову лезли мятежные мысли. Она расскажет кому-нибудь о своем отце. Заставит всех понять, каким он был на самом деле. Она объяснит, что это был не первый раз, когда он ударил ее. Он был жестоким и...

Момент ее мужества быстро испарился. Расскажет всем? Она даже не могла рассказать маме, которая всегда была на стороне отца, потому что боялась его даже больше, чем Иззи. Никто никогда не поверит глупой пятнадцатилетней девочке против важного Джейкоба Коула, члена парламента. Над ней будут смеяться, ее обвинят во лжи.

Все, что она могла сделать, это привести себя в порядок, насколько это было возможно. Придумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить следы на ее лице. И оставаться в ее спальне на случай, если ее вид еще больше разозлит ее отца.

Спальня была хорошей. Со вкусом обставленной удобной мебелью. Но Иззи иногда казалось, что это была тюрьма.

* * *

Рикки внезапно проснулся. В дверь звонили и звонили, и утреннее солнце лилось в окна. Он посмотрел на часы: 9:06, суббота, утро. Он долго спал.

Звонок в дверь повторился уже в шестой или седьмой раз.

— Держу пари, это Феликс, — пробормотал Рикки себе под нос. Он спрыгнул с кровати, поспешил к двери и быстрым рывком распахнул ее. Феликс был там со своим белым бумажным пакетом конфет в руке и рюкзаком через плечо.

— Желе? — предложил Феликс, протягивая сумку.

— Э-э, на самом деле немного рановато.

— Чушь. Никогда не рано для желе. Особенно, с черной смородиной, — он выбрал маленькую фиолетовую желейную конфету и сунул ее в рот. — Ты нашел его? — спросил он.

Рикки моргнул. Голова была мутной, во рту пересохло. Его одежда была помятой и не слишком свежей. Он замотал головой, чтобы стряхнуть сонливость.

— Что нашел? — упрямо спросил он.

Феликс улыбнулся, затем перешагнул порог, как будто это место принадлежало ему.

— *Может быть, он владеет этим местом.*

— *Он должен быть очень богат, если это так.*

Феликс был в метре от двери, когда остановился, словно наткнулся на невидимую кирпичную стену. Он сморщил лицо.

— В чем дело? — спросил Рикки.

— В тебе, — сказал он.

Рикки оглядел себя с ног до головы.

— А что я?

— От тебя воняет, Коко, — сказал Феликс. — Как от того, что только что умерло. Не хочешь привести себя в порядок перед тем, как мы начнем?

— Пожалуйста, не сдерживайтесь, — сказал Рикки. Он почувствовал, что краснеет. Он полагал, что Феликс был прав — он не мылся сорок восемь часов, и двенадцать из них провел в беспробудном сне, — но ему не нравилось, когда с ним так разговаривали. — В любом случае, — сказал он, — я в порядке.

Феликс пожал плечами, сморщил нос и пошел дальше в квартиру.

— Я не смог найти ключ, — сказал Рикки. — Вы точно его оставляли?

— Ага, — сказал Феликс, оглядываясь, пока они шли в гостиную. — Где ты смотрел?

— Повсюду.

— Вздор, — сказал Феликс, роняя рюкзак на пол. — Если бы ты искал везде, ты бы нашел его.

— Ну, хорошо, но никто не может посмотреть абсолютно везде... — Рикки направился на кухню.

— Конечно, могут. Им просто нужно знать, как. Хочешь, я расскажу?

— Э...

— Приму это как «да», — сказал Феликс. — Если ты не собираешься принимать душ, поставь чайник и сделай мне чаю. Возьми себе, если хочешь, но мне нужно больше — я буду много говорить, а ты будешь много слушать. Уроки начинаются, Коко. Включи свой мозг и

приготовься учиться.

Через пару минут они уже сидели в гостиной с чашками горячего чая в руках.

— Значит, когда ты искал ключ, ты просто искал в случайных местах, верно? — сказал Феликс. — Ты подумал о том, где он может быть, посмотрел в этом месте, а затем перешел к другому месту, которое пришло тебе в голову.

Рикки посмотрел на него.

— Вы снова за мной шпионили? — спросил он.

— Нисколько. Вы сделали то, что делает большинство людей. Вы искали без какого-либо метода. Но это не поиск. Это просто осмотр.

Рикки открыл рот, хотел возразить. Но потом он вспомнил, как открывал шкафы на кухне наугад, и понял, что Феликс был прав.

— Может, вы правы, — сказал он.

— Как мило, что ты это сказал, — Феликс огляделся в комнате. — Почему бы тебе не попробовать это. Когда обыскиваешь комнату, раздели ее на кубы поменьше — в голове, конечно. Обыщи тщательно каждый куб и пройди к следующему.

Рикки нахмурился.

— Но некоторые кубы будут просто пустым пространством, — сказал он.

— Тогда они не займут у тебя много времени, — Феликс допил чай и встал, поморщившись, когда надавил на больную ногу. — Вот и подходит к концу первый урок, — сказал он. — Теперь найди этот ключ.

— Вы могли бы просто сказать мне, где он, — сказал Рикки. Он был недоволен из-за проблемы с ключом.

— Конечно, мог. Но где в этом веселье? Теперь найди его.

— А что вы будете делать?

— Если хочешь знать, — сказал Феликс, — я выпью еще чашку чая и, возможно, съем еще одну желейную конфету.

Когда Феликс поковылял на кухню, Рикки встал. Он посмотрел в один конец комнаты.

— Это глупо, — буркнул он. Но в уме он разделил этот конец комнаты на невидимые кубы. В одном из кубов был низкий деревянный комод, который он тщательно обыскал, даже вытащил ящики и проверил их нижнюю часть. В другом кубе на стене была картина, которую он снял, чтобы проверить обратную сторону. Ключа не было. Он оглянулся и увидел Феликса, стоящего в дверях и пристально наблюдающего за ним со второй кружкой чая в руке.

— *Это пустая трата времени.*

— *Ну и что? Если это сделает его счастливым, и мы останемся здесь...*

Рикки улыбнулся Феликсу и вернулся к поискам.

Ключ он нашел через десять минут. Он был приклеен куском скотча к ламбрекenu, прикрывавшему карниз. Рикки был удивлен, ощутив легкий прилив триумфа, когда забрал его.

— Один ключ! — объявил он.

— Молодец, — сказал Феликс.

— Вы не выглядите впечатленным.

Впервые с тех пор, как они встретились, Рикки увидел, как на лице Феликса промелькнула вспышка раздражения.

— Чего ты хотел, Коко? Уличный парад?

Рикки почувствовал, что краснеет.

— Я очень надеюсь, что тебе не показалось это трудным, юноша, потому что ты еще даже не начал. К тому времени, как я закончу с тобой, ты будешь...

— Самым опытным маленьким воришкой на улицах Лондона? — вставил Рикки. — Потому что я для этого вам нужен, да? Никто не смотрит на ребенка, никто не подозревает ребенка. Значит, вам нужен ребенок, который будет делать за вас грязную работу, воровать и все такое. Я прав?

Лицо Феликса ничего не выдавало.

— Это сложно, — сказал он.

Рикки ощутил прилив необъяснимого гнева из-за того, что его фраза снова была отброшена в него.

— Конечно, — продолжил Феликс, — применение ключей довольно ограничено.

— А?

— Я о том, что, вообще говоря, один ключ открывает только одну дверь. Было бы намного полезнее, если бы у нас был ключ, которым можно открыть любую дверь.

— Наверное.

Феликс улыбнулся. Он оглядел комнату в поисках своего рюкзака и порылся в нем, затем достал что-то похожее на большой строительный степлер с длинным узким лезвием, торчащим из одного конца.

— Что это? — спросил Рикки.

— Это, — сказал Феликс, — пистолет для отмычки. Невероятно полезный. Считай это подарком, если хочешь, — он бросил устройство через всю комнату Рикки, который вовремя его поймал. — У меня есть еще кое-что для тебя, — добавил Феликс, снова заглянув в свой рюкзак, прежде чем вытащить прочный врезной замок. — Можешь потренироваться на этом, если хочешь. Просто вставляешь пистолет в замок, а затем начинаете сжимать рукоятку до упора. Скоро освоишься, — он бросил и врезной замок через всю комнату.

Рикки поймал его свободной рукой, но вздрогнул, когда пальцы чуть не разогнулись. Но Феликс уже переключил внимание на кое-что другое. Он порылся во внутреннем кармане пиджака и вытащил книгу — в мягкой обложке, довольно потрепанную. Он метнул его через всю комнату к Рикки, которому пришлось поймать сгибом рук, потому что у него были заняты руки.

— Ты любишь читать, — сказал Феликс. — Так что читай.

Рикки даже не взглянул на обложку. Он просто позволил книге упасть на кофейный столик, а затем положил рядом с ней пистолет-отмычку и врезной замок.

— Что хорошего в книгах для вора? — сказал он.

Феликс серьезно посмотрел на него. Затем он, прихрамывая, присоединился к Рикки в дальнем конце комнаты у окна. Он указал в сторону Лондона.

— Смотри, — сказал он.

— На что?

— Канэри-Уорф. Сити. И, кроме того, Вестминстерский дворец. Воров в этих местах столько же, сколько в любой тюрьме. Как думаешь, кто из них прочитал больше книг? Те, кто у власти, или те, кто в тюрьме?

Рикки молчал.

— Почитай книжку, Коко, — сказал Феликс и пошел, хромя, к двери. — И хватит звать себя вором.

— Почему? — сказал Рикки. — Это ведь то, кто я есть, да?

— О, не факт, — Феликс провел ладонью по лысой голове. — Однажды ты удивишь себя.

Он вышел из комнаты. Рикки стоял у окна и слушал, как его странный новый знакомый выходит из квартиры.

6

ИГРА КИМА

Пока Рикки стоял под душем, наблюдая, как грязная вода стекает в сливное отверстие, он должен был признать, что Феликс, возможно, был прав. Он был грязным. Он облил себя шампунем и мылом и почувствовал себя чище, чем за последние несколько месяцев.

В спальне он обнаружил, что одежда, висящая в шкафу и сложенная в ящиках, идеально сидела на нем. Он выбрал джинсы, футболку Hollister и новые Nike и постарался не слишком много думать о том, кто положил сюда эту одежду, и откуда они узнали его точный размер. Когда он посмотрел на себя в зеркало, ему пришлось резко вдохнуть. Конечно, его волосы все еще были до плеч и спутанные, но он внезапно стал больше похож на ребенка, которым был год назад: обычного ребенка, с мамой, папой, сестрой и домом, который он мог бы назвать своим.

Он чувствовал тот укол одиночества и печали, который всегда впивался, когда он думал о своей семье. Но он быстро закопал снова. Теперь он был один и не мог позволить себе жалеть себя.

Он вернулся в гостиную. Книга Феликса все еще лежала лицевой стороной вниз на кофейном столике.

— Будем читать?

— У тебя есть варианты получше?

Ответ был нет. Рикки взял книгу и прочитал название. «Ким» Редьярда Киплинга. Страницы пожелтели и пахли затхлостью старых библиотек. Рикки нравился этот запах. Он сел на диван и начал читать.

На несколько часов он потерялся в книге. История об осиротевшем ребенке на улицах

Индии, странная история о приключениях и тайнах. Рикки был потрясен, когда Ким попал под влияние британской секретной службы, и его глаза были прикованы к странице, когда торговец драгоценностями — сам оперативник секретной службы — начал обучать Кима приемам шпионажа.

Шпионаж.

К тому времени, как он перевернул последнюю страницу, снаружи уже стемнело. Взгляд Рикки задержался на последнем абзаце. Когда он с сожалением закрыл книгу, он также закрыл глаза.

— *Книга — это какое-то послание? Это то, что он пытается сделать, превратить меня в своего рода...*

Рикки не мог заставить себя произнести слово «шпион». Просто это звучало слишком смешно. И все же он был здесь, забранный с улицы и окруженный...

— Хорошая книга?

Рикки вздрогнул. Во мраке комнаты он увидел Феликса, стоящего в дверях.

— Я не слышал, как вы вошли, — обвинил Рикки.

— Нет, — сказал Феликс. — В этом я очень...

— Да, да, не говорите мне, что в этом вы очень хороши, — Рикки почему-то невероятно разозлился. Как будто его обманули. Феликс ничего не говорил о шпионаже. Теперь Рикки чувствовал, что просто играл в глупые игры. — Что сегодня вечером? Винный мармелад?

— Боже, нет. Терпеть его не могу. Но если хочешь бутылку колы...

— Я уйду, — крикнул Рикки.

Он пронесся мимо Феликса, который смотрел на него без эмоций, и, уходя, хлопнул входной дверью квартиры. Лифт на другой стороне коридора ждал его, и он двигался безумно медленно, пока нес его на первый этаж. Консьержка, сидевшая за большой мраморной стойкой, вежливо кивнула. Рикки почувствовал, как ее взгляд следует за ним, когда он пересекал вестибюль, и на мгновение ощутил паранойю. Но когда он оглянулся, консьержка просто читала журнал.

На улице было влажно. Жилой дом выходил на большую пешеходную площадь с симметрично расставленными небольшими и аккуратно подстриженными деревьями и скамейками по краям. Лишь несколько скамеек были заняты. Пара целовалась в дальнем конце. Бродяга, яростно сжимающий банку пива. Рядом с ним были двое юношей, парень и девушка, лица их были покрыты пирсингом. Они были Выброшенными, Рикки мог сказать с первого взгляда. Он держался на расстоянии, но поймал себя на том, что задавался вопросом, где они будут спать сегодня ночью.

Эта мысль остановила его. Он снова посмотрел на многоквартирный дом позади себя.

— *Где ты будешь спать, Рикки, если мы сейчас просто уйдем?*

Взгляд его поднялся на верхний этаж. Он подумал, что Феликс стоял у окна и смотрел наружу.

— *Если ты сейчас уйдешь, каковы шансы вернуться? У тебя есть шанс, Рикки. Это не будет длиться вечно, но пока он есть, нужно использовать его изо всех сил. Мило улыбнись парню. Слушай все, что он хочет сказать. Ты можешь убежать в любое время.*

— Только не сегодня, — громко пробормотал Рикки. Он развернулся и прошел в вестибюль многоквартирного дома. На этот раз консьержка наблюдала за ним всю дорогу до лифта.

Вернувшись на верхний этаж, он вошел в квартиру с ключом, который с таким трудом

нашел. Феликс все еще был там, глядел в окно, как и представлял Рикки. Он повернулся и приподнял бровь.

— Извините, — сказал Рикки. Он изо всех сил старался выглядеть так, будто говорил искренне. Будто он не только что вернулся, потому что ему больше некуда было идти. — Немножко взбесился.

— Не извиняйся, Коко. Ты можешь уйти, когда захочешь.

— Я... Я не хочу.

— Рад это слышать, — Феликс поднял колоду игральных карт. — Давай сыграем в игру Кима.

Рикки моргнул, глядя на него.

— О чем вы?

— Я думал, ты прочел книгу.

— Да.

— Значит, ты помнишь игру с драгоценностями.

Рикки кивнул. Теперь он вспомнил это. В книге слуга показал Киму поднос, полный драгоценностей. Когда поднос накрыли, Киму пришлось описать, какие там были драгоценности. Агент практиковал это снова и снова с разными объектами, пока он не смог запомнить почти все с одного взгляда.

— Боюсь, драгоценности не достать, — добавил Феликс. — Мы будем использовать игральные карты. Так я научился этому в армии. Все спецподразделения практикуют это до посинения.

Они сидели друг напротив друга за кофейным столиком. Феликс разложил десять карт и дал Рикки двадцать секунд, чтобы запомнить их. Он запомнил семь правильно.

— Неплохо для первого раза, — сказал Феликс. Но по тому, как он смотрел на него, Рикки понял, что он был впечатлен больше, чем хотел показать. — Теперь попробуй еще раз. Я перетасую колоду.

Потребовалось восемь подходов, прежде чем Рикки смог запомнить все десять карт. Феликс сократил время, в течение которого ему разрешалось смотреть на них, до пятнадцати секунд. Потом до десяти. Это была утомительная работа, но когда через час Феликс остановился, Рикки был странно разочарован. Он разошелся и хотел продолжать.

— Уже поздно, Коко, — сказал Феликс. — Тебе нужно выспаться, — он нахмурился. — Никаких обид.

Рикки проигнорировал этот комментарий. Он смотрел, как Феликс собирает карты и аккуратно складывает их на кофейном столике.

— Вы говорили, — сказал он. — Об изучении этой игры в армии.

— Что насчет этого?

— Там вы потеряли ногу? В армии?

Феликс шмыгнул носом. Казалось, он решал, отвечать ли.

— Да, — наконец, сказал он.

— Что случилось?

— Я уже говорил. Пуля.

— Да, но... как?

— Я был офицером разведки. И я совершил ошибку. Очень серьезную ошибку, — он пронзительно посмотрел на Рикки. — Тебя всегда достают твои ошибки. Запомни это.

— Что было у вас?

— Я использовал фонарик.

Рикки моргнул, не понимая, поэтому Феликс продолжил:

— Я проник под прикрытием в захваченную врагом деревню. Было ночное время. Мне нужно было обыскать пустой дом, и я воспользовался фонариком, чтобы видеть. Проблема в том, что если кто-то наблюдает, фонарик — худшее, что можно использовать ночью. Когда люди видят свет, движущийся внутри дома, это всегда вызывает у них подозрения. Лучше включить лампу. Никто и глазом не моргнет. Но в доме не было лампы, и у меня не было очков ночного видения...

Его голос на мгновение затих, пока Рикки сидел в ошеломленном молчании.

— В любом случае, — внезапно сказал Феликс, — сторонник врага заметил, как я уходил издалека. Он подождал, пока не решил, что я вдали от деревни, затем выстрелил в цель, и ему повезло.

— Что это был за пистолет?

— Это имеет значение? — сказал Феликс. Его голос был необычайно сдавленным.

— Извините, — быстро сказал Рикки. Он чувствовал, что переступил черту. Феликс не любил это обсуждать.

Некоторое время они стояли в неловком молчании, прежде чем Феликс сказал:

— Патрон 7,62 НАТО из снайперской винтовки M24.

— Извините, — снова сказал Рикки.

— Не стоит. Мне повезло. Еще несколько сантиметров выше, и меня бы убили.

Рикки мгновение усваивал эту информацию.

— Значит, вы, — сказал он, — офицер разведки?

— Я, — сказал Феликс, — очень устал. Уже почти десять часов. Мне нужно немного поспать, и тебе тоже. Увидимся утром.

И, не сказав ни слова, он вышел из квартиры.

* * *

Пока Феликс выходил из роскошной квартиры в Доклендсе, мужчина гораздо моложе его сбежал по каменным ступеням в подвал заброшенного здания в темном, забытом переулке Сохо. Он вспотел, тяжело дышал и был напуган.

Здание называлось Домом хранителя. Оно было заброшенным годами. Его окна были заколочены, стены покрыты граффити, а с крыши вяло свисали водостоки. Внутри пахло мокрой гнилью и пренебрежением. Комнаты первого этажа были завалены старой мебелью — заплесневелыми, рваными диванами, столами, изрешеченными древоточцами. Все, что можно было использовать, было перемещено в подвал.

Юношу звали Томми. Ему было шестнадцать, у него были растрепанные черные волосы и выпирающий кадык. Он все время хмурился, и на костяшках или лице всегда были порезы — результат драки. Он часто дрался на улице.

Он ворвался в главную комнату подвала.

— Думал, ты забыл о нас, — прохрипел голос. Томми обернулся и увидел сторбившуюся в углу комнаты фигуру, чуть меньше его самого. Было слишком темно, чтобы разобрать черты, но Томми узнал голос Хантера.

— А я бы сделал это? — саркастически ответил Томми.

Он оглядел большую подвальную комнату. Она была освещена старым торшером в углу — каким-то образом Хантеру удалось подключить электричество — и содержала разномастную коллекцию мебели и людей.

Мебель была старой. Все люди были молодыми. Томми явно был старшим, а одному из детей, сидевшему в углу, обняв колени, было не больше двенадцати, хотя он клялся, что ему пятнадцать. В комнате их было восемь, включая Томми и Хантера. Остальные были либо все еще на улице, либо в одной из других комнат, примыкавших к этой.

Томми с тревогой посмотрел через плечо, потом снова на Хантера.

Наступила минута молчания. Затем Хантер вышел из теней в центр комнаты. Его черты стали видны. Хантеру было за шестьдесят, у него была квадратная челюсть и несколько раз сломанный нос. У него было острое, жестокое лицо и слезящиеся жадные глаза.

— Что с тобой? — спросил он.

Томми закрыл глаза.

— Полиция, — выдохнул он.

Неприятная пауза, пока Хантер смотрел на него.

— Они преследовали тебя?

— Я думаю, что оторвался от них.

Молчание. Томми чувствовал, как глаза всех детей в комнате прожигают его.

— Думаешь, ты от них оторвался?

— Д-да...

— Что ж, — сказал Хантер опасным полупшепотом, — тогда все в порядке, не так ли? Он *думает*, что оторвался от них. У тебя есть что-нибудь для меня?

Томми тяжело сглотнул, затем кивнул. Он прошел дальше в комнату и протянул толстый черный бумажник. Хантер схватил его и начал рыться в его содержимом. Его явно не интересовали кредитные карты — их было слишком легко отследить. Но он выудил несколько банкнот и горсть мелочи, которые сунул в карман, прежде чем выбросить бумажник.

— Это лучшее, что ты смог сделать? — сказал он. — В субботу вечером?

Томми кивнул.

— И ты хочешь поесть? Давай, сынок. Еда там.

Томми уже заметил коробки пиццы на столе справа. Пять, и все открытые. Он прошел к столу, увидел, что там осталось лишь два кусочка остывшей пиццы. Он знал, что жаловаться нельзя. Вместо этого он схватил кусочек и стал голодно запихивать его в рот.

Удар выбил воздух из его легких и половину еды изо рта. Он рухнул, едва дыша, и увидел, что Хантер стоит над ним, все еще держа в руках короткую толстую дубину, которой он только что ударил его в живот.

Пока Томми пытался вдохнуть, Хантер склонился над ним.

— Послушай меня, идиот, — прошипел он, размахивая дубиной перед лицом Томми. — Если ты приведешь полицию в этот район, ты получишь кое-чем пострашнее, чем это, по своим кишкам. Ты понял?

Томми попытался кивнуть, но кусок полупережеванной пиццы застрял у него в горле, и все, что он мог сделать, это издать резкий, задыхающийся звук. Он осознавал, что Хантер встал и обратился к остальным детям в комнате.

— То же самое касается и всех вас, — крикнул мужчина. — Есть проблемы?

Никто не ответил. Они не посмели бы. Как и Томми, все они ненавидели Хантера. Но обмен на ежедневный поток украденных денег он давал им то, в чем они нуждались. Крыша над головой. Еда. И что-то более важное, чем и то, и другое: безопасность в количестве. Потому что, когда ты работал на улице, не было ничего важнее этого.

* * *

Было ровно 9 утра, когда Феликс вернулся. Кровать Рикки осталась нетронутой. Он не вставал с дивана. Перед ним было разложено тридцать игральных карт. Он смотрел на них пятнадцать секунд. Затем он закрыл глаза.

— Королева червей, — сказал он. — Двойка пик, пятерка бубен, девятка треф...

Тридцать секунд спустя он назвал по порядку названия каждой карты. Он снова открыл глаза. Феликс опирался на свою трость и внимательно смотрел на него.

— Очень хорошо, Коко, — пробормотал он. — Действительно хорошо. Возможно, мы еще что-нибудь из тебя сделаем.

Рикки улыбнулся.

— Но это всего лишь игра для вечеринок. И все.

— Посмотрим, — хитро сказал Феликс. — Посмотрим.

Но в голове у Рикки происходил другой разговор, с Зигги.

— *Ты его покори́л. Это хорошо. Пусть так и будет. То, чему он тебя учит, пригодится на улице. Учись у него всему, чему можешь. Развивай себя.*

— *А когда придет время уйти?*

— *Тогда уйдешь.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7

ОРУЖИЕ

Следующие недели прошли быстро. Дни Рикки были заполнены, и у него совсем не было времени потратить 100 фунтов стерлингов на жизнь, которые Феликс отдавал каждое субботнее утро. Не то чтобы он нуждался в деньгах. Каждый раз, выходя из квартиры, он возвращался и обнаруживал, что холодильник полон, его одежда выстирана, а квартира прибрана. Он никогда не видел человека или людей, ответственных за это. Когда он упомянул об этом, Феликс просто сказал:

— У тебя нет времени на работу по дому, — и отказался это обсуждать.

Так что каждую неделю Рикки откладывал свои деньги в носок, который прятал под матрасом. Это пригодится, сказал он себе, когда он, наконец, уйдет отсюда.

Но Феликс не ошибся. Ни на что другое, кроме уроков, времени не оставалось. Он появлялся каждое утро ровно в 9 утра, заглядывал через порог и вежливо спрашивал, можно ли войти. Оказавшись внутри, он усердно работал с Рикки.

Каждое утро пара часов проводилась в спортзале, который располагался в одной из свободных комнат квартиры. Там было несколько силовых тренажеров, велотренажер и даже беговая дорожка. Рикки возненавидел беговую дорожку. Он был рад отжиматься и подтягиваться, но Феликс вскоре забраковал эту идею.

— Ты еще не совсем взрослый, поэтому можешь повредить свое тело слишком большим весом. Тебе нужна общая подготовка, так что бегай на беговой дорожке.

— Не вижу, чтобы вы это делали, — ворчливо ответил Рикки.

— Посчитай ноги, Коко. И мне уже надоела рвота из-за упражнений. Теперь твоя очередь, — он вытащил из своего мешочка кусочек арахисовой крошки. Рикки несколько раз тошнило. Казалось, это не беспокоило Феликса, который без эмоций наблюдал, как он согнулся пополам, пока его тошнило. Но через несколько недель он обнаружил, что может бежать все дольше и дольше на более высоких скоростях. Он даже обнаружил, что с нетерпением ждал этих ежедневных тренировок, хотя никогда бы не признался в этом Феликсу. Он также подстригся — его длинные волосы постоянно липли к шее, и было гораздо круче бежать с более короткой, хотя и неряшливой прической. И эта стрижка была чуть ли не единственной вещью, на которую у него было время потратить деньги.

У его мозга было столько же упражнений, сколько и у его тела. Через две недели он мог запомнить полколоды карт за пятнадцать секунд. Через четыре недели он мог запомнить всю колоду за тридцать.

— Неплохо, да? — сказал он Феликсу, когда ему впервые удалось это сделать. Каким-то образом слова одобрения от Феликса начали иметь значение.

Феликс пожал плечами.

— Это начало, — сказал он.

Но с тех пор уроки наблюдения Рикки стали еще сложнее. На следующий день Феликс

вывел его из квартиры к ближайшему шоссе. Они шли бок о бок, он вдруг спросил:

— Какой номер у красного «мини», который только что проехал?

Рикки моргнул, глядя на него.

— О чем вы?

— Как, по-твоему, это работает, Коко? Думаешь, что в реальной жизни кто-то разложит колоду карт и спросит, где девятка треф? Тебе нужно, чтобы твои глаза были открыты, а мозг постоянно находился в режиме записи. Ты должен видеть все. Помнить все. Ты был правы, когда сказали, что считать карты — это просто игра для вечеринок. Это, — он на мгновение остановился и постучал тростью по тротуару, — настоящая жизнь.

Они шли молча еще тридцать секунд.

— Синий «Пежо», — внезапно сказал Феликс. — Какой...

— RE75 UNF.

Если Феликс и был впечатлен, он этого не показал.

— Мы прошли букмекерскую контору тридцать секунд назад, — немедленно сказал он. — Снаружи стоял мужчина и курил сигарету. Какого цвета были его волосы?

Рикки снова моргнул.

— Я думал, что мы запоминаем номерные знаки.

Феликс приподнял бровь.

— Тебе нужно все увидеть, — повторил он.

И с этого момента, когда они выходили из дома, Феликс забрасывал Рикки невыполнимыми вопросами. Он спрашивал у него цвет чьего-то галстука через минуту после того, как они проходили мимо. Сколько человек сидело возле кафе в 100 метрах от них? Что рекламировалось на боку лондонского автобуса, который скрылся из виду?

Поначалу постоянные вопросы Феликса приводили в бешенство. Через две недели они просто надоели. Но постепенно Рикки обнаружил, что привыкал не только к вопросам, но и к запоминанию мельчайших подробностей всего, что он видел. По мере того, как он становился более опытным в этом, мир казался другим местом, полным активности, которую он никогда не замечал раньше. Он считал голубей, сидящих на телеграфных проводах, замечал выражения лиц всех, кто попадал в его поле зрения, даже подсознательно каталогизировал мусор, который они передавали по мостовой.

— Ты будешь поражен, — сказал ему Феликс однажды, когда его способность к наблюдению возросла, — как часто способность замечать и вспоминать что-то очень маленькое может иметь значение между жизнью и смертью.

Жизнью и смертью?

Рикки не нравилось, когда Феликс употреблял такие слова. Он был здесь не для того, чтобы беспокоиться о жизни и смерти. На самом деле он не хотел даже знать, что затеял Феликс. Всякий раз, когда его мысли возвращались к этой теме, он силой останавливал себя. Он был здесь, чтобы узнать, что он может, а затем применить это, чтобы стать лучшим вором. И все. И наблюдение и запоминание того, что пропустили другие люди, безусловно, помогло бы ему в этом.

— Бьюсь об заклад, ты плохо бьешься, — сказал однажды Феликс, когда Рикки сошел с беговой дорожки, пот стекал по его лбу, а его футболка промокла. На улице шел сильный дождь. Из окна квартиры-пентхауса над рекой виднелись большие тучи. Феликс пришел с промокшим рюкзаком на плече и зонтиком, который он прислонил к двери. Но он не выглядел так, будто пользовался зонтом — его одежда и лысеющая голова промокли.

Рикки с подозрением посмотрел на него. Вчера Феликс пришел с грязным черным мусорным пакетом, полным гниющего мусора, и парой толстых резиновых перчаток.

— Мусор! — объявил он с улыбкой. — Ты будешь поражен, какую информацию можно найти, роясь в чужих мусорных баках, — Рикки провел следующий час, разбирая вонючий мусор внутри пакета, пытаясь понять, что может быть полезным, а что нет. Он нашел старый телефонный счет с пятнами и банковскую выписку, которые, как согласился Феликс, были бы бесценны, если бы нужно было узнать о человеке, который их выбросил. Но старые консервные банки из-под фасоли и грязные подгузники не могли помочь.

— Я сказал, — повторил Феликс, — что держу пари, ты плохо бьешься.

— Ну, я блестящий мусорщик, — кисло ответил Рикки.

— Не обижайся, — сегодня Феликс был в странном настроении — вероятно, потому, что его одежда была еще мокрой.

— В любом случае лучше бежать, чем драться, — сказал Рикки.

— Гораздо лучше, согласился Феликс. — Но иногда у нас нет выбора. Иногда нам приходится защищаться.

— Это вы не хотели, чтобы я поднимал гантели.

— Верно, — сказал Феликс. — Но хороший бой не всегда зависит от силы. Иногда дело в технике.

— Я когда-то ходил на карате, — сказал Рикки. — Но я был плох.

— Я говорю не о карате, — сказал Феликс. — О, я уверен, что это хорошо, но лучший совет для тебя такой: если окажешься в бою с кем-то, забудь о крутых приемах. Возьми что-то тяжелое и ударь по голове.

Рикки глядел на него, словно говоря: «Это лучший совет?».

Феликс будто не заметил.

— Конечно, иногда не получается достать что-то тяжелое, а значит, приходится импровизировать. Хочешь увидеть один из лучших видов оружия, которое ты можешь носить с собой?

— Узи девять миллиметров? — предположил Рикки. Он хотел пошутить и был немного ошеломлен, когда Феликс, казалось, отнесся к этому совершенно серьезно.

— Не мое любимое оружие. Слишком сильная отдача и слишком яркая. Попробуй пройти по улице с узи, и ты будешь выделяться, как...

— Как ребенок с автоматом?

— Ну, да. Может наступить время, Коко, когда мы с тобой серьезно поговорим об огнестрельном и другом оружии. Но даже организация, в которой я работаю, дважды подумает, прежде чем давать огнестрельное оружие детям.

Впервые Феликс упомянул такую организацию. Рикки не стал его спрашивать. Он видел, когда Феликса несло.

— Рад это слышать, — сказал он вместо этого. — Оружие не совсем в моем стиле.

— Дело не в стиле, Коко, — раздраженно сказал Феликс. — Вопрос в том, что практично. Ты не можешь легко носить с собой огнестрельное оружие или нож, не привлекая всевозможного нежелательного внимания. Гораздо лучше нести вот такое, — он начал себя ощупывать. — Ну и куда я его положил? А, вот оно! — он сунул руку в задний карман и вытащил ручку.

— Э, нет, Феликс, это ручка.

— Ага. Хорошая, — сказал Феликс. — Картье. Подарок от моего коллеги по имени

Михаил. Я никогда не выхожу из дома без нее.

— *Он шутит?*

Рикки посмотрел на своего наставника. Он выглядел довольно серьезным.

— Что мне с этим делать? — спросил Рикки. — Брызнуть чернилами кому-нибудь в глаз?

— Это шариковая ручка, Коко, — сказал Феликс едким тоном. — Хочешь знать, как ей пользоваться, или будешь выдумывать умные комментарии? — Феликс точно был в ударе.

— Я хочу знать, как ей пользоваться, — тихо сказал Рикки.

Феликс кивнул.

— Хорошо, — он шмыгнул носом. — Ручка — хороший пример доступного оружия, — сказал он. — Импровизированное оружие должно быть тем, что можно носить с собой, что выглядит абсолютно безвредным — что-то, что никто никогда не будет считать оружием, но что оно достаточно сильное и прочное, чтобы его можно было использовать в целях самообороны, — он порылся свободной рукой в кармане и вытащил горсть мелочи. — Монеты, — сказал он. — Очень хороший пример. Их носят все, и никто не считает их опасными. Но если я с силой швырну горсть монет тебе в лицо, поверь, ты об этом узнаешь.

Рикки вздрогнул от этой мысли.

— Понял, — сказал он.

Феликс вернул сдачу в карман, затем снова поднял ручку.

— Думаю, нам лучше покончить с этим, — пробормотал он. — Ударь меня, пожалуйста.

— Что?

— Ударь меня.

— Серьезно?

— Боюсь, что так. Как можно сильнее.

Рикки с неохотой подошел туда, где стоял Феликс. Их разделяли полметра. Он посмотрел на пол, затем внезапно взмахнул правой рукой со сжатым кулаком, целясь в челюсть Феликса.

Не в первый раз ловкость Феликса удивила его. Он поднял левую руку быстрым, ловким движением, чтобы заблокировать правый хук Рикки. Делая это, он ручкой ткнул в мягкую плоть на внутренней стороне локтевого сустава Рикки.

— Ой! — закричал Рикки. — Это больно!

Брови Феликса были сдвинуты, а на лысине выступили бисеринки пота. Он вытер их ладонью свободной руки.

— Да, извини за это, — мягко сказал он. — Хочешь сла...

— **НЕТ! Я НЕ ХОЧУ СЛАДКОГО!**

— Это и должно было причинить боль, — продолжил Феликс. — Мягкая плоть, видите ли. Всегда ищи самое нежное место. Если бы я ударил немного сильнее, я мог бы уложить тебя на минуту. И, конечно же, шея...

Рикки поймал себя на том, что невольно прикрывал шею ладонью. Было что-то в ом, как скорбно Феликс объяснял все это, что напугало его.

Феликс бросил ручку на журнальный столик, затем повернулся и прошел туда, где у стены стояли его рюкзак и зонтик. Он поднял их и отнес Рикки.

— Зонтик, — сказал он. — Потрясающее оружие. Хороший прочный шип на конце и немного веса в шесте, если взять старый добрый деревянный зонт.

— Полагаю, ты хочешь ударить меня им по голове?

Брови Феликса сдвинулись еще сильнее.

— Прости за ручку, Коко. Но мне нужно было показать. Думаю, ты понял идею с зонтом, — он бросил зонт на пол и начал рыться в рюкзаке. — Ну вот, — сказал он, прежде чем вытащить толстую книгу в твердом переплете.

Рикки увидел обложку. «Война и мир».

— Еще домашнее задание? — спросил он.

— А? — Феликс сам посмотрел на обложку. — О, Боже, нет, очень длинно, очень скучно, — он поднял книгу корешком наружу. — Посмотри внимательно.

Рикки подошел, чтобы взять книгу. Но когда он приблизился, Феликс так сильно ткнул корешком книги ему в шею, что Рикки почувствовал, как его колени задрожали и подкосились под ним.

— Ой! — закричал он второй раз за это утро и схватился за пульсирующую шею.

— Ах... — сказал Феликс. — Извини... прости... возможно, я ударил тебя немного сильнее, чем хотел... но ты понимаешь?

Рикки попытался объяснить, что очень понял суть, но у него вышло лишь сдавленное бульканье.

— Однако должен сказать, — продолжил Феликс, изучая книгу чуть внимательнее, — у этой есть крепкий корешок. «Война и мир». Нужно запомнить. Я использовал «Гарри Поттера и Тайную комнату» на прошлой неделе, и не вышло, — он несколько раз ткнул книгой в свободную ладонь, а затем снова посмотрел на Рикки, который все еще задыхался, стоя на коленях. — Вот, — сказал он, — позволь мне помочь тебе подняться. Ты выглядишь немного нездоровым.

Рикки, пошатываясь, поднялся на ноги.

— У вас есть для меня еще сюрпризы? — выдохнул он.

— Ну... — ответил Феликс. Он снова порылся в рюкзаке и вытащил газету. — Это утренняя «Таймс», — сказал он.

Рикки все еще потирал шею. Он глядел на Феликса.

— Вы шутите, да?

— Нет. Очень эффективное оружие, газета. Смотри.

Феликс сел за кофейный столик и начал складывать газету пополам, потом еще раз пополам. Вскоре он получил толстую, прочную дубинку из бумаги. Он осторожно провел ею по воздуху, словно взвешивая его вес. Затем, очень внезапно, он ударил ею по столу. Рикки вздрогнул. Он посмотрел на кофейный столик, чтобы убедиться, что стекло не треснуло. Все было в порядке, но это не успокаивало его.

— Скажите, что вы не собираетесь испробовать эту штуку на мне, — сказал он.

— Конечно, нет, — сказал Феликс. Он казался слегка обиженным. Затем он снова ударил дубинкой по журнальному столику. И снова Рикки вздрогнул. Было совершенно очевидно, что импровизированная дубинка Феликса могла причинить кому-то много вреда. — Хочешь попробовать? — спросил его Феликс.

Рикки протянул руку и схватил дубинку, пока Феликс поднимался на ноги. Она казалась твердой в кулаке, когда он несколько раз постучал ей по ладони свободной руки.

— Попробуй ударить меня этим, — сказал Феликс, перебрасывая рюкзак через плечо.

Это утро с каждой минутой становилось все более сумасшедшим.

— Зачем? — спросил Рикки.

— Просто попробуй, Коко.

— Я не хочу причинять вам боль, — сказал он с сарказмом.

— Я обещаю не плакать.

Рикки вздохнул. Он посмотрел на пол. Затем резким движением шагнул к Феликсу и поднял дубинку. Когда он был в полуметре от него, он начал обрушивать ее на голову Феликса.

И снова Феликс застал Рикки врасплох. Мужчина повернул плечо с рюкзаком и одной рукой поднял сам рюкзак. Когда Рикки опустил дубинку, она безвредно ударила по рюкзаку. Еще одним быстрым движением Феликс снял рюкзак с плеча. Он перевернул его так, чтобы ремешки были обращены наружу, а затем ловко накинул их на голову Рикки. Одной сильной рукой он повернул тело Рикки так, что он отвернулся от него, лямка рюкзака пересекала его кадык.

Потом потянул. Сильно затянул.

Второй раз за это утро Рикки обнаружил, что ему не хватало воздуха. Он бросил дубинку и попытался схватиться за лямки, чтобы оттянуть их от шеи, но Феликс сжимал рюкзак слишком крепко.

Голова кружилась.

Колени ослабевали.

Он терял сознание...

Только когда он опустился на пол, Феликс выпустил рюкзак. Рикки упал на колени, шумно вдохнул несколько раз. Феликс стоял над ним с хмурым смущенным лицом. Он протянул руку, чтобы помочь Рикки подняться на ноги.

— С тобой все в порядке?

— Нет! — прохрипел Рикки. — Я чуть не потерял сознание!

Феликс кивнул.

— Да, — сказал он. — Полагаю, это могло случиться, — он оглядел комнату в поисках ручки, книги, газеты и рюкзака в руках. — Импровизация, — сказал он. — Очень важно. Забудь о ножах и пистолетах. Большую часть времени нам приходится использовать доступные нам предметы. Вот, возьми это, — он вручил Рикки рюкзак и заковывал к выходу. — Думаю, на сегодня достаточно, — сказал он. — Я вернусь завтра. Мы начнем изучать слежение. Очень важная техника для солдата.

— В смысле: солдата? — выдохнул Рикки. — Вы солдат, а не я.

Феликс улыбнулся. Затем он вытащил из кармана свой вездесущий мешочек с конфетами и сунул одну в рот.

— Если ты так говоришь, — сказал он, прежде чем повернуться спиной к потрепанному Рикки и выйти из комнаты.

8

СЛЕЖЕНИЕ

— Знакомься, Лохматый, — сказал Феликс на следующий день, когда появился в свое обычное время. Он протянул Рикки маленькую помятую фотографию золотистого лабрадора с большими печальными глазами. Когда Рикки бросил на него растерянный взгляд, он

добавил. — Лохматый — твоя собака.

— О чем вы? У меня нет собаки.

Феликс одарил его одной из своих раздражающе самодовольных улыбок.

— Я знаю, что у тебя нет собаки, — сказал он. — Ты знаешь, что у тебя нет собаки. Но человек с улицы — не знает.

Феликс был еще более непонятным, чем обычно.

— Полагаю, вы расскажете мне, о чем вы говорите? — спросил Рикки.

— Все очень просто, — сказал Феликс. — Засунь фотографию собаки в свой бумажник.

Иногда, когда ведешь слежку за человеком или местом, приходится подолгу слоняться на одном месте. Это привлекает внимание людей. Если кто-то спросит, все, что тебе нужно сделать, это вытащить фотографию Лохматого и показать ее им. Сказать, что ты гулял со своей собакой в этом районе, и она убежала от тебя. И ты бродишь вокруг на случай, если он вернется в то же место. Если тебе удастся изобразить грусть из-за всего этого дела, тем лучше. О, и нужно научить тебя, как чинить велосипед.

— Чинить велосипед?

— Конечно. Лучшее прикрытие в мире. Никто не смотрит дважды на велосипедиста, возящегося с цепью. Это означает, что ты можешь оставаться на одном месте, наблюдая и ожидая целую вечность. Но нужно делать надлежащий ремонт, потому что если кто-то, кто разбирается в велосипедах, будет следить за тобой, и он увидит, что ты притворяешься, они поймут, что это просто игра.

— И вы думаете, что это будет происходить часто, да? — спросил Рикки. — За мной будут следить во время моей слежки.

Феликс внезапно стал очень серьезным.

— Да, — сказал он. — В нашем мире, Коко, все наблюдают за всеми. Тебе нужно стать очень, очень хорошим в этом.

— Дайте угадаю, вы меня научите.

— Ну, видимо... — сказал Феликс и слегка притворно поклонился.

Через полчаса они приступили к основам.

— Ты должен знать, как следовать за кем-то в толпе, чтобы они не знали, что ты следуешь за ними.

Рикки огляделся. Было десять утра, холодный, чуть влажный ранний декабрьский день. Они стояли возле обувного магазина на Оксфорд-стрит. Район был полон рождественских покупателей, стремящихся воспользоваться последними торговыми неделями перед важным днем. Сам Рикки был рад, что есть что-то, что отвлекает его от всего этого. Для сироты, живущего одиноко, в Рождестве не было ничего праздничного.

— Ты слушаешь, Коко?

— Конечно. Следовать за кем-то в толпе.

— Верно. Теперь ты узнаешь первое о слежке здесь, — он постучал в окно обувного магазина.

— Э, нет, это обувной магазин, Феликс.

— Я вижу. Ноги — это ключ, — сказал Феликс. — Любитель заметит джемпер или пальто своей цели, или, что еще хуже, он будет смотреть на затылок своей цели.

— Что в этом плохого?

Феликс одарил его взглядом, который, казалось, говорил: я действительно должен тебе говорить?

— Если ты посмотришь кому-то на затылок, как только они повернутся, они увидят, что ты смотришь прямо на них. Самый простой способ привлечь внимание. Гораздо лучше смотреть на обувь. Посмотри, сколько разных стилей обуви представлено только в одной этой витрине. Сто или больше? Обувь людей всегда своеобразна, поэтому, если следишь за ними, тебе будет легко отслеживать, где они находятся. Кроме того, если они оборачиваются, ты выглядишь так, будто смотришь на тротуар. Им гораздо труднее тебя заметить. А теперь посмотри на мою обувь и запомни ее.

На Феликсе были потрепанные, но удобные кроссовки Nike Air. Если не знать, что у него был протез ноги, по обуви это никто не понял бы.

Рикки провел следующие несколько часов, следуя за наставником. Трость, конечно, облегчила задачу, но через какое-то время Рикки понял, что вошел в ритм. Он держался на расстоянии десяти метров, пока Феликс входил и выходил из универмагов, поднимался по эскалаторам и шел по тихим переулкам. Время от времени Рикки совершал ошибку, поднимая глаза и глядя на тело Феликса, а не только на его обувь. И Феликс будто знал, когда это происходило. Каждый раз наставник Рикки оборачивался и смотрел ему в глаза, а затем делал жест, который Рикки очень нервировал: он разрезал указательным пальцем горло. Рикки не совсем понимал, что это значило, но это всегда побуждало его удвоить усилия.

Вскоре Рикки обнаружил, что начал получать удовольствие, поскольку Феликс все усложнял, меняя направление на полпути по улице или прыгая в автобус и заставляя Рикки следовать за ним как можно незаметнее. Это был вызов его способностям, решил он, следуя за неряшливыми кроссовками Nike Air вдоль Пикадилли в Грин-парк. Он умел следить за людьми еще до того, как встретил Феликса. Теперь он был...

— Ой!

Рикки и Феликс сказали это одновременно и не без оснований. Рикки врезался в спину своего наставника, и столкновение было болезненным.

Феликс повернулся.

— Был лишь вопрос времени, когда ты это сделаешь, — сказал он.

— О чем вы?

— Ты замечтался, Коко. Но, что еще хуже, ты не обращал внимания на то, как быстро или медленно я шел. Иногда ты был в десяти метрах позади меня, иногда больше, иногда меньше. Это нормально, если это тактика, но если нет... — он хлопнул в ладоши, и Рикки моргнул. — Бам! И если ты следуешь за профессионалом...

— Профессионалом в чем?

— ...он будет исправлять свой темп. Короткие шаги, широкие шаги — он будет смешивать это, чтобы узнать, не следит ли кто-нибудь за ним. Ты должен подражать его шагам. Так, ты контролируешь расстояние между вами, а не он, — Феликс указал на ближайшую скамейку в парке. — Давай присядем, — сказал он. — Моя нога меня убивает.

— Итак, вы говорите, — сказал Рикки, когда они сели, — что я не очень хорошо справился.

— Вообще-то, — ответил Феликс, — ты справился блестяще. Грушевый леденец?

— Нет, спасибо.

— Ты не любишь сладкое, да?

— Не грушевые леденцы.

— А что ты любишь?

— Не знаю. «Smarties»?

Феликс скривился, словно «Smarties» были отвратительнее всего, что изобрел, и бросил леденец в рот.

— В любом случае, как я уже говорил, ты отлично справился. Но нам нужно вывести тебя на новый уровень. Следить за кем-то сзади — это очень хорошо, но если ты ведешь наблюдение за целью, которая думает, что кто-то может наблюдать, то рано или поздно тебя заметят.

Рикки смущенно посмотрел на Феликса.

— Если я не могу следовать за кем-то сзади... — его голос оборвался.

— Если ты не можешь следовать за кем-то сзади, Коко, тогда ты должен следовать за ним спереди.

— Но в этом нет смысла.

— Конечно. Если думаешь, что за тобой следят, ты будешь оглядываться, а не смотреть вперед.

— Но нужно быть позади кого-то, чтобы следовать за ним. Вот что значит следовать.

Феликс улыбнулся.

— Не в нашем мире, — сказал он. Он вздрогнул, когда поднялся на ноги и надавил на больную ногу. — Я покажу тебе.

Это было сложно. Гораздо сложнее, чем следовать сзади. Феликс объяснил, как использовать отражения в витринах или зеркала заднего вида машин, едущих по улице, чтобы следить за целью. Но витрины магазинов уже сверкали рождественскими гирляндами, из-за чего было трудно сосредоточиться на отражениях, а машины двигались рывками, их зеркала были скрыты толпами людей.

Рикки продолжал жаловаться, что это была невыполнимая задача. Феликс слушал с мягкой улыбкой. Затем он заставил его продолжить тренировку. Он научил его, как переходить дорогу и идти прямо перед целью, лишь изредка бросая косые взгляды, чтобы убедиться, что она все еще в поле его зрения. К концу первого дня Рикки и близко не был компетентен. Но Феликс заставлял его тренироваться каждый день в течение следующей недели и еще неделю после нее.

Шли дни, холодало. Дождь превратился в снег, а снег в слякоть, которая снова покрылась снегом. Рикки привык к тому, что его обувь и низ брюк постоянно промокали, пока он брел по грязным улицам. Но почему-то он не возражал, ведь постепенно чувствовал, как улучшались его навыки. Он обнаружил, что мог идти на двадцать метров впереди Феликса и быть совершенно уверенным, что знал, где находится его наставник. Это было похоже на шестое чувство, и оно становилось сильнее с каждым часом.

— Когда ты следишь за кем-то, ты также должен обращать внимание на то, что на тебе надето, — объяснил Феликс утром в канун Рождества, когда они шли из квартиры, чтобы продолжить свою практику. Начал падать мелкий снежок. — Убедись, что одежда соответствует месту, где ты находишься. Если ты находишься в бедном районе, дизайнерская одежда заставит тебя выделяться, как мозоль на пальце. То же самое, если ты выглядишь как бродяга в Мейфэр. Думаю, смысл ясен.

Из кармана пальто он вытащил бейсболку.

— Если думаешь, что цель заметила тебя, надень бейсболку. Это мгновенно меняет черты. Можно надевать козырьком вперед, назад, а еще, — он вывернул кепку, и красный цвет оказался внутри, — наизнанку. Эта двусторонняя. Очень полезно, — он нахлобучил

бейсболку на голову Рикки, когда они свернули за угол на Риджент-стрит. — И согревает голову, — пробормотал он.

Запах жареных каштанов ударил Рикки в нос. Он почувствовал укол. Это был такой рождественский запах. И со снегом, и огнями на Риджент-стрит, и покупателями с мешками, полными рождественских подарков, это было праздничное зрелище.

— *Все с нетерпением ждут встречи со своей семьей. Кроме нас.*

— *Привыкай. У нас больше нет семьи.*

Это было правдой. Ближе всего к Рикки прямо сейчас был странный одноногий бывший офицер военной разведки, единственная цель жизни которого, казалось, заключалась в том, чтобы превратить его в лучшего карманника в Лондоне. Как ни странно, он был благодарен за это. Это отвлекло его мысли от всего, что ему не хватало.

Он повернулся к Феликсу и улыбнулся.

— Что теперь? — спросил он.

Феликс хлопнул в ладоши.

— Я поброжу, — сообщил он. — Встретимся тут в три часа. Я хочу, чтобы ты сказал мне, где я был и что делал. Если я съел бутерброд на обед, я хочу, чтобы ты сказал мне, какой была начинка. И если я увижу тебя...

— Знаю, знаю, — сказал Рикки и, прежде чем Феликс успел это сделать сам, перерезал себе горло пальцем.

* * *

— Сэндвич с индейкой из «Pret a Manger». Шоколадный брауни. Черный кофе, три ложки сахара. Вы должны сократить потребление сахара, Феликс. У вас не останется зубов.

— Спасибо за совет, кроха. И хорошая работа с наблюдением. Я не видел тебя. Давай, уже пять часов, а я замерзаю. Доставим тебя домой.

В метро было очень многолюдно, поэтому, хотя снаружи внезапно резко похолодало, Рикки почувствовал себя потным и грязным к тому времени, когда они стояли возле его многоквартирного дома.

— Завтра выходной, — сказал Феликс.

В другой раз Рикки мог бы ответить саркастическим комментарием. Сегодня вечером он посмотрел на крышу многоквартирного дома, которая была почти скрыта в падающем снегу.

— Я мог бы сделать вам чашку чая или что-то в этом роде, — сказал он тихо.

Феликс покачал головой.

— Прости, Коко, — сказал он. — Меня ждет семья.

Рикки почувствовал, что краснеет. Он нахмурился и посмотрел на свою обувь.

— Верно, — сказал он. — Конечно. Извините, — почему-то он не думал, что у Феликса есть семья.

— Вот, — сказал Феликс. Он вытащил из кармана небольшой бумажный пакет и протянул его Рикки. Он был еще теплым. Рикки заглянул внутрь. Это был пакет с жареными каштанами, от которых так хорошо пахло. — Счастливого Рождества.

— Ага, — тихо сказал Рикки. — И вам.

— Отдыхай, — сказал Феликс. — Тебе еще предстоит долгий путь. Мы начинаем снова в День подарков.

Он не похвалил его и не добавил пожеланий. Не говоря больше ни слова, Феликс повернулся и ушел.

— Я мог бы уйти, — крикнул Рикки. — Отпраздновать в одиночку, — он знал, что вредничал, но почему-то не мог сдержаться.

Феликс остановился и обернулся.

— Оставайся дома, Коко, — сказал он. — Это приказ, — он повернулся и ушел в снег, хромя.

Рикки пылал от гнева. Он сунул руки в карманы и прошел в фойе многоквартирного дома.

Было ли у кого-нибудь Рождество хуже, чем у него?

9

ТУСКЛАЯ СЕРЕДИНА ЗИМЫ

Когда она была младше, Иззи Коул любила дни перед Рождеством.

Особенно ей нравились вечера, когда на улице было темно, может, даже шел снег. В большом вестибюле Белого дома всегда стояла огромная рождественская елка. Она часами сидела и смотрела на ее мерцающие огни. На заднем фоне играли рождественские песни, а из кухни доносился чудесный запах, их экономка пекла для нее вкусности.

В этом году новогодняя елка была такой же большой и красиво украшенной, как и раньше. В воздухе звучали рождественские песни. Но в тот вечер в доме не было ничего уютного или праздничного, потому что Иззи слышала только крики.

Это началось днем. Проходя мимо кабинета отца, Иззи услышала, как он кричит в трубку:

— Ты ничего не получишь, Дмитрий, пока я не получу свои деньги!

Иззи сразу же поразила тошнотворная мысль, что он говорил о чем-то плохом. Что-то в его голосе вызвало внутри нее холод. Ужасная смесь жадности и гнева. И страх, наверное. Да, там определенно был страх.

Теперь, когда она слушала спор родителей, жадность и страх покинули его голос, но не гнев.

Она не знала, о чем они спорили. Но это звучало плохо, потому что кричала даже ее мама, которая обычно слишком боялась ее отца, чтобы не соглашаться с ним. Иззи сидела под рождественской елкой, прижав колени к груди, зажав уши руками, пытаясь заглушить звук. Но она не могла. Крики ее родителей перекрывали мелодию «In the Bleak Midwinter».

Внезапно она встала. Она больше не могла этого выносить. Она пронеслась через вестибюль и ворвалась в гостиную, где ее мама и папа кричали друг на друга. Ее отец стоял

прямо за дверь с таким выражением лица, которое обычно предупреждало Иззи держаться от него подальше. Ее мама была в другом конце комнаты напротив огня. Ее лицо было мокрым от слез, по щекам текла косметика.

— Замолчите! — крикнула Иззи. — Просто замолчите! Замол...

Ее заглушил кулак отца. Он ударил ее по лицу тыльной стороной своей большой ладони сильнее, чем когда-либо раньше. Иззи рухнула, слишком ошеломленная, чтобы плакать. Она дотронулась до носа и увидела, что кончики ее пальцев перепачканы кровью.

Отец стоял над ней, в его глазах горела ярость, рука, которой он ее ударил, все еще была поднята. На какое-то ужасное мгновение она подумала, что он собирается ударить ее снова, но затем он опустил руку, повернулся спиной к Иззи и ее матери и вышел из комнаты.

Стояла ужасная тишина. Каретные часы на каминной полке пробили 10 часов вечера, Иззи вытерла нос, а затем посмотрела на маму. Глаза ее мамы были красными от слез, а на ее лице, казалось, проступали синяки. Иззи вскочила на ноги и уже собиралась бежать через комнату, чтобы обнять мать, когда увидела что-то на ее лице, что остановило ее. Это был небольшой изгиб губ. Насмешка. Мама Иззи смотрела на дочь с презрением.

— Глупая девчонка, — прошипела она. — Ты глупая, глупая. Почему ты заставила его это сделать?

Иззи стояла неподвижно и смотрела на мать.

— Это твоя вина, — продолжала ее мама. — Все это твоя вина. Мы были в порядке, пока ты не появилась.

— Он ударил меня, мама, — прошептала Иззи.

— Что ж, ты, наверное, это заслужила, — отрезала мать, торопясь от камина к двери. Проходя мимо Иззи, она бросила на нее еще один ужасный взгляд. — Ты должна просто держать рот на замке, глупая девочка, — сказала она, прежде чем исчезнуть из комнаты.

Иззи стояла одна, из ее носа все еще текла кровь. Ее лицо болело, но тело и разум онемели. Она смотрела куда-то вдаль, не в силах поверить в то, что только что произошло. Музыка изменилась. «Silent Night».

Она приняла решение тут же.

Иззи повернулась и, заткнув рукавом нос, чтобы остановить кровотечение, вышла из комнаты. В коридоре не было следов ее родителей. Хорошо. Она прошла мимо мерцающей рождественской елки и поднялась по лестнице. Отчасти она ожидала, что ее мама будет в ее спальне, извинится. Но это было не так, и это только усилило решимость Иззи реализовать ее план.

Под кроватью лежал черный рюкзак, который она обычно использовала для школьных экскурсий. Она вытащила его и наполнила чистым нижним бельем, дезодорантом, зубной щеткой и пастой. Она посмотрела в окно. Снег падал сильнее, чем прежде, густо ложась на каменные статуи, разбросанные по их большим садам. Ей понадобится теплая одежда. Она нашла свой самый толстый джемпер, пару перчаток и шерстяную шапку, прежде чем надеть дополнительную пару носков и кожаные сапоги.

У нее было чуть меньше сорока фунтов, которые она сунула в карман, прежде чем в последний раз осмотреть свою комнату. Это была теплая, уютная комната. Убежище от ужасных вещей, которые произошли в другом месте в доме. Но она действительно не могла здесь больше оставаться.

Она посмотрела в зеркало. Кровотечение остановилось, но ее губы и кожа были в крови, а лицо пульсировало. Она вытерлась влажной салфеткой, проглотила пару обезболивающих,

затем закинула рюкзак на плечо и подошла к двери.

Она приложила ухо к двери и прислушалась. Шума не было, поэтому она медленно открыла дверь и выглянула наружу. Лестничная площадка была пустой, как и лестница. Она выскользнула и на цыпочках спустилась в коридор.

Она не могла выйти через главный вход. Там была видеокамера, которая все фиксировала. Вместо этого она прокралась мимо елки, глубоко вдохнув ее праздничный аромат, и медленно открыла дверь, ведущую на кухню. Рядом стоял поднос с пирожными, а на плите что-то кипело. Но их кухарки там не было, поэтому Иззи быстро проскользнула внутрь.

Помимо задней двери и двери, ведущей в кладовую, была еще одна дверь из кухни; она вела в маленькую кладовку сбоку. В этой комнате, как знала Иззи, было несколько телеэкранов с замкнутым контуром. Ее отец был одержим безопасностью, и каждая часть дома снаружи была охвачена камерой слежения.

Или так он думал.

Записи камер передавались в эту комнату, и любой там мог смотреть, кто пришел в дом и кто ушел. Видео постоянно записывалось. Порой охранник следил за экранами. Но Иззи знала с тех пор, как смогла одна играть в саду, что не все части сада были с камерами. Можно было добраться от кухонной двери до стены в конце сада — правда, окольным путем — не появляясь на этих маленьких мониторах за кухней. Одной из ее любимых игр в детстве было посмотреть, как она сможет тайно пройти этот маршрут. Она никогда не думала, что ее маленькая игра окажется полезной.

Ключ от кухонной двери лежал на обычном месте в одном из столовых ящиков. Иззи схватила его и направилась к задней двери, остановившись лишь для того, чтобы сунуть в рюкзак несколько маленьких пирожных — не так много, чтобы их отсутствие заметили.

Она остановилась.

Что, по ее мнению, она делала, убегая в морозную снежную ночь? Она не протянет и дня.

Ее плечи поникли в поражении. Она почти повернулась, чтобы уйти в свою комнату.

Но тут она увидела свое отражение в стекле двери. Бледная. Испуганная. Побитая. В крови. Это напомнило ей, что на улице она будет в такой же опасности, как тут, дома.

Она глубоко вдохнула, открыла дверь и вышла на улицу.

Воздух и метель жгли ей лицо — было намного холоднее, чем она ожидала. На земле было не меньше пяти сантиметров снега, а это означало, что она не могла не оставить следов. По крайней мере, подумала она про себя, падающий снег скроет их от всех, кто смотрит в окно, и довольно скоро накроет их.

Она закрыла и заперла за собой дверь.

Вместо того чтобы направиться прямо к воротам в нижней части сада, она сразу же повернула направо и начала огибать заснеженные цветочные клумбы. Через минуту она подошла к старым качелям, которыми не пользовалась много лет. Здесь она снова повернула налево и, держась края небольшого огорода, где большую морозоустойчивую капусту усыпал снег, прокралась к кирпичной стене в конце сада. Она была около трех метров высотой и была покрыта прочной лозой. Летом ее листья покрывали всю стену, а теперь это были голые крепкие ветки. Она знала, что поверху стены проходила линия колючей проволоки для сдерживания незваных гостей, но теперь она была покрыта слоем снега в несколько сантиметров.

В пяти метрах слева от нее были ворота, но Иззи знала, что за ними следят камеры. Но эта часть стены была слепым пятном. Она сжала ветки виноградной лозы. Она слегка поскрипывала, но выдерживала ее вес, когда она использовала лозу, чтобы взобраться на стену. Она не хотела тревожить снег на вершине стены или, что еще важнее, запутаться в колючей проволоке. Поэтому, достигнув вершины, она атлетически перекинула ноги через стену. Небольшое облачко снега взметнулось в воздух, когда она перепрыгнула через него.

Она приземлилась по другую сторону стены болезненной кучей, но быстро снова встала. Она была в узком переулке, который тянулся за Белым домом, и на мгновение заколебалась. Она устала на ключ от кухни на ладони в перчатке. Если она сохранит его, она сможет, по крайней мере, прокрасться обратно в дом, если передумает.

— Но я не передумую, — прошептала она себе. Поэтому она бросила ключ. Он исчез в снегу у ее ног.

Иззи посмотрела на часы. Одиннадцать вечера.

«Один час до Рождества», — подумала она, оглядывая переулок по обе стороны. — Влево или вправо?» — размышляла она.

На самом деле это не имело значения. Любое направление увело бы ее от Белого дома на улицы Лондона. Она точно не могла остаться с друзьями. Первым делом их родители позвонят маме и папе Иззи. Она вернется в ад очень быстро.

Нет. С этого момента улица станет ее домом.

* * *

Одиннадцать вечера

Рикки никогда не видел такой метели. Из теплой квартиры он наблюдал, как она кружится над городом так густо, что линия горизонта едва виднелась. Тускло сверкал свет на вершине Канэри-Уорф, и он мог различить смутный силуэт Лондонского моста.

Он пробовал смотреть телек. Как только он включил его, появилась реклама соуса. Семья сидела за рождественской едой, все улыбались и были счастливы. Рикки не мог смотреть. Он немедленно выключил телевизор и уставился в пространство, думая о своих маме и папе и, конечно же, о Мадлен.

Она была старше его. Почти шестнадцать, когда умерли их родители. После автокатастрофы ее отправили к другой группе приемных родителей. Они плохо обращались с ней. Очень плохо. Рикки почувствовал, как у него поднялась температура при мысли об этом, и впервые с тех пор, как он ушел с улиц, он вытащил драгоценное письмо, которое она ему написала:

Дорогой Рикки,

Я знаю, ты не понимаешь то, что я собираюсь сделать, но ты должен поверить мне, когда я говорю, что это к лучшему. Они отправили меня жить с худшими людьми. На моих руках и спине синяки. Я не могу больше терпеть...

Но, как обычно, он не смог дочитать до конца. С трудом сдерживая слезы, он сунул письмо в конверт и снова стал смотреть в пространство.

Он не мог перестать думать о своей старшей сестре. Она была так добра. За год до смерти их родителей именно Мадлен настояла, чтобы они провели канун Рождества, работая в бесплатной столовой. Такой она была человек. Всегда думала о других людях. Не то, что Рикки, который всегда думал только о себе.

— *Перестань жалеть себя. Жизнь не так уж плоха. Оглянись. Это лучше, чем у Бакстера, не так ли?*

— Да, но почему я здесь? Улицы полны таких же детей, как я.

— Сострадание, Рикки? Не позволяй ему взять над тобой верх. Посмотри на шрам на запястье. Это сделали Выброшенные, помнишь? Они не совсем такие, как ты.

Рикки проигнорировал свой внутренний голос. Он вдруг рассердился. На весь мир и на Феликса. Ему хотелось послушаться его, сделать что-то, что он не одобрит, но одобрит его старшая сестра.

И делать это сейчас.

Он схватил рюкзак, который дал ему Феликс, и направился на кухню. Как обычно, холодильник был полон еды. Целая готовая курица. Мешки с яблоками и апельсинами. Банки колы. Готовые салаты. Пирожные. Больше, чем он мог съесть, и он знал, что холодильник скоро все равно будет пополнен. Он остановился на мгновение, когда заметил особенную рождественскую еду — пироги с фаршем, пудинг, поднос с рождественскими овощами для приготовления в микроволновке. Капля рождественского настроения от Феликса... Но это его не остановило. Он набил рюкзак едой и напитками, затем надел теплую куртку с капюшоном и достал из носка под матрасом пригоршню банкнот. Рюкзак он перекинул через плечо. На буфете в коридоре он увидел нож, который Феликс конфисковал у наркоманки на Блумсбери-сквер. Рядом лежала шариковая ручка.

Его пальцы зависли над ножом на несколько секунд. Но он не прикоснулся к нему. Мадлен не одобрила бы этого. Вместо этого он схватил ручку и сунул ее в карман. Потом он вышел из квартиры.

Выйдя из многоквартирного дома, он потопал по снегу. Ноги и руки онемели минут через пять, но он продолжал идти. Только через десять минут он увидел оранжевую табличку черного кэба. Он махнул ему и, когда водитель остановился рядом с ним и опустил окно, крикнул: «Кингс-Кросс».

Водителем был седовласый мужчина лет шестидесяти, и выглядел он не очень весело.

— У тебя есть деньги, малыш?

Рикки откинул капюшон, сунул руку в карман и достал две двадцатифунтовые купюры. Таксист кивнул, и Рикки забрался на заднее сиденье.

В кабине было блаженно тепло. Окна запотевали от его дыхания, пока они ехали вдоль реки, а затем на север по Кингсвей. Водитель молчал, пока они ехали, и Рикки был этому рад, потому что в его голове уже шел разговор.

— Ты спятил. Выброшенные будут холодными и голодными. Они пойдут за тобой.

— Мне все равно. Рождество. Почему у меня должна быть вся эта еда, а все остальные должны голодать? В любом случае, я не питомец Феликса. Мне не нужно оставаться дома и делать то, что он говорит.

Стоимость проезда составила 35 фунтов. Рикки вышел перед вокзалом Кингс-Кросс и подождал, пока ворчливый таксист уедет. Он посмотрел на часы. Пять минут до полуночи. Главная дорога все еще была занята, но тротуары быстро пустели, а на слякоть оседал свежий снег. Он оглядел окрестности и обнаружил, что его разум мгновенно записывал все, что он видел. Автобус номер 63 ехал на запад. Пара на противоположной стороне дороги, рука об руку, пробиралась сквозь снег. Двое полицейских во флуоресцентных светоотражающих куртках наблюдали за движением транспорта. Девушка в шерстяной шапке направлялась к главной дороге. Двое пьяных брели к вокзалу...

Он посмотрел на темный переулок. Мусорные баки с обеих сторон. Работал только один уличный фонарь, и тот мерцал тусклым желтым светом. Снег падал сильнее, чем когда-либо,

и он видел силуэты пяти фигур, слоняющихся метрах в пятнадцати от него. Они были невысокими, и, хотя Рикки не мог видеть их лиц, он знал, что они были Выброшенными.

Где-то вдалеке церковный колокол пробил двенадцать. Рикки сунул руку в карман. Ручка была там. Он сжал ее пальцами, затем шагнул вперед, осматривая местность впереди, оставаясь начеку.

Он сделал десять шагов. Фигуры стали четче, и он смог различить Выброшенных, их худые лица озарял желтый свет мерцающего уличного фонаря. Увидев его приближение, они собрались небольшой группой лицом к нему. Они не были ему рады. Рикки почувствовал боль в шраме на запястье — напоминание о последней встрече с подобными детьми. Но внезапно тренировки Феликса обрели смысл. Он больше не чувствовал себя жертвой, которой был, когда Феликс впервые нашел его.

Он остановился, когда оказался в пяти метрах от них. Он крепче сжал ручку и понял, что его ладонь вспотела.

Один из Выброшенных шагнул вперед. Он был худой, с неряшливой копной волос, торчащим кадыком и узкими злобными глазами. Его лицо выглядело так, словно его били кулаками.

— Вы бездомные? — спросил Рикки.

— Кто спрашивает?

Пауза.

Один из других детей закричал:

— В чем проблема, Томми? — но Томми, если его так звали, не ответил.

Рикки протянул рюкзак.

— Это для вас, — сказал он. — Еда.

Томми посмотрел на своих друзей.

— У нас есть благодетель, — сказал он, и его друзья неприятно засмеялись.

Рикки вспомнил своих благодетелей и почувствовал, как скривились губы.

— Что еще у тебя есть, благодетель? — спросил Томми. — Опустоши карманы.

Рикки швырнул рюкзак так, что он оказался между ним и Выброшенными.

— Берите или оставьте, — сказал он. Он повернулся и пошел по снегу к главной дороге.

Позади него слышались шаги. Он увидел, как тень, отбрасываемая мерцающим желтым уличным фонарем, пересекла его собственную. Он остановился и повернулся. Томми шагал к нему, сжав кулаки.

— Я сказал: выверни карманы!

Рикки выпрямился во весь рост, все еще сжимая ручку в кармане. Благодаря неделям тренировок Феликса он чувствовал себя странно уверенно.

— Прямо за углом двое полицейских, — сказал он. — Ты не хочешь связываться с ними, как не хочу и я.

Мальчик усмехнулся, но Рикки сразу заметил неуверенность в его глазах.

— Собираешься в слезах идти к полиции? — спросил Томми.

— Нисколько. Но если ты даже подумаешь о том, чтобы напасть на меня, они отвезут тебя в отделение скорой и неотложной помощи. Возьми еду, поделись ею с друзьями. Думай об этом как о своей счастливой ночи.

В голосе Рикки явно было что-то, что делало его убедительным. На лице Томми промелькнула тень нерешительности.

Один из других детей крикнул:

— Хантеру нужен бумажник, да?

Томми оглянулся, но дальше не пошел. Он явно решил, что Рикки не будет легкой добычей.

— Тебе лучше уйти отсюда, пока мы не передумали, — пробормотал он, повернулся и пошел обратно к своим товарищам.

Рикки поспешил к главной дороге. Полиция все еще была там. Дорога все еще была переполненной, машины медленно двигались в сильной метели. Он поймал такси и вернулся домой.

Мадлен одобрила бы это, сказал он себе.

Но ему было интересно, что сказал бы Феликс.

Если бы он рассказал ему...

В прошлой жизни День подарков всегда разочаровывал. Это означало, что радость Рождества закончилась. Но когда 26-го ровно в 9 утра раздался звонок в дверь, Рикки почувствовал странное облегчение. Его одинокое Рождество закончилось. В конце концов, он мог смотреть в одиночестве только телевизор, но там все было заполнено изображениями семей и вечеринок. Чтобы развеять скуку в день Рождества, он даже провел некоторое время на беговой дорожке, но потом ему стало грустно, что он делал это в праздник. Тем не менее, он хотя бы не был в странной церкви с опекунами... А теперь он мог вернуться к работе, если можно так назвать, с Феликсом.

Но как только он открыл дверь и увидел своего наставника, стоящего там с головой и плечами, покрытыми снегом, который не переставал падать с Сочельника, и с грозовой тучей вместо лица, он понял, что что-то не так.

Феликс хмыкнул в недружелюбном приветствии, затем проковылял в гостиную, оставляя за собой след из грязного снега. Он плюхнулся на диван. Рикки заметил, что, что необычно, он нес небольшой кожаный портфель.

— Э, чашку чая? — предложил Рикки. Ему было интересно, знал ли Феликс о его небольшой экскурсии в канун Рождества. Может быть, он последовал за ним, а Рикки не заметил.

Феликс коротко потрянул головой. Он вытащил из кармана пакет со сладостями и хотел положить одну в рот. Прежде чем леденец коснулся его губ, он бросил сладость на кофейный столик. Она ударилась о стекло и срикошетила, как пуля.

— Все в порядке? — нервно спросил Рикки.

— Еще рано, — сказал Феликс. — Ты не готов.

Рикки нахмурился.

— Рано для чего?

— Я сказал им. Он хорош, сказал я. Очень хорош. Талант. Но он занимается только базовым наблюдением, слежением и с импровизированным оружием. Он не умеет водить машину и обращаться с оружием. Его навигационные навыки в лучшем случае элементарны. Он даже ни разу не выпрыгнул из самолета, помилуйте. Он просто не готов выйти в поле. Но стали бы они слушать? Стали бы...?

— Какое поле? — перебил его Рикки. При упоминании о прыжке из самолета его замутило. — О чем вы говорите?

Феликс закрыл глаза и глубоко вздохнул. Затем он посмотрел Рикки в глаза.

— Садись, Коко, — сказал он.

— Нет. Я хочу знать, что происходит.

— Тогда садись, и я скажу тебе, — Феликс поставил портфель на журнальный столик и открыл его. — Ради бога, Коко, хоть раз сделай, как я говорю.

Рикки сел.

Феликс достал из портфеля iPad. Он пару раз коснулся экрана и передал его Рикки.

— Ты узнаешь этого человека?

Рикки посмотрел на экран. На него глядело лицо. Оно принадлежало мужчине в костюме. На вид ему было лет пятьдесят, он был с загорелым красивым лицом и неискренней улыбкой. Рикки не понравился его вид, но он узнал лицо.

— Да, — сказал он.

— Откуда?

— Не знаю. Из телевизора, наверное.

— Это distinguished Джейкоб Коул. Раньше он был бизнесменом в аэрокосмической отрасли, теперь он член парламента. Очень влиятельный человек. Высокоуважаемый. Общается с премьер-министром, и некоторые люди думают, что однажды он сам может стать премьер-министром.

— Молодец, — Рикки попытался вернуть iPad, но Феликс указал, что он должен оставить его себе.

— У него есть дочь. Ее зовут Иззи. Пятнадцать лет. Она пропала. Проведи по экрану, и ты увидишь ее фотографию».

Рикки так и сделал. Глядя на экран, он почувствовал, как его кровь похолодела на несколько градусов. Его мышцы застыли. Он не мог поверить в то, что видел.

Мадлен.

Он моргнул и пригляделся. Ему потребовалось десять секунд, чтобы понять, что его разум играл с ним злую шутку. Это была, конечно, не Мадлен, но девушка была так похожа на его сестру, что он не мог оторвать от нее взгляда. Она была хорошенькая, с такими же светлыми волосами и пронизательными серо-зелеными глазами, и у нее была беспечная улыбка.

Рикки сглотнул. Эта Иззи Коул была точной копией Мадлен. Он посмотрел на Феликса. Было ли это совпадением, или его наставник играл в какую-то игру разума? Рикки не удивился бы.

— Бедняжка, — осторожно сказал он. — Но много детей пропадает, верно?

Если Феликсу и было жалко девочку, он этого не показал.

— Джейкоб Коул, естественно, хочет вернуть свою дочь. Он дергал за ниточки.

— Видимо, он дергал не за те, если мы сидим здесь и говорим об этом. Разве полиция не должна этим заниматься?

Феликс сузил глаза и на мгновение уставился на Рикки.

— Проведи еще раз, — сказал он.

Рикки сделал это. Он увидел другую фотографию. Она была зернистой и нечеткой. Рикки сразу понял, что это был кадр с камеры видеонаблюдения, и почувствовал, как температура его тела понизилась еще на пару градусов. Он узнал оживленную дорогу у Кингс-Кросс, где он был в канун Рождества. Он узнал Иззи Коул, которая на этот раз выглядела гораздо менее красивой, с лицом в синяках и испуганным выражением лица. На ней была шерстяная шапка, и он вспомнил ее. Сочельник. Она была у главной дороги... На заднем плане, позади каких-то пьяных, он мог видеть еще одну фигуру, стоящую спиной к камере, с головой, скрытой капюшоном.

Он посмотрел на Феликса. Знал ли его наставник, что на фотографии был сам Рикки?

— Эта камера наблюдения засекла ее на Рождество возле Кингс-Кросс, — сказал Феликс. — Мы не можем быть уверены, что она все еще там, но в этом районе много молодых бездомных. Если мы будем ее искать, это лучшее место для начала.

— Мы? — спросил Рикки.

Феликс выглядел неуверенно.

— Я имею в виду тебя. Очень мало шансов, что эти бездомные подростки заговорят с полицией или с другим взрослым. Мы пытались взаимодействовать с ними раньше. Они просто закрываются. Нам нужно, чтобы ты установил контакт. Узнай, видел ли кто-нибудь из этих бездомных Иззи. Если да, то где и когда.

Рикки положил iPad на стол.

— Что, если я скажу, что не буду этого делать?

Феликс моргнул.

— Я сказал им, что ты можешь так сказать. Я сказал им, что ты не готов. Я сказал им, что они должны вызвать Агента 21.

Рикки почувствовал, как в нем снова поднимается гнев.

— Почему вы всегда говорите загадками? Кто такой Агент 21? Кто они?

Пауза.

— Агент 21, - наконец, сказал Феликс, — такой же, как ты. Примерно того же возраста, может, чуть старше. Высококвалифицированный, один из наших самых сокровенных секретов. «Они» — государственное учреждение. Я работаю на них. Агент 21 работает на них. Ты тоже.

— Я ни на кого не работаю.

— Как скажешь, Коко, — внезапно Феликс стал до безумия спокойным. Он огляделся. — Неплохие условия для человека, у которого нет работы.

— Как оно называется, это агентство?

— Не скажу. Это и не важно. Имена... забудь. Важно, что мы... ты найдешь Иззи Коул.

— Почему вы не можете послать драгоценного Агента 21, если он такой крутой?

— Потому что он не знает улицы, как ты. Ты лучше подходишь для этой работы. Так думают вышестоящие. Но они уже ошибались, — мрачно добавил он.

Рикки встал. Он стал расхаживать, понимая, что Феликс глядел на него.

— *Может, пора уйти? Взять деньги и убежать?*

— *Но это одна девушка. Мы можем попытаться ее найти. Если получится, круто. Если нет...*

— *Но это не наша проблема...*

— *Она, наверное, богатая. Если мы найдем ее и вернем в ее семью, может, нас наградят.*

Рикки повернулся к Феликсу.

— Это невыполнимая задача, — сказал он. — Девушка может быть где угодно. Этот снимок был сделан более двадцати четырех часов назад.

Феликс бросил на него взгляд.

— Откуда ты знаешь, когда оно было сделано?

— Ты, должно быть, сказал.

Но они оба знали, что это не так. Рикки почувствовал, что краснеет. Он начал говорить, чтобы скрыть это:

— За это время она могла уехать, я не знаю, в Шотландию.

— Маловероятно, — заявил Феликс. — Такая работа основана на шаблонах. Когда люди исчезают, они обычно не удаляются слишком далеко от первого пункта назначения. Держу пари, что она все еще в Лондоне.

— Лондон — большой город.

— Тогда тебе лучше начать, Коко.

Рикки замер. Его разум кипел. Как бы он это сделал? С чего бы начал? Он вспомнил Томми, агрессивного Выброшенного с торчащим кадыком, которого он встретил в канун Рождества. Может быть, если Рикки сможет найти его снова, это даст ему наводку на Иззи Коула. Но идея ему не понравилась.

— Эти беспризорники. Они ни с кем не разговаривают. У них есть банды. Некоторые из них склонны к насилию.

— Тогда тебе лучше быть убедительным.

— А если я не смогу быть убедительным?

Феликс уставился на него.

— Посмотри на ее лицо, Коко. Она в плохом состоянии. Сам знаешь, как опасно ребенку жить на улице. Что бы случилось с тобой на Блумсбери-сквер, если бы я не появился, чтобы помочь тебе? — он поднялся на ноги и похромал туда, где стоял Рикки. — Не у всех есть ангел-хранитель, малыш. Ты собираешься позволить улицам уничтожить эту девушку только потому, что слишком эгоистичен, чтобы использовать все, чему я тебя научил, чтобы помочь тому, кто в этом нуждается?

Рикки стиснул зубы и яростно смотрел в пространство.

— *Он уговаривает тебя. Не слушай. Не давай ему задеть тебя,* — сказал Зигги в его голове.

— *Но он прав. Ты видел, какая она. Она была разбита. Может, я могу помочь... И ее побили. Как Мадлен. А если она... тоже хочет себя убить? Я не смог спасти Мадлен, но, может, смогу спасти эту девушку?*

Во рту Рикки пересохло. Он знал, что Феликс использовал его. Но он ощущал волнение, понял, что хотел принять вызов. Он почему-то не хотел показывать это Феликсу.

— Что делать, если я найду ее? — спросил он.

— *Когда ты найдешь ее,* — ответил Феликс, — ты приведешь ее сюда и позвонишь мне, — он вытащил из кармана мобильный телефон. — Быстрый набор по клавише один, — сказал он. — Другие номера там не внесены. Но ты немедленно позвонишь. Это ясно?

— Да, — сказал Рикки. — Это понятно, — он взял телефон, радуясь новой модели. Если все пройдет плохо, он сможет хотя бы продать его...

* * *

Феликс ушел. Рикки стоял в ванной, плохое предчувствие из-за того, на что он согласился, висело над ним тучей.

Дверцы шкафа были открыты. Ему нужно было тщательно выбрать одежду. Он слышал слова наставника в голове: «Когда ты следишь за кем-то, ты также должен обращать внимание на то, что на тебе надето. Убедись, что одежда соответствует месту, где ты находишься. Если ты находишься в бедном районе, дизайнерская одежда заставит тебя выделяться, как мозоль на пальце».

Он вытащил джинсы. Он надевал их пару раз, но они все еще казались новыми. И он прошел на кухню, нашел хороший острый нож, которым добавил в них дыры. Затем он

провел полчаса, растирая разрывы кончиками пальцев. Он выбрал слегка вонючую футболку, в которой ходил последние несколько дней, и тонкий джемпер, в локтях которого сделал дыры. Затем он проверил наряд в зеркале. Неплохо. Он немного взъерошил волосы и решил, что, по крайней мере, не выделялся.

Феликс оставил ему распечатку фотографии Иззи Коул, потому что размахивать iPad на темных улицах Лондона было верным способом привлечь воров. Он аккуратно сложил ее и сунул в задний карман. Он также спрятал в карман телефон, который дал ему Феликс. Нажав несколько кнопок, он вывел свой номер и обнаружил, что мог запомнить его с первого взгляда. Затем он засунул его в передний карман джинсов, откуда никакие проворные пальцы не смогли бы выхватить телефон без его ведома. Потом он вышел из квартиры.

Снаружи из-за метели видимость была плохой. На одной из скамеек скопилось более тридцати сантиметров снега, но земля была покрыта неприятной серо-коричневой жижей. Рикки продрог еще до того, как прошел двадцать метров.

Он заметил фигуру, преследующую его. По какой-то причине его разозлило, что Феликс, после всех пройденных ими тренировок по наблюдению, оставил кого-то следовать за ним таким неумелым образом. Проходя через площадь, Рикки сделал вид, что не заметил. Но все это время его глаза сканировали окрестности, а мозг работал усиленно, пока он искал способ избавиться от хвоста. В конце концов, он решил подождать, пока не нырнет в подземную станцию Канэри-Уорф.

Он почувствовал, как его хвост следует за ним вниз по эскалатору к кассе. Они были в десяти метрах позади, когда он провел картой. И пока он ждал поезда, он мог ощутить фигуру, стоящую на платформе, еще метрах в десяти слева от него. Рикки не смотрел на него прямо, но мог сказать, что хвост был мужчиной в джинсах и черном плаще, вероятно, лет двадцати с небольшим.

Прибыл поезд. Рикки вошел. Его преследователь тоже. Рикки встал прямо у дверей.

Объявление прозвучало по громкоговорителю вагона:

— Отойдите от дверей, пожалуйста.

Двери зашипели. Они начали закрываться. Быстро и ловко Рикки проскользнул обратно на платформу. Он решил подмигнуть хвосту, чтобы показать, что заметил его. Но передумал. Он просто повернулся спиной к удалявшемуся поезду, уносящему с собой преследователя. Затем он направился по ярко освещенным коридорам станции метро, чтобы найти нужную ему платформу.

Рикки доехал на метро до Кингс-Кросс. Он понял, что найти одинокую девушку в Лондоне было все равно, что искать иголку в стоге сена, но именно с этого места лучше всего было начинать поиски. И если он не сможет найти девушку, может, Томми сможет помочь...

Несмотря на рождественские распродажи, из-за снега толпы, похоже, уменьшились, поэтому главная дорога за пределами станции была не такой оживленной, как в канун Рождества. Полицейских, регулирующих движение, не было, а видимость Рикки сквозь снег составляла немногим более пяти-шести метров. Он перешел дорогу и направился к переулку, где произошла его встреча с Выброшенными.

Выглядело пусто. Снега сильно навалило в одну сторону. Несколько автомобилей выглядели так, будто им придется дожидаться оттепели, прежде чем они смогут двигаться. Сутулясь и глубоко пряча руки в карманах, Рикки брел по тротуару. Он понял, что все его чувства были в состоянии повышенной готовности — как никогда раньше, до встречи с

Феликсом. Он услышал карканье вороны с крыши на противоположной стороне улицы. Ветер со свистом дул между высокими зданиями по обеим сторонам. Рикки вытер нос тыльной стороной рукава, потом заметил прохожего, идущего в противоположном направлении. Рикки не замедлился и даже не поднял головы. Но глаза его были устремлены на пешехода. Девушка. Тяжелая шуба. Пушистый шарф, который выглядел так, будто у нее на шее было какое-то животное. Дорогая одежда. Рикки уловил запах духов и оглянулся, наблюдая, как она исчезает...

— Нет монеток?

Рикки вздрогнул. Голос раздался всего в паре метров от него. Он посмотрел направо и увидел мужчину, свернувшегося калачиком в дверном проеме и дующего себе на руки, чтобы согреть их. У него было потрепанное лицо, потрескавшиеся, кровоточащие губы и темные круги под глазами. Рикки молча отругал себя за то, что пропустил его, но потом сунул руку в карман и достал мелочь. Он бросил деньги в снег на краю тротуара и какое-то время наблюдал, как бездомный копается там, чтобы найти их. Как только мужчина собрал все монеты, Рикки наклонился, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Вам надо выпить горячего, — сказал он.

Мужчина посмотрел на мелочь в своей дрожащей руке.

— С пятьюдесятью пенсами?

Рикки выудил из кармана еще горсть мелочи, но пока не отдал ее. Вместо этого он взял фотографию Иззи, развернул ее и помахал ею перед носом бездомного.

— Я ищу эту девушку. Вы ее видели?

Бездомный несколько секунд смотрел на картинку. Затем он покачал головой. Рикки вручил ему пригоршню мелочи, благодарно кивнул и продолжил идти еще несколько метров по улице.

Внезапно он остановился. Он повернулся и прошел обратно к человеку в дверях.

— Пару дней назад я встретил одного парня. Темные волосы, худой, большой кадык. Вы его знаете?

— Возможно, — прохрипел бездомный.

— Как его зовут?

Мужчина пожал плечами. Рикки вытащил больше денег из кармана — в этот раз купюру в десять фунтов. Он протянул ее, но, когда мужчина потянулся за деньгами, он отвел руку.

— Его имя? — сказал он.

— Томми. Он работает в этом районе на... — мужчина помедлил.

— На кого?

— Никого.

Рикки вытащил еще купюру из кармана и помахал перед мужчиной.

— На кого? — настаивал он?

Мужчина прищурился.

— Хантер, — выдохнул он.

— Ты уже слышал это имя. Один из Выброшенных использовал его в канун Рождества. И парень, которого ты встретил, был Томми.

— Может, игра Ким все-таки не была просто развлечением.

— Кто такой Хантер?

Мужчина облизнул потрескавшиеся губы.

— Дай мне деньги.

Рикки отдал две купюры. Мужчина жадно схватил их.

— Кто такой Хантер?

— От него тебе лучше держаться подальше, малец.

— Где его найти?

— Он никогда не остается на одном месте, — бездомный помедлил. — Ты знаешь Дом хранителя?

Рикки покачал головой.

— Заброшенное здание на улице Бервик в Сохо. Хантер управляет детьми оттуда, насколько я слышал.

— В смысле: управляет детьми?

— Они воруют для него. Из карманов, квартир, а то и хуже. Не лезь в это, парень. Не лезь к Хантеру и его толпе. Ты не хочешь таких проблем.

— *Феджин*, — подумал Рикки.

— *Как в мюзикле. Но это реальность. Думаю, тут нет песен и танцев...*

Он кивнул и поблагодарил мужчину, а потом пошел сквозь снег к Юстон-роуд, предупреждение мужчины звенело в его голове: «Ты не хочешь таких проблем».

Поздно, напомнил он себе. Он уже в это влез.

Рикки стоял на углу Бервик-стрит и Д'Арбле-стрит и дрожал. Ему казалось, что холодный зимний воздух проникал ему в самые кости.

Он вытащил телефон из кармана и погуглил Дом хранителя. Он выглядел именно так, как описал бездомный: заброшенный. На картинке, которую он нашел в Интернете, был изображен заколоченный дом с граффити. И судя по карте в его телефоне, это было всего в пятидесяти метрах от того места, где стоял Рикки. Он шел по Бервик-стрит секунд тридцать, потом свернул направо в небольшой переулок и еще через десять метров повернул налево.

Улица, ведущая к Дому хранителя, представляла собой не более чем переулок с густыми грудями снега. Сам дом находился в конце улицы. Он выглядел неприступным и заброшенным. Если бы не было снега, Рикки никогда бы не подумал, что он занят. Но его глаза тут же уловили несколько тропинок следов на снегу вдоль улицы.

Он услышал голос Феликса в своем сознании. *Тебе нужно видеть все.*

Он ориентировался по следам. Все они вели от Дома Хранителя, и он прикинул, что смог различить пять отдельных наборов — это означало, что пять человек покинули дом за последние несколько часов и еще не вернулись.

Время принять решение. Должен ли Рикки проникнуть в Дом хранителя и попытаться найти бездомного юношу, который назвался Томми? Должен ли он рискнуть встретиться лицом к лицу с этим Хантером, кем бы он ни был? Или он должен ждать здесь возвращения того, кто в тот день покинул Дом хранителя?

Он решил подождать.

Рикки занял позицию в дверном проеме прямо напротив входа в переулок. Здесь он был в основном защищен от снега, но не от холода. Он присел, сжавшись, склонив голову, но устремив взгляд на вход в переулок.

И он ждал.

Он онемел от холода в течение получаса. Спустя час он едва мог ясно мыслить. Ему пришло в голову, что Рикки, который никогда не встречался с Феликсом, никогда бы не прошел через это. Ему было слишком холодно даже для того, чтобы зубы стучали.

— *Напомни мне еще раз, почему мы это делаем.*

— *Заткнись, Зигги.*

Он продолжал смотреть.

Они прибыли через два часа. Ноги Рикки перестали ощущаться как глыбы льда. Теперь он их вообще не чувствовал.

Их было трое. У них был удрученный вид, пока они шли по снегу, засунув руки глубоко в карманы, чтобы согреться. Никто из них не заметил Рикки, скорчившегося в дверях. Рикки внимательно наблюдал за ними. Он осмотрел их одежду: старую, изношенную. Взглянул сбоку на их лица: настороженные, агрессивные. Походка: усталая. Он сравнил их со своими воспоминаниями о Томми в канун Рождества. Ни один из них не был похож на него.

— *Что нам теперь делать, Шерлок? Подойти к ним? Спросить, знает ли кто-нибудь из них...*

— *Погоди! Кто это?*

С противоположной стороны приближалась фигура, которую Рикки узнал. Долговязая. Худая. Торчащий кадык и хмурое выражение лица.

Томми.

Он замерз почти так же сильно, как Рикки, на его сгорбленные плечи оседал снег. Губы его слегка посинели, и Рикки показалось, что он видел пятно крови под носом и над верхней губой. В последний раз, когда Рикки видел его, когда они столкнулись лицом к лицу в переулке у Кингс-Кросс две ночи назад, на нем была маска агрессии. Но теперь, когда он не знал, что за ним следят, Томми выглядел как любой другой брошенный ребенок. До встречи с Феликсом Рикки чувствовал себя немного напуганным в присутствии одного из этих Выброшенных, но сейчас ему было просто немного жаль его.

Тем не менее, он помнил слова Феликса: всегда нужен путь к отступлению. Он посмотрел на оба конца улицы. Если бы дело дошло до этого, он мог бы убежать в любом направлении...

— Томми!

Выброшенный остановился. Казалось, он даже не увидел Рикки. Потом Рикки медленно встал. Томми пригляделся к нему, на лице медленно проступило узнавание. А потом смятение.

— Чего ты хочешь? — сказал он.

— Мне нужна твоя помощь.

— Уходи отсюда, если не хочешь пострадать.

— Надеюсь, тебе понравилась еда, которую я тебе дал, — сказал Рикки. — Я могу принести больше.

Томми нахмурился.

— Думаешь, меня нужно опекать?

— *Зря ты так сказал. Тебе нужно быстрее отступить.*

— Конечно, нет. Слушай, я искал той ночью девушку. Она потерялась. У меня есть фотография... — он протянул фотографию, где Иззи была милой и не побитой.

Пауза. Томми посмотрел на фотографию, а потом отвел на миг взгляд.

— *Он видел ее. Это по нему видно. Он не хочет, чтобы ты знал.*

— При чем тут я?

— *Льсти ему. Используй его эго.*

— Она была на твоей земле. Ты должен знать все, что тут творится, — Томми скромно пожал плечами, Рикки добавил. — Ты и Хантер.

Томми резко вдохнул. Он с опаской посмотрел на Рикки.

— Откуда ты знаешь Хантера? — он прищурился. — Если ты с полицией...

— Мне четырнадцать, Томми. Мне еще рано быть полицейским, не думаешь?

Томми прищурился.

— Да, — буркнул он. — Наверное.

Рикки подошел к нему и убедительно улыбнулся.

— Где она?

Томми посмотрел по сторонам, довольно нервно.

— Лучше поговори с Хантером, — сказал он. Он указал на Дом хранителя. — Он там.

Они пошли по снегу. Рикки ощущал, что Томми хотел что-то сказать, но сдерживался.

Он пытался вовлечь его в разговор:

— Что случилось с твоим носом? Похоже, у тебя шла кровь.

Томми, казалось, смутился.

— Пытался забрать сумку, — сказал он. — Женщина погналась за мной. Я

поскользнулся на снегу и ударился.

— Прокол, — сказал Рикки, и они шли в тишине.

Только когда они оказались перед дверью Дома хранителя — большой и покрытой граффити — Томми снова заговорил:

— Если хочешь что-то от Хантера, — сказал он, — тебе нужно дать ему что-то взамен. И не пытайся хитрить с ним, потому что он обхитрит тебя куда сильнее.

Рикки кивнул.

— Понял, — сказал он.

— *Но что ты ему дашь?*

— *Мы что-нибудь придумаем.*

Томми открыл дверь, повел Рикки в грязный коридор, где облетали обои и было влажно. Тут было ненамного теплее, чем снаружи. Слева была приоткрытая дверь. Рикки прошел за Томми и спустился по темной каменной лестнице. Они попали в большую комнату в подвале, тускло освещенную, с потрепанной мебелью. Рикки заметил трех Выброшенных, которых видел приближающимися к Дому хранителя, они устроились на диванах и креслах с шестью другими детьми. Они пристально смотрели на него, когда он вошел.

Но внимательнее всех смотрел мужчина, появившийся из теней в дальнем углу комнаты. Ему было около шестидесяти, нос не раз ломали, жадные глаза слезились, были полными подозрений.

— Снова с пустыми руками, Томми? — прохрипел старик. — Ты не платишь за себя, сынок.

Томми опустил голову.

— Но ты привел старому Хантеру гостя. Да?

Томми не ответил, и Рикки видел, что он был напуган. Все в мрачном подвале были напуганы. Включая Рикки.

Он шагнул вперед.

— Мне нужна помощь, — сказал он.

Хантер неприятно улыбнулся.

— Слышали это? — объявил он комнате. — Нашему юному другу нужна помощь, — он прошел к Рикки, встал перед ним, достаточно близко, чтобы Рикки учуял гадкое дыхание. — Проблема в том, солнышко, что мы не помогаем чужакам. Забавно то... — он оглядел других в комнате, улыбаясь еще шире и неприятнее. — Забавно то, что мы поступаем наоборот, да, ребята?

В комнате зазвучало согласное бормотание. Рикки оглянулся на Томми, тот произнес губами: «Уходи!».

Слишком поздно.

Для мужчины за шестьдесят Хантер двигался быстро. Он протянул правую руку и схватил Рикки за горло, сильно сжав, когда придавил его к стене. Рикки почувствовал, как все его тело содрогается от удара, когда Хантер прошептал:

— Ты не должен был приходить сюда, солнышко.

Рикки едва мог дышать, не говоря уже о том, чтобы четко говорить. Его горло горело, когда он пытался говорить:

— Я... У меня есть кое-что для вас, — прошептал он.

Хантер оскалился.

— О, да? Ты что, Дед Мороз?

— С-серьезно. У меня есть...

Хантер громко рассмеялся.

— Так что же, солнышко? Что это за удивительный подарок?

Рикки, с трудом переводя дыхание, ответил:

— Ваш кошелек.

Тишина в комнате. Водянистые глаза Хантера снова сузились. Медленно он ослабил хватку на горле Рикки, и тот глубоко вдохнул, пока Хантер обшаривал свои карманы. Когда он не смог найти то, что искал, Рикки поднял тяжелый черный бумажник, который он вынул из пальто Хантера всего за несколько минут до того, как старик схватил его за горло.

Казалось, вся комната затаила дыхание, ожидая реакции Хантера. Рикки протянул ему бумажник, который Хантер отобрал. Затем Рикки снова достал из заднего кармана фотографию Иззи Коул и поднял ее.

— Я ищу эту девушку, — сказал он. — Думаю, вы знаете, где она, — сказал он, изучая лицо Хантера. Промелькнуло узнавание. Хантер знал Иззи Коул — Рикки был в этом уверен.

— Что, если я знаю? — сказал Хантер угрожающим голосом.

— Вот что я думаю, — ответил Рикки. Он оглядел комнату. Все взгляды были прикованы к нему. — Вы посылаете мальчиков и девочек из этой комнаты грабить для вас. Взамен даете им жилье и еду, чтобы они не жили на улице, — Рикки фыркнул и снова посмотрел на Хантера. — Я лучший карманник, которого вы когда-либо встречали, — сказал он. — Я научу Томми, как это делать. Он сможет учить других. В свою очередь, вы позволите мне поговорить с девушкой.

Лицо Хантера ничего не выражало. Он повернулся к Рикки спиной и секунд двадцать ходил взад-вперед, изучая бумажник в руке.

Внезапно он обернулся.

— Если я узнаю, что ты полицейский... — начал он.

— Ему всего четырнадцать, Хантер! — вмешался Томми, используя слова Рикки. — Конечно, он не полицейский.

Хантер снова уставился на Рикки, словно оценивая его.

— Хорошо, — выдохнул он. — Веди Томми сейчас же. Если вернешься с достаточным количеством наличных, возможно, мы сможем помочь. Томми и мальчики видят вещи, когда они на улице — верно, ребята? — они согласно заворчал, когда Хантер подошел к Рикки, снова оказался лицом к лицу. — А если ничего не добудете, лучше не показывать лицо здесь. Понятно?

— Ага, — тихо сказал Рикки. — Я понимаю, о чем вы.

12

ВОЛШЕБНЫЕ ТРЮКИ

— Хантер — это нечто, да? — сказал Рикки Томми, пока они брели по снегу от Дома хранителя. — Почему ты и другие остаетесь с ним?

— Ты не поймешь, — сказал Томми. Он все еще хмурился.

— Объясни.

Томми искоса взглянул на него, затем пожал плечами.

— Хорошо. Большинство из нас сбежало из дома. Мы выглядим как дети — мы *дети*. Если кто-нибудь нас обнаружит, нас заберет полиция и отправит туда, откуда мы пришли. Никто из нас этого не хочет, и Хантер это знает. Он находит места, где мы можем спрятаться, такие места, как Дом хранителя. Пока мы продолжаем воровать для него, он позволяет нам остаться.

— А если нет?

— Он выгоняет нас.

— Какой джентльмен, — они свернули на Брюэр-стрит и пошли на юг.

— Это лучше, чем альтернатива, — сказал Томми.

Рикки вспомнил захудалую комнату, которую снимал у Бакстера. Ужасное место, но он был благодарен за него.

— Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал он.

— Не важно, — Томми явно не хотел об этом говорить.

— Ты знаешь, где эта девушка? — спросил Рикки. Он смотрел прямо перед собой, задавая вопрос. Но в его голосе был намек. Они оба знали, что может случиться на улице со

сбежавшими девушками.

Томми не ответил, и Рикки что-то почувствовал. Страх? Боялся ли Томми того, что сделает Хантер, если он выдаст эту информацию? Наверное, решил Рикки. Он решил не торопиться. Его лучшая стратегия заключалась в том, чтобы завоевать доверие Томми.

Несколько минут они шли молча, прежде чем Томми искоса взглянул на Рикки.

— Итак, — сказал он, — в чем твой секрет воровства?

Рикки воспользовался моментом, чтобы привести мысли в порядок. Это было то, о чем он много узнал за те месяцы, что провел на улице.

— Ты когда-нибудь видел фокусы? — спросил он.

— Ага, — сказал Томми. — Конечно.

— Ну, вот что никто никогда не говорит. Все фокусы одинаковы. Они все для отвлечения внимания. Фокусник заставляет думать о чем-то другом, пока он выполняет настоящий трюк. В девяти случаях из десяти он знает, какая у вас карта или в какой шляпе кролик, с самого начала фокуса. Все остальное — хитрость.

— Какое это имеет отношение к воровству?

— Прямое. Кража из кармана — это все равно, что проделать фокус. Это хитрость. Если удастся отвлечь цель, дело сделано. Ты можешь ковыряться в ее карманах целый день, — Рикки видел, что заинтересовал Томми. — Конечно, — продолжал он, — иногда их даже не нужно отвлекать. Иногда они делают это за тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Хочешь узнать, где проще всего обшарить карман?

— Где?

— Хитроу, второй терминал. Всегда задержки. Когда они есть, люди находят место, где можно сесть, и разбрасывают повсюду свои вещи, включая ручную кладь. Тогда они утыкаются носом в книгу или газету. Это безумие — можно просто засунуть руку в их багаж и схватить их кошельки. Обычно у них много наличных, потому что они уезжают в отпуск.

Теперь они были на Шафтсбери-авеню. Вокруг было больше людей, в основном направлявшихся к станции метро «Пикадилли», сжимаясь от снега, их руки были заняты рождественскими покупками.

— Где еще? — спросил Томми. Часть угрюмости покинула его голос.

— Рядом с университетами хорошо, особенно летом. Студенты отправляются в парки, чтобы читать и работать. Они такие же, как отдыхающие. Они разбрасывают свои вещи и не обращают на них особого внимания. Ты можешь там пожить, — он многозначительно посмотрел на небо. — Впрочем, в такую погоду на это мало шансов. В такой день нужно как-то отвлекать.

— Ты понимаешь, что начинаешь говорить как Феликс.

— Может быть, это не так уж и плохо. Он хороший учитель...

— Пойдем к станции метро, — сказал Рикки. — Я хочу показать тебе кое-что.

Станция метро «Пикадилли» кишела людьми. Полы были влажными от слякоти, и многие прохожие несли сумки с покупками с соседних Риджент-стрит и Оксфорд-стрит. Рикки и Томми стояли у карты метро, спиной к стене. Рядом с ними был плакат с надписью: «В этом районе орудуют карманники». Рикки сразу же заметил двух сотрудников лондонского метро, которые болтали друг с другом в пятнадцати метрах от него. Кроме этого, он не видел никого в форме.

— Итак, — сказал Рикки достаточно громко, чтобы Томми слышал его сквозь шум. —

Как узнать, где люди держат свои кошельки?

Томми одарил его пустым взглядом.

— Не знаю, — сказал он. — Поискать выпуклости в их карманах, наверное.

— Это один из способов, — сказал Рикки. — Но у меня есть лучше. Смотри внимательно, — он сделал пару шагов вперед, затем изобразил панику и начал ощупывать себя. — Кто-то украл мой бумажник! — крикнул он — не так громко, чтобы услышала вся станция, но достаточно громко, чтобы все в пределах четырех-пяти метров люди слышали, что он сказал. Это означало около двадцати человек.

Почти все они сделали одно и то же, услышав Рикки: их руки тут же потянулись к тому или иному карману, к наплечным сумкам или сумочкам. Через пару секунд они открыли Рикки местонахождение своих ценностей.

Томми снова стоял рядом с ним.

— Ты это видел? — выдохнул Рикки.

— Ага, — сказал Томми. В его голосе звучало восхищение. — Круто.

Рикки был рад. И было что-то еще. Раньше он был хорошим карманником. Но теперь, благодаря тренировкам Феликса, он чувствовал себя еще увереннее. Он был начеку. Осознавал все вокруг себя. Он прикинул, что на этом вокзале он мог обворовать любого.

А пока его внимание привлек стройный мужчина с короткими каштановыми волосами. Этот человек прикоснулся к заднему правому карману своих джинсов, так что Рикки знал, что именно там он держал свои деньги.

— Иди за мной, — сказал он Томми. — Будь готов взять бумажник, если я тебе его дам.

Рикки следовал близко за своей целью, пока тот шел к кассам, чувствуя, как пересохло во рту от волнения. Было приятно делать это снова. Когда мужчина встал перед ограждением и приложил свою карту к датчику, Рикки целенаправленно врезался ему в спину. Мужчина оглянулся, явно очень раздраженный.

— Прошу прощения, — сказал Рикки. — Я такой неуклюжий, — его извинение успокоило мужчину. Он повернулся к барьеру, который широко открылся. Он шагнул вперед, и Рикки умело вытащил кошелек из его заднего кармана. Он передал его Томми за собой, а мужчина прошел барьер, и тот закрылся. — Отступаем, — прошипел Рикки. Он и Томми отошли от барьера в толпу. После пары секунд они повернулись и посмотрели на цель. Мужчина стоял на вершине эскалатора, ощупывал себя, как Рикки до этого изображал.

— Он знает, что его обокрали, — сказал Томми.

— Да, — ответил Рикки. Мужчина был в панике. Это было видно по его лицу и языку тела.

А потом Рикки впервые ощутил укол. Он вспомнил слова Феликса: «О, никогда не знаешь, Коко. Однажды ты можешь удивить себя».

— *Вина, Рикки?*

— *Может, капельку.*

— *Помни, ты делаешь это не просто так. Ты пытаешься помочь Иззи Коул, не забывай.*

Он повернулся к Томми.

— Я называю эту технику турникетом. Вряд ли наша мишень ощутила, как я взял его бумажник, но не важно, если бы он понял. Смотри, он застрял по ту сторону барьера, а мы спрятались в толпе. Ты видел, как я отвлек его, врезавшись ему на спину?

— Не очень тонко, — сказал Томми.

— Конечно, нет, — ответил Рикки. — Если бы это было тонко, это не было бы отвлечением. Вернемся на улицу. Покажу еще несколько трюков.

И он это сделал. В течение следующих двух часов Рикки показал Томми, как усовершенствовать Ложный Подъем. («Один из нас делает неуклюжую попытку залезть в чей-то карман. Они понимают, что кто-то пытается их ограбить, и поднимают суету. Когда их бдительность ослабевает, второй человек подходит и фактически берет бумажник»). Он показал ему трюк «Угадай, кто». («Я подбегаю к цели, закрываю ей глаза руками и кричу «Угадай, кто!» Когда они оборачиваются, я делаю вид, что смущен, и объясняю, что принял их за маму или папу. Пока они отвлекаются на извинения, ты крадешь») Он рассказал Томми о самом полезном инструменте карманника. («Бритвенное лезвие, хорошее и острое. Делаешь надрез под карманом мишени, и бумажник просто вываливается»). Он даже поделился старым трюком с «неуклюжим падением», который проделал с Феликсом недели назад. («Это хорошо для нас, детей. Это апеллирует к доброте цели. И, э... если сможешь размазать немного крови по колену или локтю, это сработает еще лучше...»)

К концу дня у них был приличный улов. Пять кошельков и более 300 фунтов наличными. А в одном из кошельков оказался неожиданный бонус. Внутри мешочка, предназначенного для монет, было золотое кольцо с небольшим драгоценным камнем.

— Может быть, бриллиант, — благоговейно сказал Томми.

Рикки пожал плечами.

— Возможно, — сказал он. Он дал его Томми. — Нет нужды говорить об этом Хантеру, да?

Томми взял кольцо дрожащими руками.

— Парень на Ченсери-лейн, — сказал он. — Кажется, его зовут Рэндольф — по крайней мере, так называется его магазин. Он скупщик — тот, кто купит любое краденое. Я слышал, как люди говорят, что он платит хорошие деньги за украшения, не задавая вопросов...

Глаза Томми сияли от радости. Но Рикки не веселился. Каждый раз, когда он видел, как их цель уходит, не подозревая, что стала беднее, он чувствовал себя все более подавленным. Он знал, что его навыки хороши, но хотел ли он проводить время так?

Разве он не стал лучше? Разве его жизнь не улучшилась с тех пор, как он перестал полагаться на мелкие преступления?

Стемнело, и снова пошел сильный снег.

— Давай вернемся в Дом хранителя, — предложил он. Он сразу почувствовал, как настроение Томми упало, но напомнил себе, что у него была работа, и эта работа состояла в том, чтобы найти Иззи Коул.

Мрачный подвал ничем не отличался от того, каким они его оставили. Дети Хантера все еще околачивались вокруг старой мебели, и было все еще холодно. Хантер выполз в тени, словно паук, патрулирующий свое логово. Когда появились Рикки и Томми, он бросился вперед, его слезящиеся глаза внезапно заблестели и стали жадными.

— Ну? — спросил он у Томми.

Томми открыл сумку и вручил Хантеру пять кошельков. Пожилой мужчина немедленно начал рыться в них, вытаскивая наличные и не обращая внимания на кредитные карты. Он сосчитал купюры, облизывая указательный палец каждый раз, когда отрывал одну. Закончив, он пристально посмотрел на Томми.

— Ты взял наличные себе? — спросил он.

Томми покачал головой, немного нервно.

Рикки решил, что ему нужно сменить тему. Он шагнул вперед.

— Время выполнить вашу часть сделки, Хантер. Где мне найти девушку?

Хантер шагнул вперед с противной ухмылкой на лице.

— Довольно напористый парень, да? — прохрипел он. — Может, мне не хочется выполнять свою часть сделки. Ты думал об этом?

Рикки оставался очень спокойным.

— Конечно, думал, — ответил он. — Хотите знать, что я решил?

— Не могу дождаться, — злобно прошептал Хантер.

— *Лучше бы тебе придумать что-то хорошее, Рикки. Хантер явно не любит игры.*

Но Рикки придумывал на ходу. Пока он говорил, он краем глаза заметил вход в подвал. Всегда искал запасной выход.

— *Он жадный. Все жадные люди имеют одну и ту же слабость.*

— Я решил, что вы бизнесмен. Время от времени мне понадобится место, где можно затаиться. Дом Хранителя мне бы подошёл. Каждый раз, когда я появлюсь, я буду приносить несколько полных кошельков. Думайте обо мне как о регулярном доходе.

Хантер и Рикки смотрели друг на друга. Прошло тридцать секунд. Хантер ничего не сказал. Он явно не был уверен, стоит ли доверять Рикки.

Пришло время играть.

— Хорошо, — заявил Рикки. Он кивнул Томми. — Приятно было работать с тобой, приятель, — сказал он. Затем он повернулся и направился к лестнице.

— Погоди!

Голос Хантера был хриплым. Рикки повернулся и увидел, что его лицо исказилось.

— Хорошо, — сказал Хантер. Он посмотрел на Томми. — Отведи его к ней, — сказал он.

Томми кивнул.

— Сюда, — сказал он Рикки. И, к удивлению Рикки, вместо того, чтобы вести его вверх по лестнице, он пошел через подвальное помещение к двери на дальней стороне.

— *Она была здесь все это время?*

— *Либо так, либо это ловушка. Может, Хантер пытается затащить тебя туда, откуда ты не сможешь сбежать.*

Рикки не двигался. Когда Томми прошел половину подвала, он оглянулся.

— Идем, — сказал он.

Второй раз за день Рикки почувствовал на себе взгляды всех в подвале.

— Приведите ее сюда, — сказал он тихо.

Никто не двигался. Слезящиеся глаза Хантера снова сузились.

Тишина.

— Ощущаешь подозрения, да, приятель? — сказал Хантер.

— Интересно, почему, — ответил Рикки. Каждая клеточка его тела кричала, чтобы он убирался отсюда.

Хантер посмотрел на Томми. Затем он кивнул. Томми продолжил путь по подвалу. Подойдя к двери, он мгновение помедлил, затем открыл ее и вошел в соседнюю комнату.

Прошло тридцать секунд.

Минута.

Хантер не сводил глаз с Рикки. Как и все Выброшенные. Он почувствовал, как шрам на запястье начинает покалывать.

— *Мы должны уйти отсюда. Что-то не так.*

— *Подожди! Я слышу движение...*

Звук доносился из соседней комнаты. Дверь снова открылась, и Томми вышел в главную подвальную комнату. Позади него в дверном проеме стояла фигура девушки.

Рикки взгляделся сквозь мрак, чтобы различить ее черты. Он увидел длинные волосы, спутанные, грязные. Налитые кровью глаза с огромными черными кругами под ними. Потрескавшиеся губы. Испуганное, бледное лицо.

Она не улыбнулась и не пошевелилась. Но ей не нужно было. Рикки узнал ее черты. Они были почти такими же, как у его мертвой сестры.

Но это была не Мадлен.

Рикки нашел Иззи Коул.

ТРЕЗУБЕЦ

Хантер поравнялся с Рикки.

— Она не покинет Дом хранителя.

— А если она хочет?

Хантер противно оскалился.

— Иззи, милая, — он позвал девушку. — Этот парень хочет поговорить. Не хотела бы с ним пройтись?

Иззи Коул покачала головой.

— Я никуда не пойду, — прошептала она. Ее голос был слабым, хриплым, взгляд метался по комнате.

— Как я и сказал, — Хантер ухмыльнулся, — она не уйдет.

Рикки шагнул вперед. Его шаги были единственным шумом в подвале.

— Я просто хотел поговорить с тобой, Иззи. Все в порядке?

Она выглядела неуверенно. Но через несколько секунд она кивнула и исчезла в комнате.

— У тебя есть десять минут, — буркнул Хантер. — Потом я выгоню тебя.

Комната была меньше главной в подвале. Где-то десять метров на десять. Единственный свет исходил от голой лампочки, свисавшей с потолка. На полу лежали тонкие грязные матрасы. Очевидно, именно здесь спали Выброшенные Хантера. Иззи была в дальнем углу, свернувшись калачиком на земле, схватившись за колени. Она смотрела не на Рикки, а куда-то вдаль большими, одинокими, испуганными глазами.

— Меня зовут Рикки, — он попытался говорить дружелюбно и оптимистично. В таком месте было трудно.

Нет ответа.

— Я здесь, чтобы помочь тебе.

— Мне не нужна помощь, — сказала Иззи.

— Прости, но... — Рикки многозначительно огляделся. — Не похоже.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — прошептала Иззи.

Рикки подошел и присел рядом с ней.

— Твои мама и папа хотят, чтобы ты вернулась домой, — сказал он.

Иззи безрадостно рассмеялась.

— Это то, что они сказали, не так ли? Я не вернусь. Тебе-то что?

Рикки не ответил.

Иззи слегка повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Мне кажется, я уже видела тебя раньше, — медленно сказала она.

Рикки кивнул.

— Может быть, в канун Рождества? Если ты была тогда около Кингс-Кросс? В шерстяной шапке, да? Я видел твою фотографию там. Твое лицо было сильно изуродовано. Теперь оно выглядит немного лучше.

Иззи коснулась щеки.

— Вот почему я не вернусь, — прошептала она. — Кто ты вообще такой? Тебя прислал мой отец?

— Нет.

— Тогда кто?

Трудный вопрос. Рикки решил не отвечать.

— Почему ты не хочешь домой? — спросил он.

— Ты не поймешь.

Рикки встал. Он начал расхаживать.

— Я тоже убежал из дома, — сказал он. — Восемнадцать месяцев назад. И не вернулся.

Он тут же ощутил, что привлек внимание Иззи.

— Почему?

— Я жил с приемными родителями. Мои мама с папой умерли. Мои приемные родители то и дело тащили меня в церковь и говорили, что хотят спасти мою душу. И то была не обычная церковь, а какая-то странная секта...

— По крайней мере, они тебя не били, — сказала Иззи. — Мой папа просто... — она снова коснулась своей щеки. — Пожалуйста, не говори ему, где я.

Рикки посмотрел на дверь.

— Но почему ты остаешься с Хантером? — спросил он.

— Мне больше некуда идти. И я встретила Томми и других на улице, и они сказали, что это безопаснее, чем быть одной...

— Конечно, — пробормотал Рикки. — Ты знаешь, что он делает? Хантер, я имею в виду. Ты знаешь, что он заставляет этих детей воровать для него?

Иззи кивнула.

— Но, — тихо сказала она, — он сказал, что я могу просто остаться и ничего этого не делать.

Рикки приподнял бровь, но Иззи, похоже, уже поняла, как наивно она звучала.

— Ты собираешься сказать моему отцу, где я? — спросила она.

Рикки колебался. Он вытащил из кармана телефон. *Быстрый набор один. Сразу звони.* Он сжал ладонь Иззи и написал на ней свой номер.

— Плохие новости для Хантера, — сказал он. — В любое время, когда понадобится помощь, просто позвони.

Он прошел к двери.

— Ты не ответил на мой вопрос, — крикнула ему вслед Иззи. — Ты собираешься рассказать моему отцу?

Рикки остановился и оглянулся.

— Конечно, нет, — сказал он.

* * *

Восемь вечера

Первое, что сделал Рикки, вернувшись в свою квартиру, — умылся. Горячая вода прогнала холод в его костях и смыла грязь и зловоние Дома хранителя. Только когда он вышел из душа, вытерся и оделся, он позвонил Феликсу.

— Я нашел ее.

Пауза.

— Это было очень быстро, Коко, — искренне удивился Феликс. — Где она?

— Не скажу.

Он повесил трубку.

* * *

Меньше, чем через полчаса Феликс был у его двери, как и ожидал Рикки. В дверь позвонили через двадцать три минуты, Рикки открыл ее и пропустил Феликса в квартиру, и тот прошел в гостиную.

— Что значит: ты мне не скажешь? — лицо Феликса было необычно яростным.

— Что тут непонятного? — сказал Рикки.

Феликс прищурился, глядя на него.

— Это не игра, Коко. Это серьезно.

— И я серьезен. Она убежала из дома не просто так. Отец избивал ее. Я не позволю вам отправить ее обратно.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, Коко.

— Нет! — вспыхнул Рикки. — Вы не знаете, о чем говорите. Вы понятия не имеете, каково это — когда кто-то старше избивает тебя день за днем... Это то, что случилось с моей сестрой...

Внезапно Рикки оборвал себя. Феликс подтянул штанину всего на несколько сантиметров, чтобы обнажить нижнюю часть протеза ноги. Рикки уставился на узкие металлические стержни, соединяющие лодыжку Феликса с его коленом, и вдруг ему стало немного стыдно за то, что он только что сказал.

Феликс снова уронил штанину.

— Садись, Коко, — сказал он. — Сядь, молчи и слушай.

Рикки присел на край дивана. Феликс сел напротив него.

— Пора тебе начать понимать, что мир на самом деле сложнее, чем ты думал. Пожалуйста, Коко, просто молчи и не отвечай. Ты думаешь, что сможешь жить в такой роскоши и получать то образование, которое я тебе давал, и не отдавать ничего взамен?

Рикки не ответил.

— Я уже тебе говорил. Я работаю на сверхсекретное правительственное агентство. И пока ты живешь в этой квартире и получаешь еженедельные деньги и обучение, ты тоже. Не разговаривай, Коко. Просто послушай!

Феликс глубоко вдохнул. Он явно был зол и пытался успокоиться. Рикки ощутил странный холодок — он подозревал, что ему не понравится то, что он сейчас услышит.

— Часть нашей работы — набирать таких молодых людей, как ты. Не кого угодно, заметь. Они должны быть яркими и перспективными. Они должны иметь навыки, немного необычные. И это должны быть молодые люди, отсутствие которых никто не заметит или, по крайней мере, не станет шуметь. Это конкретные условия, Коко, и ты подходишь. Я хорошо замечаю этих юнцов, привлекаю их к себе для первого контакта — помнишь, как я выглядел, когда ты впервые увидел меня? — и с тех пор ты уже неоднократно показывал мне, что у тебя очень высокая степень способностей к этой работе. Твое отношение, конечно, другое дело, но мы можем над этим поработать. Теперь ты, наверное, задаешься вопросом, зачем этому агентству нужно набирать подростков. Что ж, иногда возникают ситуации, когда присутствие взрослых агентов будет замечено. В этих случаях мы должны

полагаться на детей. Если ты задумаешься об этом на мгновение, ничто из этого не станет для тебя слишком большим сюрпризом. И если ты еще немного подумаешь, ты поймешь, что мы используем этот драгоценный ресурс не только для того, чтобы отслеживать сбежавших детей, таких как Иззи Коул. Нет, если только для этого нет очень веской причины.

— Так почему вы так ею интересуетесь? — спросил Рикки. Он говорил очень тихо, понимая, что здесь происходило нечто более важное, чем он мог себе представить.

— Она мне не интересна, — сказал Феликс. Он звучал довольно резко. — Ни капли. Меня очень интересует ее отец.

— Потому что он ее избил?

Феликс тонко улыбнулся Рикки.

— Нет, — сказал он. — Не из-за этого, — он встал и начал ходить. Его хромота казалась более выраженной, чем обычно, и Рикки подумал, не больно ли ему. Сейчас было не время спрашивать. Феликс снова заговорил. — Слово «Трезубец» тебе что-нибудь говорит?

— Я слышал его.

— Ты знаешь, что такое Трезубец?

— Не совсем, — он хотел добавить: «Мне всего четырнадцать, помнишь?». Но понял, что это будет плохо воспринято.

— Тогда слушай внимательно, Коко. «Трезубец» — ядерный потенциал Великобритании. Он состоит из четырех атомных подводных лодок, каждая из которых вооружена баллистическими ракетами Д-5.

При слове «ядерный» Рикки почувствовал легкую тошноту.

— Что такое баллистическая ракета Д-5? — спросил он.

Феликс бросил на него свирепый взгляд.

— Большая ракета, — сказал он. — Каждая подводная лодка содержит сорок термоядерных боеголовок. По крайней мере, одна подводная лодка постоянно находится в строю в британских водах. Она готова запустить ракету в радиусе четырех тысяч морских миль, если Великобританию спровоцируют.

Рикки похолодел.

— Это когда-нибудь случится? — спросил он.

— Никто этого не хочет. Это называется ядерным сдерживанием. Идея в том, что пока у нас есть ядерное оружие, никто на нас не нападет, и пока оно есть у наших врагов, мы тоже не нападём. Это работает, потому что только сумасшедший захочет начать полномасштабную ядерную войну, — Феликс пронизывающе посмотрел на Рикки. — Посмотри в окно, Коко, — сказал он. — Расскажи мне, что ты видишь.

Рикки подошел к окну и посмотрел на Лондон. Было уже темно, а воздух все еще был наполнен снегом. Он кружился огромными потоками и затмевал сияние городских огней.

— Снег, — сказал он. — Все, что я вижу, это снег.

— Ты когда-нибудь слышал фразу «ядерная зима»?

Рикки покачал головой. Он не мог пока говорить.

— Это то, что, по мнению ученых, произойдет в случае крупного ядерного инцидента. Воздух наполняется радиоактивной пылью, солнечные лучи блокируются, а температура на земле резко падает. Мы переживаем серьезное изменение климата. Думаешь, сегодня плохой снег, Коко? Представь, какой он будет во время ядерной зимы — если тебе повезет пережить взрыв, то есть, и лучевая болезнь не будет разъедать твоё тело.

— Я понял, — тихо сказал Рикки.

— О, хорошо, — в голосе Феликса был сарказм. — Я рад. А теперь сядь, и я расскажу, при чем тут Иззи Коул.

Рикки вернулся к дивану. Его теперь точно мутило.

— Точное местонахождение ядерной подводной лодки является конфиденциальной и секретной информацией. Если эта информация попадет не в те руки, могут быть ужасные последствия.

Рикки нахмурился.

— Но вы же сами сказали, что только сумасшедший захочет начать ядерную войну.

— Ты прав. К сожалению, такие люди есть. Есть террористы или члены государств-изгоев, которые заплатили бы большие деньги за коды местонахождения подводных лодок. И они заплатили бы такие суммы только в том случае, если бы были готовы использовать информацию.

Феликс позволил этой мысли осесть перед тем, как продолжить.

— Мы считаем, что член парламента Джейкоб Коул, отец Иззи, заполучил эти коды и готовится продать их тому, кто больше заплатит. Наши источники предполагают, что это, вероятно, русские, но больше мы о них ничего не знаем.

Рикки моргнул.

— Ты выглядишь удивленно, Коко. Не стоит. Ты довольно спокойно относишься к краже чужих вещей, но мне нравится думать, что у тебя есть какой-то моральный кодекс. Однако вскоре ты узнаешь, что некоторые люди готовы на все ради денег.

— Разве они не могут просто изменить коды? — спросил Рикки.

— Конечно. И как только они это сделают, Коул узнает.

— Тогда почему бы не... не знаю... уволить его или что-то в этом роде.

— И позволить тем, кто хочет заплатить Коулу, напасть на кого-то другого, о ком у нас нет данных? Спасибо, но нет. В любом случае, Коул очень близок к премьер-министру. Премьер-министр никогда не поверит, что он виновен в таком преступлении, — он покачал головой. — Некоторые вопросы слишком важны, чтобы решать их с простыми политиками. Мы должны разбираться с ними осторожно сами. И именно поэтому мне нужно заполучить Иззи Коул. Мы уже давно знаем, что ее отец был с ней жесток. Мы знаем, как сильно она его ненавидит. Вот почему она полезна для нас. У нас есть куча слухов о Джейкобе Коуле, но у нас нет веских доказательств, и это то, что мы должны заполучить, если мы собираемся привлечь его к ответственности. Нам нужно, чтобы его дочь шпионила за ним. Чтобы собрать информацию, которая поможет нам доказать, что он что-то замышляет. И чтобы поймать людей, с которыми он в сговоре, — он глубоко и успокаивающе вдохнул. — Нам было крайне неудобно, когда Иззи решила сбежать из дома. И именно поэтому мне нужно, чтобы ты привел ее ко мне. Это срочно, Рикки. Более срочно, чем ты можешь себе представить.

Феликс откинулся на спинку кресла и раскинул руки в жесте, говорящем: «Решай».

Рикки расхаживал. Он чувствовал на себе взгляд Феликса. Он был в замешательстве. В течение последних нескольких минут жизнь стала серьезной. Половина его задавалась вопросом, не было ли все это какой-то дурной шуткой. Но затем он оглядел шикарную, высокотехнологичную обстановку, в которой оказался. Это было правдой. Никто не вырвал бы его из бедности и не дал бы ему такой образ жизни, не ожидая чего-то взамен.

Он доверял Феликсу. Он поверил ему. В голове кружились мысли о подводных лодках и ядерных зимах. Он не сомневался, что Феликс говорил ему правду. Он снова подошел к окну

и устоялся на неприветливый, угрожающий снег.

Затем он повернулся.

— Нет, — сказал он.

Тишина.

— Хочешь объяснить, почему? — спросил Феликс тихим и уверенным голосом.

— Вы сказали, что хотели бы думать, что у меня есть моральный кодекс. Вот он. Моя старшая сестра покончила с собой, потому что приемные родители жестоко обращались с ней. Покончила с собой, Феликс. Она была ненамного старше Иззи Коул.

Рикки был полон решимости не плакать. Он свирепо посмотрел на Феликса.

— Нехорошо отправлять Иззи Коул обратно в дом, где ее будут избивать. Я видел ее фотографию. Ей было плохо.

— Но коды, Коко.

— Это проблема взрослых. Вам нужно найти взрослое решение, а не просто завербовать кучу детей, чтобы делать вашу грязную работу. Или, может, вы можете попросить крутого Агента 21, сможете убедить его, что взрослый может бить ребенка, — он снова посмотрел на комнату. Конечно, это был шик. Теплая. Комфортная. Но он жил без этого раньше, и он мог бы жить без этого снова. — Я покончил со всем этим, — сказал он и вышел из комнаты.

Он ворвался в свою спальню, сунул руку под матрас и схватил носок, в котором бережно прятал свои еженедельные деньги. Там было пусто. Рикки швырнул его через всю комнату. Он не знал, как и когда носок опустел, но это только еще больше разозлило его. Дало больше решимости уйти. У него все еще было немного денег в кармане брюк — несколько банкнот и горсть мелочи. Этого должно хватить.

На прикроватной тумбочке он заметил пистолет-отмычку, который Феликс дал ему в первый день и который он постепенно освоил за время, проведенное здесь. Может быть полезным для вора. Он бросил его в рюкзак, затем надел толстый джемпер и пальто. Он схватил бейсболку Nike и надел ее козырьком назад.

— Ты уверен, что знаешь, что делаешь?

— Ага. Это конец. Я больше не хочу быть частью этого.

Он вернулся туда, где Феликс все еще сидел в гостинной.

— Знаешь, ты не сможешь вернуть свою сестру, спасая Иззи Коул, — тихо сказал Феликс.

Рикки захотелось плюнуть.

— Было приятно познакомиться, — сказал он. — На этот раз не утруждайте себя отправкой кого-либо за мной. Вы же знаете, я оторвусь от них.

Феликс не ответил, поэтому Рикки повернулся к нему спиной и вышел из квартиры, хлопнув за собой дверь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

14

ПОБЕГ ИЗЗИ

День подарков, 23:30

Больше, чем когда-либо, Рикки чувствовал потребность знать, что люди преследовали

его, когда он выбежал из многоквартирного дома. На этот раз он даже не стал тщательно проверять окрестности — у него больше не хватило терпения. Он просто останавливался через каждые десять шагов и оглядывался. К своему удивлению, он не заметил никого подозрительного. Высокая молодая женщина со светлыми волосами бросила на него косой взгляд, проходя мимо него, но через несколько мгновений она исчезла за углом, и Рикки не заметил никого, кто выглядел бы хоть немного необычным.

— Может, Феликс действительно просто позволил ему уйти.

Ночью было очень холодно, поэтому он не мог оставаться на улице. Ему нужно было где-то переночевать. Но где?

— *Ты всегда можешь вернуться в квартиру, если покончил со своей маленькой истерикой.*

— *Ни за что. Мы с Феликсом закончили.*

Он увидел такси, ехавшее с противоположной стороны. На нем горел оранжевый индикатор «НАЙМ». Рикки хотел поднять руку, чтобы остановить его, но опустил ее, понимая, что у него осталось мало денег. Он повернул бейсболку козырьком вперед и поспешил к станции метро. У турникета он уже собирался провести своей картой, когда снова остановился. Мог ли Феликс или те странные, таинственные люди, на которых он работал, выследить его с помощью карты? Это его не удивило бы.

Вместо этого он купил себе билет и сел на поезд до площади Пикадилли. Затем он прошел по глухим улочкам Сохо — в двух шагах от Дома хранителя — пока не наткнулся на оживленную маленькую кофейню на Фрит-стрит, которая, как он знал, была открыта всю ночь. За несколько горячительных напитков он мог бы остаться здесь до рассвета.

Он сел у запотевшего окна и заказал горячий шоколад, который медленно потягивал. На столе лежала бесплатная газета, которую он делал вид, что читает. На самом деле, он размышлял над тем, что узнал за последние пару часов. Джейкоб Коул, член парламента. Ядерные подводные лодки. Это звучало так, будто эти вещи принадлежали чьей-то другой жизни, а не его. Почему он должен беспокоиться о них?

— *Ты ведешь себя по-детски.*

— *Ну, смирись. Я ребенок.*

— *И как долго ты собираешься использовать это как предлог для того, чтобы ничего не делать со своей жизнью? Кем ты хочешь быть, старейшим карманником в городе?*

— *Заткнись, Зигги.*

Голос в его голове умолк, и Рикки сделал глоток кофе. Он оглядел других посетителей. Это была смешанная группа: несколько молодых пар; небольшая группа подростков. Пожилой мужчина в углу пил эспрессо. Мальчик примерно того же возраста, что и Рикки, может, чуть старше, в красной бейсболке, надетой задом наперед, сидел за столиком со светловолосым мужчиной с серьезным лицом. Может, его старший брат? Никто из них не обратил на Рикки внимания. Рикки понял, что его мозг находился в режиме записи, Феликс говорил ему, что так должно быть всегда.

Дверь открылась. Вошла пожилая дама. Ей было, наверное, за семьдесят, она носила невзрачную одежду и держала полный полиэтиленовый пакет у груди. Она села за стол рядом с Рикки и начала отсчитывать несколько монет грязными руками. Когда она убедилась, что ей хватало, она остановила официанта. Рикки стало жаль ее. Он был уверен, что у нее не хватит денег, чтобы остаться здесь до рассвета, и ему было интересно, где она, в конце концов, проведет ночь.

— *Может, ты не так уж бессердечен, как я думал.*

— *О чем ты говоришь? Я не бессердечный.*

— *Да? Чуть не обманул меня. Кажется, ты вполне доволен тем, что оставляешь людей умирать.*

— *Не глупи, Зигги. Я никогда никого не оставлял умирать.*

— *Да неужели? А что произойдет, если не те люди получают коды этих подводных лодок? Как думаешь, кому будет хуже от последующей катастрофы? Таким людям, как Джейкоб Коул, член парламента? Или таким, как она?*

Рикки поймал себя на том, что смотрел на старую даму с сумками. Затем он оглядел других посетителей. И он понял, что голос в его голове был прав. Это был не Феликс, которого он только что бросил, — а обычные люди, которые ничего не знали о том, что происходило. Обычные люди вроде его мамы, папы и Мадлен, если бы они жили. Он не мог им помочь; но он мог попытаться не дать кому-то еще потерять свою семью... попробовать поступить правильно.

— *Ты хочешь сделать вид, что это не твоя проблема. Но это сейчас. Вопрос только в том, сделаешь ли ты что-нибудь по этому поводу.*

— *Я не собираюсь заставлять Иззи Коул вернуться к отцу. Я видел, что он сделал с ней.*

— *Может, ей и не надо. Может, есть другой способ. И ты не думаешь, что Иззи следует сделать этот выбор самой?*

Голос умолк.

Рикки помешивал горячий шоколад. Затем он внезапно встал и ушел, взяв с собой газету. Возможно, ему показалось, но он мог поклясться, что мальчик в бейсболке поймал его взгляд, когда он уходил.

* * *

Джейкоб Коул сидел за своим столом в кабинете на первом этаже Белого дома. Напротив него стояли двое полицейских. Они были в полном обмундировании и выглядели неуютно.

— А вы уверены, мистер Коул, что не можете придумать причины, по которой Иззи захотела бы сбежать? — спросил один из полицейских.

Коул поджал губы, прищурился.

— Как я уже не раз говорил вам и вашим коллегам, — сказал он почти шепотом, — моя дочь — довольно глупая, чрезвычайно вспыльчивая барышня. В ее духе сделать что-то подобное. Теперь, на вашем месте, я бы всю ночь искал мою дочь под каждым камнем, а не сидел бы здесь почти в полночь и задавал мне *дурацкие вопросы*, — он сказал эти последние слова с таким нажимом, что оба полицейских с тревогой переглянулись. — Должен сказать, что я лично знаком с комиссаром и готов поговорить с ним о высоком уровне некомпетентности, продемонстрированном при расследовании, — Коул встал и схватился за край стола. — Найдите... мою... дочь... — сказал он. — Уже очень поздно. Пожалуйста, уйдите.

Полицейские молча встали и вышли из комнаты. Коул снова сел. Его кровь кипела от гнева. Гнева на этих идиотов-полицейских и на его глупую дочь. Знала ли она, какие проблемы причиняла ему ее глупость? Сейчас он не нуждался во внимании народа. Из-за Рождества ему удалось скрыть исчезновение Иззи от газет, но надолго ли?

Он достал ключ из кармана пиджака и открыл им правый верхний ящик стола. В нем

была папка. Коул не вытащил ее. Он даже не прикоснулся к ней. Он просто хотел убедиться, что она все еще там. Он снова закрыл ящик и надежно запер его.

Он уставился на мобильный телефон на столе, ожидая, что тот зазвонит. Чем раньше он заключит сделку с русскими, тем лучше. Имея информацию, они могли делать с ней все, что хотели. Коул получит деньги, и это все, что имело значение.

В дверях появилась его жена. Он заметил, что она снова плакала. Под глазами были темные полосы. Она посмотрела на него с отвращением, но ничего не сказала, прежде чем снова исчезнуть.

Глупая женщина, подумал он. Возможно, когда сделка будет заключена, он оставит ее, заявив, что стресс из-за того, что их дочь сбежала, заставил их расстаться. Тогда он сможет свободно пользоваться своими деньгами.

* * *

Через пять минут после выхода из кафе Рикки снова оказался у входа в Дом хранителя. Снег уже не падал, и его следы были единственными свежими следами на улице. Его дыхание вылетало паром на холоде, но он чувствовал, как сильно гудит его кровь. Возвращение в Дом хранителя было рискованным. Выброшенные могли быть нестабильными. Более того, Хантер не полностью доверял ему. Он не хотел бы давать ему доступ к Иззи.

Но Рикки должен был попытаться.

Он развернул газету и положил ее на снег. Он осторожно сложил ее пополам несколько раз, как учил Феликс, пока не получил крепкую дубинку. Он пару раз ударил по раскрытой ладони. Хорошая и плотная. Несомненно, у Хантера и его Выброшенных в подвале было более опасное оружие, чем это, но Рикки чувствовал себя немного лучше, когда ему было чем защищаться.

Главная дверь в Дом хранителя была не заперта. Она заскрипела, когда он медленно открыл ее. Он бесшумно спустился по лестнице в подвал. Дойдя до двери в главную комнату, он остановился и прислушался.

Тишина.

— *Все спят? Может, ты смог бы разбудить Иззи, чтобы другие не узнали...?*

Очень медленно он толкнул дверь кончиком своей газетной дубинки.

В подвале было совершенно темно, и Рикки не слышал ничего, кроме легкого прерывистого тяжелого дыхания. С минуту он оставался совершенно неподвижным, позволяя глазам привыкнуть к темноте. Постепенно он разглядел темные очертания, разбросанные по комнате: мебель и спящие тела.

Он обнаружил, что автоматически делил темную комнату на кубы. Он внимательно осмотрел каждую, выискивая движение.

Движений не было.

— *Это не значит, что они все спят. Будь очень осторожен. Если Хантер найдет тебя здесь, он может вспылить...*

Он прокрался внутрь, его собственное неглубокое дыхание заглушало тяжелое дыхание других в его ушах. Он двигался очень медленно, чтобы звук его шагов был сведен к минимуму.

Три метра.

Пять метров.

Кто-то зашевелился в дальнем левом углу комнаты. Рикки замер.

Снова тишина.

Он не сводил глаз с темных очертаний двери в дальнем конце комнаты. Она была, подумал он, слегка приоткрыта. Он снова пошел. Крался, молча, туда.

— *Нет!*

Сзади чья-то рука зажала ему рот. Рикки хотелось инстинктивно закричать, но ему удалось промолчать, хотя его мышцы напряглись — они как будто знали, что могут понадобиться в бою. Он поднял дубинку, готовый ударить, если придется...

Рука пропала. По-кошачьи, с все еще поднятой дубинкой, Рикки обернулся и увидел еще одно лицо в сантиметрах от своего.

Томми.

Лицо Томми было суровым и полным подозрений. Но он не поднял тревогу, и Рикки воспринял это как хорошую новость. Очень медленно он опустил дубинку и поднес палец к губам.

Очень-очень тихо Томми прошептал:

— Не буди Хантера! — затем он удалился в темноту. Рикки глубоко вдохнул, чтобы успокоить нервы, и продолжил идти к дальней двери. Он бесшумно проскользнул в соседнюю комнату, затем остановился на миг спиной к двери. Запомнив планировку, даже не думая об этом, он знал из своего предыдущего визита, что пол был завален матрацами. Его зоркие глаза уловили их в темноте, и он начал пробираться между них.

На полпути он снова остановился. Что-то подсказывало ему, что за ним следят. Он поднял взгляд и увидел фигуру, стоящую спиной к стене. Как будто Иззи знала, что он придет за ней. А может, она просто не могла уснуть, и он потревожил ее, когда вошел в комнату? В любом случае, она не подняла тревогу, поэтому Рикки продолжал идти к ней.

— Нам нужно поговорить, — прошептал он, оказавшись всего в паре метров от того места, где она стояла.

— Я не вернусь домой, — выдохнула она.

— Я знаю. Не волнуйся, я тебя не прошу. Но мы можем просто поговорить? Снаружи, подальше отсюда?

Пауза.

Иззи медленно подняла правую руку, и Рикки сжал ее ладонь. Ее рука была ледяной и дрожала.

— Нам нужно вести себя тихо. Нельзя будить Хантера, — пробормотал он.

Он осторожно отвел ее обратно в главную комнату, где попытался разглядеть в темноте Томми, но не смог. Все еще держа Иззи за руку, он направился к двери.

Но он был на полпути, когда комната внезапно наполнилась светом.

Ослепленный, Рикки прикрыл глаза правой рукой, в которой все еще держал газетную дубинку. Он открыл их на долю секунды позже, потому что услышал крик Иззи.

Хантер был там, в пяти метрах от них, надвигаясь, как сумасшедший. Его глаза были дикими и злыми, лицо искривилось в злобной ухмылке. В правой руке он держал зловещий нож. Мысли Рикки вернулись к тому, когда в последний раз кто-то обнажил при нем нож: женщина, похожая на ведьму, на Блумсбери-сквер. Тогда его спас Феликс. Но теперь он был сам по себе.

— Беги! — рявкнул он Иззи. Она шагнула, шатаясь, к двери. Рикки знал, что другие Выброшенные просыпались. Он должен был разобраться с Хантером, прежде чем кто-либо из них решил прийти на помощь этому человеку.

Три метра между ними. Хантер поднял руку, готовый нанести удар.

Как Феликс поступил с ведьмой? Рикки представил себе ту сцену. Он ударил палкой по запястью ее руки с ножом.

У Рикки не было палки. Но у него была дубинка.

Он двигался почти инстинктивно. Хантер уже был почти рядом с ним, собираясь нанести удар ножом. Внезапным движением Рикки со всей силой, на какую был способен, ударил дубинкой по руке Хантера с ножом. Он резко попал. Хантер взревел от боли, и нож со звоном упал на пол.

— УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! ЖИВО!

Рикки обернулся. Иззи уже стояла у двери, но смотрела на них широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Двигайся! — закричал Рикки и бросился в ее сторону, а Хантер, все еще ревуший от боли, поспешил подобрать нож.

— Хватайте их! — крикнул Хантер. Внезапно Рикки осознал, что, по крайней мере, десять Выброшенных встали на ноги. Томми был одним из них, но он сдерживался, явно не желая ловить Рикки. Но Рикки знал, что если Хантер заставит его, у него не будет выбора. Ни один из них не отступил бы.

Иззи была уже на полпути вверх по лестнице, а Рикки уже стоял у двери. Но Хантер и Выброшенные надвигались на него, и у некоторых из них были ножи — он никак не мог справиться со всеми, используя только свернутую газету.

И снова инстинкт взял верх. Он бросил дубинку и сунул руку в карман джинсов. Когда он вытащил ее, он сжимал горсть монет.

— Ты не можешь заплатить за выход этим, солнышко, — прорычал Хантер.

Рикки проигнорировал угрозу. Что сказал Феликс? *Если я достаточно сильно брошу вам в лицо горсть монет, ты поймешь...*

Рикки не колебался. Он швырнул монеты в Хантера и его ребят изо всех сил. Когда он повернулся к ним спиной, он услышал, как некоторые из них кричали от боли. Но он уже топал по ступенькам вслед за Иззи, минуя по две ступеньки за раз. Он оглянулся. Один из Выброшенных — маленький ребенок с рыжими волосами — уже был у подножия лестницы.

— Двигайся! — прошипел Рикки Иззи. — Шевелись!

Пять секунд спустя они выбежали из Дома хранителя. Иззи уже запыхалась, но сейчас они не могли остановиться. Он схватил ее за руку и потащил к концу улицы.

— Они не отстают! — закричала она, когда они свернули направо на Бервик-стрит. — Они преследуют нас!

— Продолжай бежать, — прошипел Рикки. А потом добавил. — По прямой!

Они бежали по скользкой, заснеженной дороге. Примерно через каждые десять шагов Рикки терял хватку и скользил. Но каким-то образом им с Иззи удавалось поддерживать друг друга. Чем дальше они бежали в сторону Пикадилли, тем больше людей встречали. А через три-четыре минуты Рикки остановился и оглянулся, его легкие горели.

— Мы оторвались, — выдохнул он.

Иззи хватала ртом воздух. Она тоже дрожала. Это не удивляло. Несмотря на то, что они бежали, на улице было холодно.

— Давай выпьем горячего, — сказал он.

Иззи благодарно кивнула, а затем сказала:

— Ты же не собираешься рассказывать моему отцу, где я, верно?

Рикки посмотрел на нее серьезно.

— Давай поговорим, — сказал он. Он еще раз проверил, нет ли следов преследования, но их не было. И поэтому без лишних слов он взял ее за руку и повел в ближайший Макдональдс.

15

СЛЕПОЕ МЕСТО

В Макдональдсе не былолюдно. В конце концов, прошла полночь Дня подарков. Несколько пьяных юношей шумели в дальнем углу, а все остальные — их было человек пятнадцать-двадцать — держались на расстоянии и старались не смотреть в ту сторону. Рикки велел Иззи сесть у двери и, не сводя с нее глаз, пошел купить горячего чая, гамбургеров и картофеля фри на последнюю мелочь. Он не хотел, чтобы она убежала.

Но она этого не сделала. Когда он поставил еду перед ней, она жадно проглотила ее. Пока она ела, Рикки смотрел в окно. Лондон все еще был людным, несмотря на поздний час и снегопад. Мимо проехал красный автобус, за ним машины. В плохую погоду все ехали осторожно. Рикки наблюдал, как мимо проехал хорошо закутанный велосипедист, а затем заметил второго велосипедиста на другой стороне дороги — его велосипед был прислонен к уличному фонарю, и он присел, чтобы починить что-то на приводной цепи.

Чувства Рикки мгновенно обострились. Что сказал ему Феликс? Никто не смотрит дважды на велосипедиста, возящегося с цепью. Это означало, что можно оставаться на одном месте, наблюдая и ожидая целую вечность.

— *Наверное, это обычный велосипедист,* — сказал голос в его голове. — *Ты параноик,* — но Рикки внимательно осмотрел одежду велосипедиста — черный пуховик, красный шарф. Если он снова увидит эту фигуру, он поймет, что это подозрительно...

Он снова повернулся к Иззи и не мог не смотреть на нее. Она была так похожа на Мадлен. Он подождал, пока она выпьет половину горячего чая, прежде чем задать ей вопрос:

— Думаешь, твой отец замышляет что-нибудь плохое?

Говоря это, он внимательно следил за ее лицом, ища малейшее проявление удивления или раздражения. Этого не было. Но она не ответила. Она сделала еще один глоток чая и уставилась на него поверх края чашки.

— Я думаю, да, — сказал Рикки.

Иззи поставила чашку.

— Откуда ты знаешь?

— Скажем так, у меня есть источник.

— Хороший источник?

Рикки подумал о Феликсе, яростно хромающем в квартире, и обо всем, что он сказал.

— Да, — ответил он. — Очень хороший источник.

Иззи склонила голову.

— Он чудовище, — прошептала она. — Он думает только о себе.

— Ты не помнишь, чтобы он говорил когда-либо о, — Рикки слегка понизил голос, — кодах местонахождения ядерного оружия или о каких-либо сделках с русскими?

Глаза Иззи расширились, и она кивнула.

— Я слышала, как он кричал в трубку. За пару часов до моего побега. Он разговаривал с кем-то по имени Дмитрий, говоря, что этот Дмитрий ничего не получит, пока папа не получит свои деньги.

— Как он звучал, когда говорил? — спросил Рикки.

— Очень недовольно. После этого он сильно поспорил с мамой, — она снова опустила взгляд и коснулась своего лица, все еще покрытого синяками. — Тогда он сделал это.

Рикки пришлось сдерживать чувство презрения к этому человеку, который так бил свою дочь. Но он выбросил это из головы, пытаясь решить, как он собирается объяснить все Иззи.

— *Можно попробовать правду.*

— *Она не поверит.*

— *Тогда скажи ей то, во что, по твоему мнению, она поверит.*

Рикки нахмурился.

— Есть люди, — сказал он. — Они думают, что твой отец делает что-то не так. Они хотели, чтобы я нашел тебя и убедил вернуться домой, чтобы ты могла шпионить за ним и получить неопровержимые доказательства того, что он замышляет.

Иззи уже соскальзывала со стула, ее глаза были немного дикими, она собиралась бежать. Рикки схватил ее за запястье.

— Я сказал им, что не буду этого делать. Никто не отправит тебя домой, если ты не хочешь идти. Обещаю.

Девушка как будто немного расслабилась. Она снова села.

— Но послушай, — продолжал Рикки. — То, в чем они обвиняют твоего отца, это действительно плохо. Это может навредить многим людям. Я думал... Я думал, может... — теперь, когда он должен был это сказать, план Рикки звучал глупо. Но это был единственный план, который у него был, поэтому он выпалил его. — Я думал, ты подскажешь мне хороший способ проникнуть в дом твоих родителей. Может, я смогу найти что-нибудь.

Иззи нервно огляделась, потом уставилась на него.

— Если мой отец доберется до тебя... — прошептала она.

— Я знаю, — тихо сказал Рикки. — Слушай, если ты не хочешь этого делать...

— Его могут посадить в тюрьму? — спросила Иззи внезапно свирепым голосом.

Рикки обдумал это.

— Да, — сказал он, — думаю, да. И ты сможешь переехать к маме.

Но Иззи замотала головой.

— Ни за что. Она не лучше. Она позволяет ему делать это со мной, — она стала выглядеть решительно. — Снаружи дома установлены камеры видеонаблюдения, — сказала она ему. — Спереди, сзади, везде. Папа думает, что он прикрыл весь дом, но есть слепое пятно. Можно незаметно пройти из сада к задней двери дома, если знать дорогу. И, — она звучала взволнованно, — я уронила в снег ключ от задней двери, когда уходила. Вероятно, оно все еще там...

— Не подскажешь, какой маршрут?

Иззи кивнула.

— Конечно. От калитки в конце сада делаешь шагов десять вперед, пока не дойдешь до купальни для птиц, а потом... — она вдруг замолчала. — Это слишком сложно описывать, — сказала она. — Я могу ходить там с закрытыми глазами, но это только потому, что я делаю это с детства. Что-то вроде игры.

Разочарованный, Рикки кивнул. Он посмотрел в окно на Шафтсбери-авеню. Автобусы все еще проезжали, а велосипедист в черной куртке-пуховике все еще регулировал велосипед. Падал свежий снег.

Снег.

Это дало ему идею.

Он повернулся к Иззи.

— Мне нужно попросить тебя об услуге, — сказал он.

* * *

Джейкоб Коул, член парламента, сидел один в своем кабинете. Было очень поздно, и он очень устал. Но до сих пор не звонили. Он уставился на мобильный телефон на столе перед собой, ожидая, что тот зазвонит. Но нет.

Он посмотрел на свои часы. Час ночи. Сколько еще ему придется ждать, пока эти проклятые русские выйдут на связь?

Он тяжело вздохнул, встал и подошел к окну. Его кабинет выходил окнами на сад, темный и густо засыпанный снегом. Он задавался вопросом, где его дочь была в такую погоду. Глупая девчонка сама была виновата, если замерзнет. После всего, что он для нее сделал.

Он снова сел за стол и продолжал смотреть в телефон. А если у него закончится заряд? Он подключил его к зарядному устройству — он никак не мог пропустить звонок...

* * *

Иззи пришла в ужас от предложения Рикки. Он знал, что ему придется говорить быстро, чтобы убедить ее.

— Тебе не придется заходить в дом, обещаю. И если что-то пойдет не так, я помогу тебе сбежать.

Иззи закрыла глаза.

— Ладно, — быстро сказала она, словно боялась, что передумает. — Ладно. Когда мы это сделаем?

— Сейчас будет удобно?

— Сейчас?

— Это важно, Иззи. Мне кажется, что мы не можем терять ни минуты.

* * *

Через сорок пять минут они стояли в узком пустом переулке в центре Мейфэр. Иззи дрожала, но Рикки подозревал, что не от холода. В пяти метрах справа от них были тяжелые ворота, но Иззи рассматривала кирпичную стену рядом с ними.

— Здесь, — пробормотала она. Она наклонилась и стала рыться в снегу. Через мгновение она выпрямилась. У нее был ключ, который она передала Рикки. — Это приведет тебя на кухню, — сказала она. — Сигнализация есть, но ее не включают, пока они в доме — главное — наружные камеры наблюдения, — она посмотрела на верхнюю часть стены. — Тебе не видно, но там есть колючая проволока. Мы оба должны быть осторожны.

Рикки кивнул.

— Я поддержу тебя, — сказал он.

Рикки держал ее за ступню, и Иззи легко взобралась на стену, а затем перекинула ноги через вершину, чтобы не попасться на проволоку. Рикки было тяжелее, и он обнаружил, что сожалел, что его уроки от Феликса не включали в себя изучение того, как взбираться на стену. Но ничего не изменить. Он повернул кепку «Найк» козырьком назад, чтобы она не мешала, и прыгнул так высоко, как только мог, ухватившись кончиками пальцев за вершину заснеженной стены, а затем изо всех сил подтянулся. Мышцы его горели к тому моменту, когда его голова оказалась на уровне верха стены. Он продолжал напрягаться, а через несколько секунд тоже перекинул ноги через верх, пытаясь избежать проволоки, но зацепив джинсы и в какой-то момент добавив к ним еще один разрыв. Он с глухим стуком приземлился рядом с Иззи.

Она сжалась в снегу, глядя в сторону дома, который был большим и внушительным. Свет во всех комнатах был выключен, кроме одной в центре дома на первом этаже. То окно было длинным и прямоугольным, от пола до потолка, и вертикальные жалюзи были задернуты, чтобы они могли видеть фигуру, стоящую там и смотрящую на сад. Свет из комнаты падал на чистый нетронутый снежный покров внизу, и фигура отбрасывала продолговатую тень.

Рикки мысленно застонал. Он надеялся, что весь дом спит.

— Это твой папа? — выдохнул он.

Иззи молча кивнула. Ее все еще трясло. Он схватил ее за руку.

— Он в свете, мы во тьме. Он нас не видит. И смотри, луны не видно, — он не знал, верил ли в это, но ему нужно было убедить Иззи.

— Ладно, — голос Иззи был немного хриплым. — Подождем, пока он уснет?

Рикки обдумал это. Может, придется ждать всю ночь, они замерзнут. И Иззи могла легко передумать к утру.

— Нет. Нужно пробраться сейчас. Кто еще может быть дома?

— Только моя мама, — сказала Иззи. — Она будет спать, я уверена, — она опустила взгляд. — Она принимает снотворное...

— А там нет, кхм, слуг? — перебил он ее.

Иззи покачала головой.

— Не ночью.

— Ладно. Где спальня твоих родителей?

— Они спят порознь. Ее спальня на втором этаже у лестницы. Видишь окно прямо под крышей? Там она. У нее есть еще своя гардеробная в другой части дома.

— А что за комната, в которой вой отец?

— Его кабинет. Он спит в соседней комнате, — она пронзила его взглядом. — Ты такое уже делал? Звучишь так, словно знаешь, что делаешь, — она сглотнула. — Мой папа... делает что-то ужасное, да?

Он моргнул, но не ответил. Однако в своей голове он услышал голос Феликса. *Ты уже неоднократно показывал мне, что у тебя есть способности к этой работе. Твое отношение, конечно, другое дело, но мы можем над этим поработать...*

— Уверена, что эта часть сада не покрыта камерами безопасности? — вместо этого спросил он.

— Да.

— И до двери кухни можно добраться незаметно?

Она кивнула.

Они ждали. Рикки не сводил глаз с фигуры в окне. Он стоял неподвижно пару минут, затем повернулся и пошел дальше в комнату. Свет продолжал гореть, но он чувствовал, как Иззи слегка расслабляется.

— Готова?

Еще кивок.

— Тогда иди. Оставляй в снегу четкие следы.

Иззи сглотнула. Она встала.

— Ты будешь тут?

— Все время.

Она направилась налево вдоль стены, сделала десять шагов, прежде чем повернуть направо, в большую часть сада. Рикки одним глазом следил за ней, пока она обходила небольшой огород. Другим глазом он смотрел в окно, и ему казалось, что он может различить движение в комнате — мерцание тени, расхаживающей туда-сюда, — но само окно оставалось пустым.

Теперь Иззи кралась мимо старых качелей к цветочной клумбе. Она была рядом с домом и осторожно пробиралась к кухонной двери, где и остановилась. Рикки смотрел, как она оглядывалась в его сторону, но не могла его увидеть. Она сделала разворот, а затем пошла по своим следам обратно точно по своему маршруту, каждые несколько минут оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, не появился ли снова ее отец.

Когда она вернулась к качелям, он вернулся.

Иззи замерла. Как и Рикки.

Джейкоб Коул смотрел в окно целую вечность. Рикки пристально посмотрел на него своими пронизывающими глазами. Мужчина выглядел так, словно осматривал сад.

Видел ли он Иззи? Он думал, что там был злоумышленник? Увидит ли он следы на снегу? Слава богу, тучи скрывали луну...

Коул снова исчез в комнате, а Иззи снова начала двигаться, на этот раз быстрее. Она явно была напугана. Когда она подошла к Рикки, ее дыхание стало частым, испуганным.

— Как ты думаешь, он меня видел?

Рикки снова посмотрел в окно. Он снова мог видеть движущуюся тень внутри.

— Нет, — прошептал он. — Я так не думаю, — он снова повернулся к Иззи. — Я справлюсь дальше сам, — сказал он. — Если хочешь уйти.

Она посмотрела на верхнюю часть стены, потом снова на окно отца. Рикки ожидал, что она уйдет, но она покачала головой.

— Я останусь здесь. Так, на всякий случай...

— Ладно. Но если покажется, что все идет плохо, не жди, пока папа тебя поймает. Убирайся отсюда.

— Рикки?

— Что такое?

— Что именно ты ищешь? Я знаю, что ты хочешь улики, что мой папа делает что-то плохое, но как это выглядит?

Этот вопрос беспокоил Рикки, и он ответил так честно, как только мог:

— Я не знаю. Я просто надеюсь, что узнаю его, когда увижу, — он поймал себя на том, что недоумевал, почему делал это один, без помощи Феликса. Быстрый взгляд на Иззи и ее удивительное сходство с его мертвой сестрой напомнил ему. Это было для нее, а не для Феликса и его команды.

Не дожидаясь ответа, он поправил кепку так, чтобы лицо было скрыто козырьком, затем повернулся и пошел по следам, оставленным Иззи на снегу. Он двигался очень осторожно, следя за тем, чтобы его шаги точно совпадали с отпечатками Иззи. Мимо огорода... мимо качелей... мимо клумбы...

— *Остановись! Не двигайся! Он там!*

Он действительно смотрел в окно. Подойдя ближе, Рикки смог лучше разглядеть его черты. Худое, сморщенное, недружелюбное лицо. Ищущие глаза. Целую минуту он оставался совершенно неподвижным, пока Джейкоб Коул снова не исчез из окна.

Он продолжал идти по следам Иззи, осторожно ставя свои ноги на отпечатки, оставленные на снегу. Через несколько мгновений он оказался у двери кухни.

Он оглянулся. К своему облегчению, он увидел, что Иззи полностью спряталась в глубине сада. Но он снова мог видеть тень Джейкоба Коула на снегу, обрамленную прямоугольным пятном света из окна. У него возникло ощущение, что Коул нервничал — все эти шаги и взгляды в окно. Но почему?

Он достал из кармана ключ, который Иззи вытащила из снега, и сунул его в замочную скважину. Она открылась легко. Рикки прошел на кухню и тихо закрыл за собой дверь.

Он проник внутрь.

ЛОВКИЙ ВОР

— *Это безумие. Что ты тут делаешь?*

— *Озираюсь.*

— *Если тебя поймут, заберут в полицию. Феликс тебе не поможет. Ты ушел от него, и он даже не знает, что ты делаешь.*

— *Тогда я постараюсь, чтобы они меня не поймали.*

Рикки позволил глазам привыкнуть к темноте кухни. Он чувствовал запах остатков еды, приготовленной здесь в последний раз, и вдруг понял, насколько был голоден. Он позволил Иззи съесть большую часть еды в Макдональдсе — ей это было нужно больше, чем ему.

— *Сосредоточься на работе. Ты здесь, чтобы найти компромат на Джейкоба Коула, а не воровать из кладовой.*

Он попытался снова запереть кухонную дверь, но еще раз услышал голос Феликса в сознании. *Тебе всегда нужен путь к отступлению.* Поэтому он оставил дверь незапертой и на цыпочках прошел через кухню. Он чувствовал, что с его ботинок и брюк сыпался снег, но тотчас же таял лужами на нагретом полу.

Раздался громкий скрип. Он остановился, его сердце быстро билось.

— *Это старый дом. Такие звуки бывают ночью.*

Рикки выдохнул и направился к двери на противоположной стороне кухни. Он приоткрыл ее и выглянул в обшитый дубовыми панелями коридор с большой рождественской елкой. Огни все еще мерцали, и Рикки почувствовал боль, вспомнив Рождество в своей прошлой жизни, с мамой и папой. Те дни давно прошли. Под елкой все еще лежали подарки — Иззи, как предположил Рикки. Ему было интересно, как долго они пробудут там.

Из главного коридора тянулась широкая лестница, а также дверь в другую темную комнату. Рикки прокрался мимо рождественской елки в ту комнату.

Скрип!

Он снова застыл.

— *Просто д...*

— *Да, я знаю, это всего лишь дом.*

Он был в большой гостиной. Диваны, камин. Шторы были задернуты, но эта комната явно выходила на улицу, потому что ее вдруг наполовину осветили фары проезжающей машины. В свете огней тень Рикки казалась массивной на стене, но огни очень быстро исчезли.

Справа от камина стоял письменный стол. Рикки подкрался к нему и, используя метод

куба, которому его научил Феликс, быстро осмотрел все ящики. Он не нашел ничего, кроме канцелярских принадлежностей, флакона чернил и нескольких скрепок. Он еще раз осмотрел комнату в поисках места, где могли бы скрываться компрометирующие документы, но их не было, поэтому он тихо вышел.

Стоя у подножия лестницы, он посмотрел вверх и прислушался. Тишина. Должен ли он подняться наверх? Джейкоб Коул все еще не спал. Чем ближе Рикки подходил к комнате с включенным светом, тем выше был шанс попасться... Он сделал еще один глубокий вдох и направился наверх.

На лестничной площадке он увидел свет, просачивающийся из-под двери в кабинет Джейкоба Коула. Это была третья дверь справа — одна из многих, выходящих на эту широкую площадку. На лестничной площадке он увидел изящный старомодный диван с кривыми деревянными ножками и напротив него маленькую мраморную статуэтку на постаменте. Лестница над ним вела на следующий этаж, где, как он знал, спала мама Иззи. Он подумывал подняться и обыскать дом сверху вниз. Он знал нутром, что если он собирался найти что-то, что могло бы изобличить Джейкоба Коула, то он нашел бы это в его кабинете. Но потом он вспомнил, что однажды сказал ему Феликс, когда ему не удалось найти крошечный ключик в квартире. *Прости меня, но если бы ты искал везде, ты бы нашел это.*

— *Нужно смотреть везде.*

Он молча поднялся по лестнице.

Площадка на втором этаже была меньше, чем на первом, и Рикки понял, что находился на переоборудованном чердаке дома. В воздухе витал слабый запах духов, а из двух дверей, ведущих с лестничной площадки, одна была слегка приоткрыта. Он подошел к ней и заглянул в комнату. Он увидел очертания кровати и услышал тяжелое дыхание — должно быть, это была комната мамы Иззи. Каковы были шансы найти там компромат? Небольшие, решил он, и в любом случае: бродить по чьей-то спальне, пока там кто-то спал, было невероятно рискованно.

Он отступил и направился ко второй двери. Она скрипнула, когда он открыл ее. Рикки проскользнул внутрь и застыл, ожидая, не разбудит ли кого-нибудь шум.

Тишина.

Он вглядывался сквозь мрак. В одном конце комнаты стоял туалетный столик с зеркалом. Толстый, теплый ковер. Вешалки для одежды с обеих сторон. И именно отсюда исходил запах духов.

— *Гардеробная мамы Иззи?*

— *Похоже на то.*

— *Лучше спустись. Тут только одежда и украшения.*

Украшения. Рикки смотрел на туалетный столик в конце комнаты. Он тихо приблизился. На поверхности было несколько шкатулок.

— *Старые привычки тяжело убрать, да?*

Рикки не слушал голос в голове. Он выбрал самую большую из шкатулок с драгоценностями и расстегнул застежку на крышке. Она открылась гармошкой, представив три слоя, каждый из которых был полон ожерелий. Он почувствовал, как его глаза округлились в темноте. Только в этой шкатулке драгоценностей было на сотни тысяч фунтов.

Он возьмет только один предмет, решил он. Потеря всех этих украшений указывала бы

на взлом, тогда как потерю одного ожерелья можно было бы объяснить по-другому, а может, даже не заметить.

— *Значит, Феликс был неправ. Ты просто подлый вор.*

Рикки выбрал элегантное кольцо, усыпанное бриллиантами. Не было времени любоваться им. Он просто сунул его в рюкзак и закрыл шкатулку с драгоценностями. Через несколько мгновений он вышел из гардеробной на площадку второго этажа. Он все еще слышал тяжелое дыхание мамы Иззи. Было ясно, что он ей не помешал. Но он решил, что зря терял время здесь. Ему нужно было вернуться на первый этаж и в кабинет Джейкоба Коула, если он собирался найти что-нибудь полезное.

Проблема была в том, что Коул тоже был там. Со своего наблюдательного пункта на лестнице он все еще мог видеть свет, льющийся из-под двери офиса.

Рикки решил, что ему просто придется подождать. Позволить Коулу лечь спать, а затем бесшумно проникнуть в кабинет и обыскать его.

Он осмотрел лестничную площадку в поисках места, где можно было бы спрятаться. Может быть, за элегантным диваном? Или, может, ему следовало прокрасться в одну из других комнат. Может, он должен...

Он замер.

Коул внезапно выключил свет в кабинете, и Рикки услышал шаги, приближающиеся к двери. Он тихо пробежал мимо кабинета и юркнул за дальний конец дивана. Он выглянул из-за края подлокотника как раз вовремя, чтобы увидеть, как открывается дверь кабинета. Фигура Джейкоба Коула вышла в коридор.

Рикки затаил дыхание, глядя на силуэт отца Иззи. Он еще не закрыл за собой дверь, но стоял в коридоре совершенно неподвижно.

Он посмотрел налево, в сторону лестницы.

Он что-то слышал? Он знал, что тут был нарушитель?

А потом он посмотрел направо, в сторону Рикки.

— *Если ты хоть немного пошевелится, он тебя увидит.*

Рикки не ответил голосу в его голове. Он сосредоточился на неподвижности.

Джейкоб Коул продолжал смотреть в его сторону, казалось, несколько минут. На самом деле, Рикки знал, что прошло всего несколько секунд, прежде чем он повернулся и закрыл дверь кабинета. Раздался глухой лязг закрывающейся защелки. Затем Джейкоб Коул прошел несколько метров по коридору в свою спальню. Он вошел и закрылся изнутри. Слабое сияние света просачивалось из-под двери спальни.

Рикки не двигался пять минут. Его ладони вспотели от нервов, и отчасти ему хотелось как можно быстрее бежать к кухонной двери и убраться отсюда. Но в глубине души он знал, что, по крайней мере, попытается обыскать офис, а это означало, что нужно подождать еще немного. Поэтому он подождал, пока свет в спальне Коула исчезнет, прежде чем встал и очень медленно подкрался к двери кабинета.

Тихо и осторожно он попробовал ручку.

Заперто.

Рикки внутренне выругался.

— *Что за замок?*

Он коснулся отверстия под ручкой. Это был замок «Yale». Это означало, что он мог использовать пистолет-отмычку.

Рикки тихонько снял с плеча рюкзак, вынул пистолет-отмычку и снова повесил рюкзак

на плечо. Он взглянул на спальню Коула и прислушался к звуку движения.

Его не было.

Двигаясь очень медленно, чтобы не издавать лишних звуков, он вставил лезвие отмычки в замок. Щелчок, когда он нажал на спусковой крючок, прозвучал неестественно громко, и от этого его ладони вспотели еще больше.

— *Открывай скорее, а то побеспокоишь его.*

— *Я действую так быстро, как только могу...*

Он открыл дверь за тридцать секунд. Не в первый раз за этот вечер Рикки почувствовал благодарность за обучение, которое дал ему Феликс. Бросив последний взгляд на спальню, он проскользнул в кабинет и, еще раз убедившись, что мог легко открыть дверь изнутри, закрыл ее за собой.

Благодаря огромным окнам от пола до потолка и ярко-белому снегу снаружи Рикки мог видеть довольно хорошо даже при выключенном свете. Он дал себе несколько секунд, чтобы осмотреть комнату. В одном конце стоял большой письменный стол с кожаным креслом за ним, а напротив него стояли два гораздо менее удобных стула. Вдоль стен стояли деревянные книжные шкафы, а в углу на пьедестале стоял огромный старинный глобус. Он подкрался к окну — вертикальные жалюзи были широко открыты — и выглянул в сад. Не было признаков того, что Иззи сидела у стены, и он не мог разобрать следов на снегу, что было облегчением.

Он посмотрел на письменный стол. Там было очень аккуратно. Рикки обошел два стула, стоящих напротив него, и рассмотрел фотографию в серебряной рамке, стоящую с одной стороны стола. Он почти ожидал увидеть фотографию Иззи, но нет: на ней был изображен сам Коул, стоящий рядом с премьер-министром и улыбающийся. Это была такая улыбка, от которой было не по себе. Рядом с фотографией лежали блокнот и ручка. Рикки пролистал блокнот, но Коул ничего в нем не написал.

Посреди стола Коул оставил свой мобильный телефон, подключенный к зарядному устройству. Слегка дрожащими пальцами Рикки попытался поднять его. Но прежде чем его пальцы коснулись телефона, он остановился. Он изучил точный угол, под которым телефон лежал на столе. Было бы небрежно с его стороны поднять его и вернуть в другом положении.

Он поднял телефон. Тот был слегка теплым, что навело Рикки на мысль, что Коул использовал его совсем недавно, то ли чтобы поговорить с кем-то, то ли зайти в интернет.

— *Там может быть полезная информация. Недавно набранные номера, сайты, которые он посещал.*

Он провел пальцем по главному экрану. Телефон запросил у него код доступа, и он никак не знал, что это может быть. Рикки криво улыбнулся. Он не ожидал, что будет так просто...

Он вернул телефон на место на столе, затем сел в удобное кожаное кресло и сосредоточился на ящиках.

По обе стороны от стола их было четверо. Верхний ящик с правой стороны был заперт. Все остальные были открыты, поэтому Рикки тихо открыл их один за другим и обыскал содержимое, но, как и в письменном столе внизу, в этих ящиках не было ничего интересного — канцелярские принадлежности, старые фотографии на паспорт, а два ящика были совершенно пустыми.

Рикки обратил внимание на запертый ящик. Его указательный палец провел по контуру маленькой замочной скважины Чабба. Пистолет для этого не годится. Единственный способ

узнать, что там внутри, это найти ключ.

Он еще раз криво улыбнулся, вспомнив свой первый урок с Феликсом.

Может, где-то в комнате был спрятан ключ от этого ящика? Почти инстинктивно он оглядел комнату и начал делить пространство на кубы. Интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы обыскать все это место? Час? Может, больше?

Рикки вздрогнул. В коридоре снаружи хлопнула дверь, и он услышал шаги. В щели под дверью появилась тонкая полоска света.

— *Коул встал с постели!*

На долю секунды Рикки словно парализовало. Только когда он увидел, как тень прошла — и исчезла — мимо двери, он восстановил контроль над мышцами.

— *Наверное, он просто в туалет. Он не вернется сюда.*

— *Тебе все равно придется спрятаться. Так, на всякий случай.*

Рикки отчаянно оглядел комнату, ища укрытия. Не было ни занавесок, за которыми можно было встать, ни громоздких предметов мебели, кроме стола, за которым он сидел...

Он почувствовал панику. Но эта паника только удвоилась, когда секундой позже зазвонил мобильный телефон на столе.

Он был громким. Очень громким. Помимо мелодии звонка, телефон громко жужжал на твердой деревянной поверхности стола. Его экран загорелся, освещая всю комнату. Там было написано: «Абонент неизвестен». С каждым гудком он скользил примерно на полсантиметра по столу.

— *Тебе нужно спрятаться! ЖИВЕЕ!*

Внезапно звук мобильного телефона стал не единственным, что вызывало панику в разуме Рикки. Как только раздался звонок, в коридоре послышались тяжелые шаги. Бег. Грохот по другую сторону двери, кто-то вставил ключ в замок.

У Рикки не было выбора. Пока телефон продолжал звонить и кто-то — наверное, Коул — пытался проникнуть в комнату, он опустился на пол и забрался под стол. Он свернулся в клубок, чтобы занимать как можно меньше места. Если кто-нибудь заглянет под стол, то сразу его увидит. Но если никто не заглянет, возможно, у него будет шанс...

Дверь открылась. Глаза Рикки внезапно ослепил свет. Телефон продолжал звонить. Внезапно затуманившимся зрением Рикки увидел ноги, идущие — бегущие — к столу от двери. Их владелец был в халате и тапочках, но Рикки мог различить узловатые лодыжки и тонкие голени.

В метре от стола обладатель этих ног чуть не бросился к телефону. С громким грохотом он опрокинул два стула на бок. Рикки затаил дыхание, когда звонок прекратился, и мужской голос сказал:

— Алло? Алло? Да, это Коул. Ты поздно, ты должен был позвонить два часа назад.

Рикки не смел пошевелиться. Коул стоял прямо у стола, не более чем в тридцати сантиметрах от места, где он сжался под ним. Рикки молча умолял его не двигаться и не расхаживать. Чем дальше он уходил от стола в основную часть комнаты, тем больше вероятность того, что он увидит прячущегося Рикки. И если он наклонится, чтобы поднять упавшие стулья, они окажутся лицом к лицу...

Пот струился по сжавшемуся телу Рикки. Он пожалел, что украл ожерелье, но выбросил это из головы, слушая разговор над ним.

— *Завтра? Да, я могу сделать это завтра.*

— *Что сделать завтра?*

— Ты хочешь прийти сюда? Вы в своем уме, Дмитрий? Это совершенно неуместно. Если тебя кто-нибудь увидит...

Дмитрий. Именно это имя упоминала Иззи.

— Ни за что, — продолжал Коул. — Мы встретимся в месте, которое выберу я, а не ты, — повисла пауза, он задумался. — Рядом с Килберн-Хай-роуд есть кафе. Называется «Счастливая долина». Я буду там ровно в девять утра. Тогда мы произведем обмен. Возьми деньги, Дмитрий, потому что я не потерплю никакой глупости.

Рикки мог слабо слышать голос на другом конце линии, но он внезапно оборвался, когда Коул завершил разговор. Затем раздался грохот, он бросил телефон на стол.

Легкие Рикки болели от задержки дыхания. Очень медленно он выдохнул. Потом вдохнул. Для его ушей его дыхание звучало как ураган. Он не сводил глаз с голени Джейкоба Коула. Мужчина не двигался. Рикки представил, как он смотрит на телефон и обдумывает только что состоявшийся разговор. Рикки тоже думал об этом. Кто был этот Дмитрий? Почему Коул не хотел, чтобы он был рядом с его домом? Что они будут обменивать в кафе «Счастливая долина»? Для чего были деньги?

И снова голос Феликса эхом зазвучал в его голове. *Террористы или члены государственной разведки заплатили бы большие деньги за коды местонахождения подводных лодок. И они платили бы такие суммы только в том случае, если бы были готовы использовать информацию...*

— Уходи! Пожалуйста!

Джейкоб Коул простоял у своего стола целую минуту. Без предупреждения он подошел к другой стороне и сел на кожаное кресло.

Рикки отпрянул от ног Коула, которые теперь были под столом, всего в нескольких сантиметрах от него. Он услышал звук ключа в замке. Ящик выдвинули. Шуршали бумаги.

Прошло тридцать секунд. Ящик снова задвинулся. Замок щелкнул.

— Он положил бумаги в ящик?

— Что это значит? Мы не слышали, как он искал свой ключ. Это означает, что он был при нем. Мы не взломаем этот ящик.

Пока этот разговор происходил в голове Рикки, Коул встал, обошел стол и направился к двери.

— Он уходит.

Рикки позволил себе еще вдох, когда его накрыло облегчение.

Но ненадолго.

На полпути к двери Коул внезапно остановился.

Он повернулся.

Рикки видел Коула ниже пояса. Но мог ли Коул видеть его?

Прошло десять секунд. Они ощущались как десять часов.

— Ничего, — буркнул Коул под нос. Он повернулся и прошел к двери. Он открыл ее, выключил свет. А потом он покинул комнату, дверь тяжело закрылась за ним.

Кровь Рикки пылала. Он понимал, что его чуть не поймали. Но он и понимал, пока сидел в темноте под столом Джейкоба Коула, что у него была зацепка.

— *Что нам делать? Позвонить Феликсу и рассказать?*

— *Нет. Я закончил с Феликсом. Он хотел отправить Иззи обратно к отцу, помнишь? Если мы собираемся получить компромат на Джейкоба Коула, мы должны сделать это сами. В противном случае Феликс просто захочет снова отправить ее домой.*

Все по порядку. Он должен был уйти отсюда. Он ждал, свернувшись в темноте, еще десять минут. Только когда в доме снова стало тихо, он осмелился выйти из-под стола. Телефон так и лежал. Может, он должен украсть его? Нет. Если бы он это сделал, Коул понял бы, что это был злоумышленник. Рикки не был уверен, каким будет его следующий шаг, но он знал одно: если Коул заподозрит, что его подслушали, все усложнится. Он попробовал верхний ящик во второй раз, на всякий случай. Не повезло. Он снова был заперт.

Поэтому он на цыпочках подошел к двери и некоторое время внимательно прислушивался, прежде чем открыть ее. На площадке было темно и пусто. Он двинулся к лестнице, сопротивляясь желанию бежать и выбираться из дома как можно быстрее. Он спустился вниз по лестнице, морщась каждый раз, когда скрипели половицы. В коридоре он ненадолго подумал о том, чтобы взять один из маленьких подарков из-под елки и подарить Иззи. В конце концов, у нее не было особого Рождества. Но нет. Он и так слишком рисковал, украв драгоценности у мамы Иззи. На самом деле, он уже начал жалеть, что сделал это. Но возвращать было поздно. Его главным приоритетом было выбраться отсюда.

Кухня казалась холоднее, чем когда он вошел в дом. Или, возможно, это ему так казалось. Он направился к задней двери и вышел наружу, затем закрыл и запер дверь за собой, прежде чем вернуться по своим следам через сад. Он очень старался не отклоняться от шагов Иззи и через две минуты снова присоединился к ней.

Она замерзла. Дрожала. Губы посинели. Тонкий слой снега лежал на голове и одежде. Но она смогла спросить:

— Ты что-нибудь нашел?

— Может быть. Ты в порядке?

Она слабо кивнула, но Рикки понимал, что ей нужно было согреться, и быстро. Он помог ей перелезть через стену. Потом перелез сам. Вернувшись в заснеженный переулок, Рикки схватил Иззи за руку. Он заставил ее бежать, больше для того, чтобы согреться, чем для чего-то еще. Они петляли по Парк-лейн, затем по направлению к Мраморной арке. В тени этой арки Иззи потянула его за руку, чтобы остановить. Он посмотрел на нее и увидел, что она плачет.

— Я не могу вернуться к Хантеру, да?

Рикки мрачно покачал головой.

— У меня сложилось впечатление, что он не очень хорошо относится к людям, которые ему не подчиняются. Но это был только вопрос времени, когда он вышлет тебя на улицу вместе со всеми остальными. Ты не хочешь так закончить.

— Куда мне идти? — прошептала она. — У меня нет денег — Хантер все забрал...

Рикки нахмурился. Она была права. Дом Хантера был плохим местом, но для Иззи он был крышей над головой и защитой от холода. На мгновение он подумал о том, чтобы вернуть ее в квартиру, где он жил последние несколько месяцев. Помириться с Феликсом.

Но нет. Феликс без колебаний отослал бы Иззи обратно к ее отцу, и Рикки пообещал ей, что этого не произойдет.

Но куда она могла пойти? Где она могла остановиться? Конечно, в Лондоне были приюты для бездомных, но если она окажется в одном из них, начнут задавать вопросы, поговорят с властями. Были и другие места для Выброшенных по всей столице, но он не мог позволить ей присоединиться к ним. Рано или поздно она найдет дорогу обратно к Хантеру или кому-то вроде него.

— Я не вернусь домой, — прошептала она, будто это было следующим предложением Рикки.

— Я знаю, — тихо сказал Рикки. — Я понимаю, — но в тишине своего разума он задавался вопросом, передумает ли Иззи, если ее отец не будет мешать...

Проблема, как всегда, была в деньгах. Рикки с радостью отдал бы ей все, что мог. Но этого было бы недостаточно, чтобы получить жилье на долгое время, даже если бы Иззи смогла найти место, где несовершеннолетний мог бы жить незарегистрированным. Но им нужно было согреться, а Рикки нужно было время подумать. Он снова взял ее за руку.

— Пойдем со мной, — сказал он.

В конце Эджвар-роуд они остановили ночной автобус. Было людно — они два смогли занять места в самом конце. Но было хотя бы тепло. Через пять минут Иззи перестала дрожать. Она вытерла конденсат на внутренней стороне окна и посмотрела на темную лондонскую улицу.

— Общественный транспорт — это хорошо, — сказал Рикки. Он говорил тихо, так что другие пассажиры не могли слышать — не то чтобы кто-то из них обращал внимание. — Можно купить билет на весь день, что намного дешевле, чем жить в каком-нибудь сомнительном гостевом доме. В метро или в автобусе всегда тепло. Никто не задает тебе вопросов, и это безопаснее, чем улицы, — он сунул руку в задний карман и вытащил три двадцатифунтовые банкноты — почти последние деньги. Он вложил две из них в руку Иззи. — Мы останемся в ночных автобусах, пока не откроется метро, — сказал он. — Тогда мы позавтракаем, и ты сможешь купить билет на целый день на метро. Я встречу тебя в кассе Пикадилли в полдень, если смогу. Напротив выхода на Риджент-стрит стоит газетный киоск.

— Что значит, если сможешь?

Рикки серьезно посмотрел на нее.

— У меня есть дела. Я не знаю, что из этого выйдет. Если я пропущу нашу встречу, то встретимся в том же месте, в то же время на следующий день. У тебя достаточно денег на еду и билеты на ночной автобус, чтобы пережить ночь. Только не возвращайся к Хантеру, хорошо? О, и засунь немного этого в свой ботинок — береги от карманников.

Она выглядела очень неуверенной, но кивнула и снова стала смотреть в окно. Рикки закрыл глаза и позволил себе несколько минут вздремнуть. Всего через несколько часов у него была назначена встреча в кафе «Счастливая долина», и ему понадобится остроумие.

— Можно быстро набрать один. Позвать Феликса. Он мог бы продолжить сам.

— Ни за что. Что, если встреча невинна? Я буду выглядеть глупо.

— Гордость, Рикки?

— Может быть.

Но Рикки был достаточно честен с самим собой, чтобы признать, что дело было не только в этом. Это было ради Иззи, а не Феликса. Но, возможно, это было и ради самого

Рикки. Потому что, если он сможет спасти Иззи в одиночку, тогда, может быть — только может быть — он сможет перестать чувствовать себя виноватым перед Мадлен...

* * *

Джейкоб Коул, как обычно, проснулся на рассвете. Обычно он надевал накрахмаленную чистую рубашку, скромный галстук и хорошо скроенный костюм. В Вестминстере такая одежда помогала слиться с толпой. Не сегодня. Его встреча в девять вела его в такое место, где хорошо сшитый костюм привлечет нежелательные взгляды. Он даже чувствовал себя немного неловко из-за того, что на джинсах, которые он почти никогда не носил, был дизайнерский ярлык. Он решил оставить рубашку не заправленной — чего он обычно не одобрял — чтобы прикрыть его.

В восемь утра он вышел из гардеробной и взглянул на лестницу, где все еще спала его жена. Ее таблетки будут держать ее во сне как минимум до десяти, и к этому времени сделка будет заключена. Коул почувствовал волнение при этой мысли. Всего два часа, и у него будет больше денег, чем он когда-либо мог потратить.

Он вошел в свой кабинет, но прежде чем взять бумаги со стола, постоял у окна, наблюдая, как густо падает снег на его большой сад. Он помнил Иззи, когда она была малышкой, бегала по саду, визжа, когда на нее попадала вода из разбрызгивателя. Его губы скривились. Как такой хороший ребенок превратился в такую неблагодарную негодяйку?

Он нахмурился. Глядя на сад, ему показалось, что он увидел следы на снегу. Казалось, они вели к кухонной двери, мимо огорода и к садовой ограде. Падающий снег немного прикрыл их, но они все еще были там. Он предположил, что городская лиса, должно быть, пробралась в сад, и ему нужно поговорить об этом с садовниками. Должен быть какой-то способ поймать и убить проклятых тварей.

Он отвернулся от окна и подошел к столу. Его мобильный телефон все еще был там, зарядился полностью. Он положил его в карман и открыл верхний ящик стола. Ценные бумаги все еще были надежно спрятаны внутри. Он вынул их, быстро просмотрел в последний раз, а затем запечатал в портфель, прислоненный к дальней стене комнаты. Он установил цифровой замок на портфеле — 839 462 — и надежно запер его.

Прежде чем выйти из комнаты, он снова выглянул в окно. Что-то в следах заставило его чувствовать себя неловко. Тропа от конца сада до кухонной двери была запутанной. Если бы это была лиса, она, конечно, выбрала бы более прямой путь.

Коул почувствовал тревожный холодок. Что-то было не так.

Он вышел из комнаты, крепко сжимая чемодан, и стал спускаться по лестнице, минуя по две ступеньки за раз. Он поспешил мимо рождественской елки на кухню, прежде чем ступить в комнату наблюдения справа.

Здесь было три экрана. Каждый показывал четкое изображение экстерьера дома. На данный момент камеры показывали сцены в режиме реального времени, но Коул знал, как управлять системой. В прошлом, когда он подозревал свою дурочку-дочку в том, что она тайком сбегала из дома, он просматривал отснятый материал за ночь. На высокой скорости можно было просмотреть каждую из камер примерно за пять минут. Правда, он никогда не видел, чтобы Иззи пыталась сбежать, но нельзя было расслабляться...

Нажав пару кнопок на маленькой клавиатуре, он отмотал назад. На первом экране отображались кадры с камеры, которая охватывала фасад дома. Внимательно глядя на экран, он увидел кошку, скользнувшую назад по экрану примерно в 1:30. За час до этого огромный передний двор, казалось, стал немного светлее минут на пять, хотя на высокой скорости это

было всего несколько секунд. Он предположил, что снаружи остановилась машина и осталась стоять с включенными фарами. Кроме этого, фронтальная камера ничего не могла ему показать.

Он обратил внимание на второй экран. Эта камера покрывала половину заднего сада. Еще пять минут он смотрел, как время отматывается. Но он ничего не видел сквозь постоянную пелену снега, кроме снежной земли, которую озарил свет примерно в то время, когда он стоял у окна своего кабинета и смотрел на сад. Он мог даже разглядеть собственный силуэт, тянущийся вниз от дома. Но больше ничего.

Камера номер три покрывала другую половину заднего сада. Коул поймал себя на том, что смотрел на экран менее пристально. Возможно, он ошибся. Возможно, следам на снегу было разумное объяснение. Вероятно, он был на грани, решил он, из-за всего, что должно было случиться сегодня...

Он тихо зашипел. Он только что увидел что-то на экране.

Если бы Коул моргнул, он бы это пропустил. Это было лишь мерцание на краю экрана. Он остановил отснятый материал, а затем направил его вперед кадр за кадром.

Это был человек. Он знал это, хотя и не мог разглядеть лица. Все, что он мог видеть, это то, что голова менее чем на секунду появилась в поле зрения камеры. Когда он поставил запись на паузу, чтобы изучить ее, он понял, что в саду было слепое пятно, место, которое не освещали камеры. Он усмехнулся — охранной фирме, которая их установила, придется заплатить. Но он отложил эту мысль на задний план, изучая изображение. Все, что он мог сказать, это то, что злоумышленник был одет в бейсболку. Козырек скрывал его — или ее — лицо. Над козырьком он мог разобрать только буквы «Н» и «И».

Он смотрел на изображение целую минуту, не двигаясь. Что думать? Кто был этот злоумышленник? Его глаза сузились.

— Иззи, — сказал он себе под нос. Потому что, если в саду было слепое пятно, кто бы знал об этом, кроме нее? В конце концов, она была нечестной, расчетливой девушкой. Несомненно, она вернулась в дом, чтобы найти немного денег. Или уговорила одного из своих друзей-преступников сделать это за нее. Это было жалкое зрелище, она думала, что сможет обойтись без его щедрости. Но она не могла.

Позже сегодня он решил, что покажет эту запись полиции. До сих пор они сделали очень мало, чтобы найти его дочь. Ему скорее хотелось позлорадствовать, что за несколько минут он продвинул их расследование дальше, чем они за несколько дней. И он почувствовал облегчение, что этот незванный гость не имел ничего общего с его делами с Дмитрием. Как иначе? Это был всего лишь ребенок.

При нажатии на клавиатуру мониторы вернулись в режим реального времени. Коул встал, отряхнулся и направился к входной двери. Со всем этим он разберется, когда вернется. К тому времени он передаст чемодан русским и будет очень богатым человеком.

СЧАСТЛИВАЯ ДОЛИНА

Рикки смотрел, как Иззи покупает себе проездной на один день в переполненной кассе на станции Пикадилли. Она с тревогой оглянулась, проходя через турникет в подземелье. Затем она исчезла в толпе пассажиров.

Рикки посмотрел на часы. Восемь пятнадцать. Он подавил усталость. Это была долгая ночь поездок по Лондону на ночных автобусах, он составлял компанию Иззи, пока они пытались согреться. Но теперь ему нужно было остро мыслить. У него было сорок пять минут, чтобы успеть в кафе «Счастливая долина» к девятичасовой встрече Джейкоба Коула.

Ему удалось найти место в метро в час пик. Пока он ехал к Килберну, он натянул бейсболку на голову, закрыл глаза и обдумывал свой план. Он знал, что Джейкоб Коул встречается с русским Дмитрием. Он предположил, что там могли быть и другие русские, и Коул будет передавать коды. По крайней мере, Рикки нужно было сфотографировать, как он это делает: доказательство того, что Коул был предателем страны. И, возможно, ему придется выхватить документы до того, как они попадут в руки русских.

— *Так. Никакого давления. Я думал, ты сказал Феликсу, что это проблема взрослых.*

— *Так и есть. Я делаю это ради Иззи.*

— *Ради Иззи? Или ради Мадлен?*

Рикки нахмурился под кепкой. Ему не нравилось, как шел разговор в его голове. Но он знал, что ему нужно было это сделать; нужно было показать Феликсу, на что он был способен. И теперь, когда он знал, что поставлено на карту, он не мог просто уйти.

Его ноги шлепали по мокрому полу вестибюля вокзала Килберн-Хай-Роуд. У турникета стояли двое контролеров. Он подошел к ним и спросил, знали ли они дорогу к кафе

«Счастливая долина». Один из них покачал головой, но другой кивнул.

— Выйдя из станции, поверните направо у Бутс, — Рикки поблагодарил их, но они уже вернулись к своему разговору.

Улица была не такой оживленной, как центр Лондона. Рикки повернул кепку козырьком назад и побрел по заснеженной, слякотной мостовой к Бутс.

В двадцати метрах от станции он остановился.

Он медленно обернулся.

Его кто-то преследовал? Было похоже на это. Он осмотрел улицу, но не увидел ничего, кроме быстро идущих пешеходов, опустивших головы и занятых своими делами. Затем, поскольку он лучше других знал, что кто-то, кто следует за ним, не обязательно должен быть позади него, он снова повернулся и посмотрел вперед. Он не видел никого подозрительного.

— *Ты просто на пределе. Никто за тобой не следит. Никто даже не знает, где ты...*

У Бутс он повернул направо. В переулке людей было еще меньше. А когда дошел до второго поворота налево, никого не увидел. Кафе «Счастливая долина» располагалось примерно в тридцати метрах от этой пустынной дороги.

Он глубоко вдохнул. Затем направился к кафе.

Кафе имело стеклянный фасад. Слова «Счастливая долина» были напечатаны желтыми буквами вокруг изображения оранжевого солнца. Сквозь стекло Рикки видел, что дела шли не очень быстро. Там было еще только два человека — рабочие, судя по их забрызганной краской одежде. Он напомнил себе, что на календаре было 27 декабря. У большинства людей все еще были рождественские выходные.

Тяжелая стеклянная дверь слегка скрипнула, когда Рикки толкнул ее. Внутри кафе «Счастливая долина» выглядело как любая другая забегаловка. Он насчитал восемь столов, за каждым стояло по четыре красных пластиковых стула. На каждом столе стояла красная пластиковая бутылка томатного соуса, солонка и бутылка уксуса. В попытке украсить место на каждом столе стояла тяжелая стеклянная ваза с искусственными цветами. Но стекло было жирным, а цветы пыльными, так что кафе выглядело еще более бедным.

Белая плитка на полу была потерта и сколота. Пахло жиром и растворимым кофе. Перед Рикки, напротив двери, была барная стойка. Человек за прилавком в сине-белом полосатом фартуке приветливо улыбнулся ему, когда он вошел. Это был веселый парень, довольно толстый, с дружелюбным лицом. Его улыбка выглядела неуместной, но Рикки не мог не улыбнуться ему в ответ. Из-за прилавка громко орало радио — Рикки слышал мелодию столичного радио, затем поп-песню, которую он не узнал.

Рабочие сидели прямо у прилавка. Рикки мог выбрать стол, поэтому он выбрал стол у двери — если он сядет там, то сможет быстро уйти, если понадобится. Но, прислонившись спиной к стеклянному фасаду, он мог видеть все кафе. Где бы Коул и русские ни решили сесть, он сможет их видеть.

Он попытался выглядеть непринужденно, когда сел. На самом деле его взгляд метался по сторонам в поисках камер наблюдения. Он ничего не увидел и начал понимать, почему Джейкоб Коул выбрал это место. Оно было почти пустым. Никто не ожидал увидеть его здесь. И если бы кто-нибудь спросит, он сможет легко это отрицать. Что он, важный политик, мог делать в таком месте?

Но он не рассчитывал на то, что ребенок тайно запишет его на свой телефон. Рикки положил мобильник на стол, затем просмотрел измазанное жирными пятнами меню. Через две минуты мужчина за стойкой подошел, чтобы принять заказ.

— Бутерброд с беконом и чашку чая, пожалуйста, — затем он исправился. — На самом деле, сделайте полный английский завтрак.

Мужчина усмехнулся.

— Похоже, тебе нужно подкрепиться, солнышко, — сказал он.

Рикки кивнул, но правда заключалась в том, что большая тарелка с едой потребует больше времени, чтобы приготовить ее и съесть. Он не хотел привлекать к себе внимание, сидя в кафе без еды перед ним...

Он проверил время. 8:55 утра. Коул и русские войдут в любой момент.

Тридцать секунд спустя ему принесли чашку чая.

И через тридцать секунд после этого дверь открылась.

Джейкоб Коул хмурился, лицо было худым. Войдя в кафе, сжимая в правой руке кожаный портфель, он на мгновение остановился и огляделся. Рикки мог сказать, что он едва заметил мальчика, сидевшего всего в двух метрах от него. Взгляд Коула на мгновение задержался на рабочих, сидевших у прилавка, и он явно не мог сдержать насмешку, скользнувшую по его губам при виде их грязной одежды. Он пересек кафе и сел в дальнем конце, поставив портфель на стул рядом с собой и взяв меню. Однако Рикки мог сказать, что на самом деле он его не читал — он просто смотрел поверх испачканной жиром карты, проверяя комнату.

Рикки взял свой телефон и сделал вид, что заглянул в интернет. На самом деле он открыл приложение камеры и переключил его в режим видео. Если он держал телефон под углом чуть меньше сорока пяти градусов от прилавка, Коул был в поле видимости.

Когда ему принесли завтрак, из-за прилавка зазвучала знакомая Рикки песня. Рабочие, позавтракав, встали и ушли. Теперь тут были только Рикки, Коул и парень за прилавком, который нес ему полный английский завтрак.

— Вонзи в это свои зубы, солнышко, — сказал он. Как только тарелка и чашка чая оказались перед Рикки, он прислонил телефон к горячей кружке, убедившись, что он находится под правильным углом, чтобы записать Коула и всех, кто сядет с ним. Он выключил камеру, чтобы никто, входящий в кафе, не мог понять, что он делает. Затем он приступил к завтраку.

Он медленно пережевывал кусок тоста — и Коул чрезвычайно отрывистым голосом заказал себе кофе, — когда дверь снова открылась. Вошли двое мужчин. Они оба были очень широкоплечими — Рикки сразу подумал, что не хотел бы драться ни с одним из них. У одного из них были иссиня-черные волосы, спутанные. Другой был блондином, но его волосы были очень коротко подстрижены. Как и у Коула, у него был портфель, но этот выглядел намного крепче: он был металлическим и казался довольно тяжелым.

Ни один из мужчин не улыбнулся, пока они осматривали комнату. И точно так же, как и Коул, они, казалось, почти не замечали сидящего там Рикки, сосредоточенно поглощающего ломтик бекона.

Двое русских — Рикки знал, что это они — казалось, заполнили все кафе, пока шли к столику, за которым сидел Джейкоб Коул. Папа Иззи с его худым злобным лицом казался крохотным по сравнению с ними. Он развел руками, показывая, что они должны сесть напротив него. Когда они сели, Рикки включил камеру и нажал на запись. Он продолжил завтрак, украдкой наблюдая за происходящим на маленьком экране, его уши напряглись, чтобы уловить каждое слово их приглушенной беседы.

Блондин заговорил первым. У него был русский акцент.

— В твоём чемодане...

— Да, Дмитрий, — вмешался Коул. — Там расписание.

Русские посмеивались над шифром Коула. Они выглядели намного менее напряженными, чем он. Черноволосый мужчина оглянулся и крикнул «Кофе!», ни к кому не обращаясь, и Рикки увидел, как тень пробежала по лицу весельчака в фартуке. В другом конце кафе Коул поставил портфель на стол между собой и Дмитрием.

— Открой, — сказал Дмитрий.

— Когда у меня будут деньги.

Дмитрий улыбнулся. Из внутреннего лацкана пиджака он вытащил карту памяти.

— Средства были переведены на не отслеживаемый счет в швейцарском банке. Здесь ты найдешь данные учетной записи, включая всю необходимую информацию.

Коул подозрительно посмотрел на карту памяти и взял ее с явной неохотой. У Рикки сложилось впечатление, что он ждал наличных.

— А теперь открой портфель, — сказал ему Дмитрий.

Коул посмотрел на него мертвым взглядом, затем ввел код в свой портфель и открыл его. Папка, которую он передал русскому, была очень тонкой, но Дмитрий обращался с ней так, будто это была самая дорогая вещь в мире.

— Бумага? — спросил Дмитрий. — Как странно.

— Бумага в наши дни безопаснее электронных файлов, — сказал ему Коул, многозначительно глядя на только что полученную карту памяти с данными. Закрыв портфель и поставив его на пол, Дмитрий поставил свой металлический на стол, открыл его и положил папку внутрь.

— В папке есть еще кое-что, что может быть полезно твоим людям. Думай об этом как о бесплатном образце. Есть много других источников, но нам, конечно, нужно будет обсудить справедливую цену.

— Жадный ты человек, — заявил Дмитрий. Он не звучал так, будто хотел оскорбить.

— Я просто хочу честную плату за честный рабочий день, — глаза Коула сузились. — Скажи своим людям, что эта новая информация будет очень дорогой. Но она того стоит.

Мужчина пришел с их кофе. Он заблокировал обзор камеры на Коула и русских, но это не имело значения. Рикки решил, что с него достаточно. Он выключил телефон. Мужчина вернулся к прилавку, и Рикки положил на стол немного денег, чтобы заплатить за недоеденный завтрак. Он хотел выбраться отсюда как можно быстрее.

Но что-то остановило его.

Чемодан стоял на столе. Никто не сжимал его. Если он будет быстрым, Рикки мог его забрать.

— Ты с ума сошел.

— Может, нет. Тот чемодан — бомба. Если у меня будет снятый материал и чемодан, Коул попадет в тюрьму надолго...

Он не мог долго думать. Если он хотел схватить чемодан, это нужно было сделать сейчас.

Он почти на инстинкте повернул козырек кепки вперед. Это немного скроет его лицо. Скроет его.

Большая ошибка.

Рикки отодвинул стул и встал, убрал телефон в карман. Расстояние до чемодана: четыре метра.

Он пересек три метра, когда Коул посмотрел на него.

Рикки тут же понял, что что-то было не так. Коул смотрел не на его лицо, а на кепку. Рикки увидел, как он беззвучно произнес «Н» и «И».

— Схватите мальчишку! — прошипел он.

Для своего размера Дмитрий двигался очень быстро. Рикки не успел сделать шага, как русский схватил его за запястье. Рикки задохнулся от боли, когда Коул встал и сорвал с его головы бейсболку.

Коул уставился на надпись на бейсболке Рикки, потом снова на Рикки.

— В чем проблема? — спросил Дмитрий.

— Этот мальчик ворвался в мой дом прошлой ночью. Вряд ли совпадение, что он сейчас здесь.

Рикки знал, что последующие секунды он запомнит на всю оставшуюся жизнь — какой бы долгой она ни была. Веселый парень из-за прилавка зашагал к ним с возмущенным лицом.

— Что происходит? — спросил он. — Что вы делаете с этим молодым человеком? Оставьте его в покое!

— Не вмешивайся, — прорычал Дмитрий.

— Нет, не буду. Это мой озорник, и он всего лишь ребенок. Уберите свои чертовы руки...

Он так и не закончил фразу. Темноволосый русский повернулся к нему, и Рикки увидел, что у него в руке был пистолет. Ни секунды не колеблясь, русский поднял его в сторону мужчины.

— Нет! — закричал Рикки.

Но было слишком поздно.

Русский выстрелил.

Выстрел был очень тихим, но его результат был смертельным. Пуля попала мужчине в лоб, и кусок его черепа размером с кулак Рикки отлетел в сторону. Гротескные брызги крови отлетели на несколько столов, когда мужчина рухнул на пол.

Наступила внезапная ужасная тишина. Рикки почувствовал, как его мышцы застыли.

— Григорьев, идиот! — выдохнул Коул. — Ты... Ты идиот.

Но Григорьев не смотрел на Коула. Он направил пистолет на Рикки. Ствол был всего в полуметре от его лица, и Рикки мог видеть его внутренности. Он чувствовал легкое тепло металла...

Внезапно Коул оттолкнул руку русского с оружием.

— Ради бога, — прошипел он. Затем он обратил свой устрашающий взгляд на Рикки. Дмитрий сжал его запястье еще крепче, и Рикки знал, что у него было всего несколько секунд, чтобы действовать, иначе он мог присоединиться к мертвецу на полу.

— *Помни слова Феликса: «Если придется с кем-то драться, забудь о чем-то сложном. Найди что-то очень тяжелое и ударь им по голове».*

Рикки никак не мог понять, было ли то, что он сделал дальше, глупым или смелым. Немного того и другого, наверное. Он вытянул свободную руку за собой и схватил с ближайшего столика покрытую жиром стеклянную вазу. Сильным взмахом руки он ударил Дмитрия по голове.

Ваза разбилась. Дмитрий взревел от боли и гнева, когда на его лбу появилось огромное пятно крови и разодранной кожи. Он отпустил запястье Рикки и зажал рану. Рикки все еще

держал в руке основание вазы, края которой были зазубренными и острыми. Он знал, что у него был только один шанс выбраться отсюда, поэтому, когда второй русский размахивал рукой с оружием в его направлении, он швырнул стекло в стрелка, который поднял обе руки, чтобы защитить себя от ракеты.

— *Уходи отсюда! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!*

Коул был бледным и испуганным. Его глаза вылезли из орбит, и Рикки увидел, что он собирается схватить портфель со стола. Половина его понимала, что медлить глупо, но он схватил чемодан раньше, чем Коул успел его достать.

Затем он повернулся и приготовился бежать.

Он мог бы это сделать, если бы грязно-белые плитки на полу кафе не были залиты кровью. Мертвый официант истекал кровью. Он был окружен лужей красной липкой жидкости. Когда правая нога Рикки задела мокрый пол, он поскользнулся. Он пытался сбалансировать себя, но это было бесполезно. Все еще сжимая портфель, он рухнул на пол, его ноги оказались на твердом теле мертвеца. Он почувствовал, как треснул его телефон в кармане, но был слишком напуган, чтобы подумать, потерял ли он видеозапись. Сейчас это означало только одно: он не мог никого позвать на помощь.

Испугавшись, он снова вскочил на ноги. Но это не помогло. Два здоровенных русских уже стояли над ним. Их не волновало, что их обувь была в крови мертвеца. Лицо Дмитрия было залито его собственной кровью, которая стекала по его оскаленному лицу, похожему страшную маску, там, где его ударила ваза. И его товарищ тоже был там, его глаза сверкали. Теперь у обоих мужчин были пистолеты, и они оба направили их на Рикки.

Спасения не было. Рикки закрыл глаза и стал ждать выстрела, который, как он знал, положит конец его жизни.

Конечно, раздался шум. Но это был не выстрел, и Рикки не был мертв. По крайней мере, пока что.

Казалось, это произошло в замедленной съемке. Рикки услышал оглушительный треск и открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как весь стеклянный фасад кафе разлетелся вдребезги. С оглушительным грохотом миллионы осколков посыпались на пол стеклянным дождем.

Через долю секунды после взрыва Рикки увидел фигуру, стоящую возле кафе. Это был мальчик примерно возраста Рикки. Он выглядел странно, как сам Рикки, в бейсболке, джинсах, черной куртке-пуховике, красном шарфе и черных кроссовках. И в этот момент Рикки понял, что видел его раньше. Дважды. Однажды в кафе на Фрит-стрит. Затем, в тот же вечер, он чинил велосипед у Макдональдса на Шефтсбери-авеню. В глазах мальчика была свирепая решимость, и он выкрикнул одно слово:

— БЕГИ!

Рикки не нужно было повторять дважды. Взрыв заставил двух русских сделать пару шагов назад. Они подняли руки, чтобы закрыть лица, так что их оружие больше не было направлено на Рикки. Он вскочил на ноги, крепко сжимая портфель, и побежал к выходу. Его ноги хрустели битым стеклом, пока он бежал к странному мальчику, который указывал на дальний конец улицы.

— Туда! — подгонял он. — Беги!

Рикки иногда снился сон, в котором, как бы быстро он ни бежал, он не мог добраться до места, к которому направлялся. Он чувствовал себя так сейчас. До конца улицы было всего пятьдесят метров, но когда два мальчика побежали бок о бок изо всех сил, Рикки казалось,

что они никогда не доберутся до места.

— Мы слишком близко друг к другу, — крикнул мальчик. — Мы легкая мишень. Нужно разделиться.

Совет был так похож на Феликса, что Рикки пришлось взглянуть на мальчика, чтобы убедиться, что его глаза не обманывали его.

— Кто ты? — крикнул Рикки.

Но мальчик не успел ответить. Раздался звук выстрела, и пуля пролетела так близко над головой Рикки, что он почувствовал поток воздуха. Они были в десяти метрах от конца улицы.

— Поверни направо! — крикнул мальчик.

Они свернули вправо. Пот струился по коже Рикки. Тяжело дыша, они свернули за угол. Мальчик схватил его за руку.

— Дай мне портфель, — сказал он.

— Ни за что, — отрезал Рикки. Он не знал, кем был этот ребенок, и уж точно не собирался отдавать ему свои с таким трудом добытые улики.

Мальчик не стал спорить. Вместо этого он хлопнул Рикки по плечу. Это был странно дружелюбный жест, учитывая то, что происходило, но вряд ли это была самая странная вещь, случившаяся с Рикки в тот день, так что он проигнорировал ее.

— Тогда продолжай бежать, — сказал мальчик. — Я буду задерживать их, сколько смогу.

— Кто ты? — снова спросил Рикки, на этот раз более резко.

Мальчик уже отвернулся.

— Я — Зак, — сказал он. — Теперь иди!

Не было времени спорить. Кем бы ни был этот мальчик, он явно знал, что делает. И у Рикки не было желания снова столкнуться с теми русскими. Его кожа все еще была липкой от шока, когда он увидел, как они убили человека в кафе. Он посмотрел вниз и увидел кровь мужчины на брюках. Это заставило его содрогнуться, но он знал, что у него не было времени на брезгливость.

Он проверил свою хватку на чемодане и глубоко вдохнул.

Затем он побежал.

Джейкоб Коул дрожал от ярости и страха.

Он никогда раньше не видел, чтобы кого-то убивали. Это было не так, как в фильмах. Он никогда не забудет мужчину, у которого снесло половину головы. Именно это, даже больше, чем страх перед прибытием полиции, заставило его броситься за русскими, которые преследовали двух детей.

Коул, может, и был худым, но не в хорошей форме. К тому времени, когда он дошел до конца дороги, у него жгло в груди. Он стоял, тяжело дыша, глядя на оживленную дорогу. Дмитрий и Григорьев спорили по-русски. Они спрятали оружие, слава богу, теперь, когда вокруг было больше людей, и они смотрели по сторонам, пытаясь обнаружить этих чертовых детей, которые собирались все испортить.

— Там! — резко заявил Коул.

Он увидел второго мальчика, появившегося за разбитым окном. Он был на противоположной стороне улицы, примерно в пятнадцати метрах справа от них, и бежал к ответвлению «Бутс» на углу дороги.

— А другой? — спросил Дмитрий.

Он выглядел жутко с окровавленным лицом, и Коул мог сказать, что у него были жестокие намерения по отношению к ребенку в бейсболке «Nike». Но отвлекаться было нельзя: портфель был важнее всего. Если кто-нибудь узнает, что он продавал, это будет означать конец не только его карьеры. Это был бы конец его свободы.

— Очевидно, они были вместе, идиот, — прорычал Коул. — Найди одного, и найдешь другого. За ним!

Русские вырвались на дорогу, заставив черный кэб резко вильнуть, чтобы их не задеть. Коул последовал более осторожно, но к тому времени, когда он достиг противоположной стороны, мальчик уже исчез. Все еще тяжело дыша, он последовал за русскими до конца улицы, где под прямым углом шла другая дорога. Коулу только что удалось мельком увидеть ребенка с другой стороны. Он улыбался им. Затем мимо проехал автобус, скрыв его из виду.

К тому времени, когда он проехал, ребенок исчез.

Коул почувствовал, как у него поднялась температура. Он хотел кого-нибудь ударить.

Он обнаружил, что развернулся в поисках детей, но ни одного из них не было видно. Они будто растворились в воздухе.

— Вы их потеряли! — возмущенно крикнул он русским. Прохожий одарил его странным взглядом, но он едва заметил. — **НАЙДИТЕ ИХ!**

Но двое русских не шевелились. Они обменялись мрачными, целеустремленными взглядами, затем кивнули друг другу.

— **ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ?** — завопил Коул, игнорируя то, что прохожие пялились на него и держались подальше. — **Я СКАЗАЛ...**

Жестокий удар по животу заглушил его — Дмитрий был сильным и с большим кулаком. Удар выбил воздух из его легких. Коул согнулся пополам от боли, отчаянно хватая ртом воздух, но не находя его. Он почувствовал, как Дмитрий яростно схватил его за руку. Русский тащил его по дороге, пока Коул кашлял и отплевывался. Он знал, что Григорьев идет прямо за ним справа.

— Если не хочешь кончить, как тот парень в кафе, иди дальше, — буркнул Дмитрий под нос.

Внезапно Коул услышал полицейские сирены. Он посмотрел вперед и увидел, что в их сторону несутся мигающие синие огни. Не было нужды гадать, куда они идут, и на мгновение Коул подумывал закричать. Возможно, он мог попытаться привлечь внимание приближающейся полиции. Но тут он вспомнил о мертвом официанте, истекающем кровью на полу кафе. Ему нужно было уйти оттуда, прежде чем полиция решит, что он причастен к убийству.

И он пошел по тротуару, Дмитрий все еще держал его за руку, а Григорьев угрожающе шагал сзади. Через тридцать метров они повернули налево и остановились возле черного фургона. Коул увидел свое отражение в затемненных окнах. Он выглядел изможденным и испуганным. Раздался звуковой сигнал, когда Григорьев нажал на брелок, чтобы отпереть машину, боковая дверь скользнула в сторону, и Коул почувствовал, как его грубо втокнули внутрь.

Через несколько секунд дверь захлопнулась, и щелчок сообщил Коулу, что она заперта. Дмитрий сел рядом с ним. Он вынул пистолет и сильно прижал его к ребрам Коула. Григорьев был впереди за рулем.

— Ты понимаешь, что я убью тебя, если ты попытаешься сбежать? — сказал Дмитрий. Слишком напуганный, чтобы ответить, Коул энергично закивал. Он думал, что его стошнит.

Дмитрий посмотрел на Григорьева.

— Ты знаешь, куда ехать?

Григорьев кивнул. Из бардачка машины он вытащил что-то похожее на небольшой блок спутниковой навигации, прикрепил его к кронштейну на приборной панели и включил. На запуск ушло тридцать секунд. Коул увидел карту с двумя точками на ней. Красная и синяя. Синяя точка двигалась, красная стояла на месте.

— Вперед! — рявкнул Дмитрий.

Григорьев повернул ключ зажигания, и двигатель завелся. Колеса грузовика громко завизжали, когда машина рванула вперед. Ствол пистолета Дмитрия сильнее впился в ребра Коула, когда они поехали.

И депутат понял, что совершил ужасную ошибку...

* * *

Рикки бежал вслепую. Вопросы грохотали в его голове. Кто был тот странный мальчик, который только что спас его? Он наверняка работал на Феликса. Какую дополнительную информацию Коул дал русским? Где они были сейчас?

Что он должен был сделать?

Он не мог ответить ни на один из этих вопросов. Его единственным планом было бежать. Он попытался очистить разум, но образ мертвого тела в кафе «Счастливая долина» продолжал всплывать в его сознании. Каждый раз, когда он видел эту ужасную картину в своей голове, его мутило. Это была его вина. Если бы его не узнали, официант не стал бы вмешиваться. Он был бы еще жив. Единственный способ, которым он мог сейчас исправить ситуацию, — это сделать так, чтобы смерть этого человека не была напрасной, чтобы информация, которую он теперь нес, попала к нужным людям. К Феликсу.

Но его телефон был сломан. У него не было возможности связаться с наставником. Так что прямо сейчас единственное, что он мог делать, это бежать быстрее и быстрее, сжимая тяжелый портфель во все более потном кулаке.

Магазины, здания и перекрестки проносились мимо него. Рикки не знал, где он был. Он пробежал рядом с детской площадкой, где мамы с детьми лепили снеговика. Потом мимо парковки супермаркета. Он остановился перевести дух в сыром, вонючем метро, стены которого были покрыты граффити. Но он только сделал несколько глубоких вдохов, когда почти услышал голос Феликса, трещащий, как хлыст, предостерегающий его. Стоит преследователям подойти к нему с любого конца метро, и он окажется в ловушке. Или, если кто-нибудь увидит его с портфелем, они, вероятно, решат, что он украл его — и, возможно, им будет выгодно украсть портфель у него...

И он бежал.

Он много раз почти поскользнулся на тающем снеге. Его ботинки и низ брюк промокли, но он продолжал бежать. Он не мог думать ни о чем другом, кроме как держаться как можно дальше от этих ужасных кровожадных русских. И Коула. Жуткий, трусливый, коварный Коул: Рикки прекрасно понимал, почему Иззи не хотела возвращаться домой...

Иззи. Он представил ее сидящей в метро в ожидании полудня. Он представил, как полиция догоняет ее и заставляет вернуться к жестокому отцу. И образ его умершей сестры Мадлен снова всплыл в его голове.

Ты не можешь вернуть свою сестру, спасая Иззи Коул, знаешь ли.

Эта мысль заставила Рикки удвоить усилия. Коул и русские не могли вернуть содержимое этого чемодана. Они не могли поймать Рикки и помешать ему привлечь их к ответственности...

Он бежал уже двадцать пять минут, и его энергия была потрачена. Он внезапно остановился, его тело согнулось пополам, он тяжело дышал. Только после тридцати секунд глубокого дыхания он огляделся.

Он стоял возле старой церкви, камни которой почернели от грязи. Церковь стояла у оживленной дороги, но пешеходов здесь было очень мало. Несмотря на это, Рикки чувствовал себя заметным. Табличка на перилах вокруг входа гласила: «Церковь Всех Душ, Харлесден».

— Не стой посреди тротуара, где тебя могут увидеть. Скрывайся!

Голос в голове давал ему хорошие советы. Взгляд Рикки упал на тяжелую деревянную дверь церкви. Он подошел к ней и потянул за железную ручку. К его удивлению, она распахнулась. Он прошел в церковь. Его приемные родители отдалили его от церквей, но эта

была похожа на обычную церковь, а не на ту, в которую они его затащили.

Внутри было на несколько градусов холоднее. Рикки стоял у входа, озираясь в поисках людей. Место оказалось заброшенным. Яркое зимнее солнце сияло в витраж за алтарем впереди, и свет слегка ослеплял его, поэтому он отошел в тень сбоку от церкви.

— *Вам нужна стратегия отступления.*

Он посмотрел в дальний конец церкви. За алтарем была дверь, и Рикки видел, что она была приоткрыта. Если угроза войдет через главный вход, он сможет выйти через задний ход.

Он сел рядом со шкафом, полным молитвенников. Здесь он положил портфель на колени. Он не видел, как Дмитрий запер чемодан, поэтому не удивился, когда тот со щелчком открылся.

Рикки обнаружил, что его руки дрожат, когда он вытаскивал папку изнутри.

Он скривился. Откуда-то из церкви донесся очень тихий пронзительный вой. Как электрические помехи, но очень слабые. Он быстро огляделся, еще раз убедившись, что здесь никого не было. Но нет, место казалось безлюдным. Откуда шел шум? Алтарь?

Или, может, ему это показалось. Шум был очень слабым, и когда он сосредоточился на нем, он, казалось, исчез.

Он снова обратил внимание на папку. Его руки все еще слегка тряслись, и он открыл ее.

20

СЛЕЖКА

Внутри было всего четыре листа бумаги. Первый назывался:

Уровень доступа 1

Ядерное сдерживание «Трезубец»

Коды местоположений

Остальная часть страницы была заполнена последовательностями цифр, которые ничего не значили для Рикки. Но он знал, что в чужих руках этот единственный клочок бумаги может обернуться катастрофой.

Голос Феликса зазвенел в его голове. *Ты когда-нибудь слышал фразу «ядерная зима»?* Рикки поежился. Страшно было подумать, что такой невинно выглядящий клочок бумаги может вызвать столько ужаса. Он обнаружил, что автоматически запоминал коды.

Он отложил страницу в сторону и посмотрел на следующий документ в папке. Это было нечто другое. К листу сверху была прикреплена паспортная фотография человека с дружелюбным, открытым лицом и темными неряшливыми волосами. Его имя, согласно

приложенному документу, было Алистер Бишоп. Но в документе пояснялось, что у него были и другие имена: Джеймс Маршалл, Рэймонд Кэррик, Томас Паркер...

Мысли Рикки вернулись к его первой встрече с Феликсом. Что сказал Феликс? Имена. Некоторые из них больше подходят для разных случаев, чем другие. В то время Рикки предполагал, что преступником может быть кто-то с множеством разных имен. Теперь казалось более вероятным, что они были частью секретного мира. Как Феликс. Как Зак, мальчик, который только что спас его.

Как и сам Рикки.

Рикки читал дальше. В первом основном абзаце документа ему было сказано, кем именно был Алистер Бишоп:

Бишоп в настоящее время является московским корреспондентом «The Times». Это прикрытие. Он оперативник МИ-6 с доступом к нескольким высокопоставленным российским министрам. За последние двенадцать месяцев он переслал большое количество секретных данных, которые МИ-6 считает особенно качественными.

Рикки моргнул. Он очень мало знал о тайном мире, но знал одно: если такие, как Дмитрий, узнают, что этот парень — британский шпион, это кончится для него очень плохо.

Он просмотрел оставшиеся документы. В них содержались данные еще о трех британских агентах. На российском флоте был русский гражданин. В Украине работала женщина. И, наконец, учитель английского языка в петербургской школе, куда отдавали своих детей богатые и влиятельные русские...

— Ты понимаешь, что это такое, да? Коул продает информацию о британских агентах, работающих под прикрытием за границей. Если Дмитрий и его друг получают эту информацию, эти люди все равно что мертвы.

— И Коул сказал, что есть намного больше...

Рикки почувствовал, как его губы скривились от отвращения.

Внезапно он снова поежился. Этот пронзительный вой вернулся. Или, может, он был там все это время, и Рикки заметил его. Он снова огляделся. В церкви точно никого не было. Так откуда шел звук?

— Не беспокойся об этом. Это ничто. Тебе нужно подумать, что ты собираешься делать дальше.

Рикки посмотрел на документы в своих руках. Возможно, он должен уничтожить их сейчас. Тогда русские никогда не смогут до них добраться. Но что-то остановило его. Если он уничтожит документы, он уничтожит веские доказательства против Коула. Он подумал об Иззи, которая так боялась жестокого отца, что не могла вернуться домой.

Его губы снова изогнулись. Он не собирался отпускать Коула. Ни за что.

Он положил документы обратно в металлический чемодан. Затем он защелкнул его.

Его глаза сузились. Вой прекратился.

В животе Рикки снова появился страх. Он медленно открыл портфель. Вой вернулся.

Казалось, Рикки двигался в замедленном темпе. Он вынул папку из портфеля и положил ее на скамью рядом с собой. Затем он осмотрел чемодан более внимательно.

Ему потребовалось около десяти секунд, чтобы понять, что у портфеля было фальшивое дно. Ему удалось провести пальцами по краям и отсоединить его.

От вида того, что лежало внизу, у него перехватило дыхание. Путаница из проводов: коричневого, синего и желтого. Они были подключены к печатной плате и к небольшой аккумуляторной ячейке с двумя батареями типа АА. На какой-то ужасный момент Рикки

показалось, что он смотрел на взрывное устройство. Но тут его глаза заметили небольшую микросхему, припаянную к плате. Узкими белыми буквами на ней было написано: GPS.

Рикки коснулся путаницы проводов. Вой прекратился. Где-то явно оборвался контакт. Если бы не этот звук, он никогда бы не узнал, что в чемодане было то, что совершенно очевидно было устройством слежения.

И если было устройство слежения, это означало, что за ним кто-то следил.

Русские.

— *Вытащи батарейки. Быстро! Отключи это!*

Как только эта мысль отскочила в его голове, он услышал снаружи визг шин и почувствовал прилив адреналина.

— *Они здесь! ОНИ НАШЛИ ТЕБЯ!*

Пальцы Рикки вдруг стали неуклюже возиться, он пытался вынуть батарейки из ячейки. Как только он их вытащил, он сунул их в карман и вернул на место фальшивую основу. Он закрыл портфель и схватил папку. Сняв рюкзак со спины, он запихнул туда документы. Его пальцы коснулись драгоценностей, которые он украл из дома Иззи прошлой ночью, но сейчас он не думал о бриллиантах. Он снова закинул рюкзак на плечо, схватил портфель и побежал по проходу.

— *Положи портфель на вершину алтаря. Увидев его, они остановятся, чтобы заглянуть внутрь. Это даст тебе несколько дополнительных секунд.*

Рикки сделал так, как сказал ему голос в голове. Но, кладя портфель на алтарь, он услышал снаружи голоса. Они кричали по-русски. Едва он сделал два шага от алтаря, как тяжелая дверь церкви распахнулась. Появились Дмитрий и Григорьев. Они мельком взглянули на Рикки и помчались к нему по проходу, их тяжелые ботинки эхом разносились по церкви на бегу.

Рикки бросился к двери за алтарем и проскользнул в нее. Она вела в темную тесную ризницу, и, к его ужасу, там не было внешней двери — только окошко, которое нельзя было открыть. Матовое стекло, деревянная рама с облупившейся краской. Рикки обернулся и осмотрел дверь. Там был внутренний засов, что означало, что он мог запереться в этой комнатке. Он быстро задвинул засов — вовремя, потому что через секунду он услышал тяжелый удар кулаком по самой двери.

Но теперь он застрял внутри, потя и паникуя...

— *Думай. Думай!*

Рикки окинул взглядом содержимое комнаты. На стене висели рясы священников, а вдоль противоположной стены стоял еще один шкаф, полный молитвенников.

Ему нужно было спрятать документы. Лишь вопрос времени, когда русские прорвутся в ризницу. Через минуты, если повезет. Скорее всего, секунды. Он быстро подошел к шкафу и достал молитвенник. Открыв его, он вырвал из середины пачку страниц...

По двери внезапно ударили. Она тревожно загрохотала в дверном проеме. Рикки мог представить, как Дмитрий или его приятель бились об дверь плечом.

— *Она не выстоит!*

Рикки опустил рюкзак и сунул внутрь руку. Он вытащил документы, сложил их вдвое, а затем положил в углубление, которое он сделал в молитвеннике.

Еще один сильный удар по двери. Засов содрогался.

— *У тебя меньше тридцати секунд!*

Рикки на мгновение заколебался. Затем он во второй раз порывлся в рюкзаке и вытащил

ожерелье мамы Иззи. Он положил его в книгу вместе с документами, а затем осторожно вернул подделанный сборник на полку. Ему потребовалась доля секунды, чтобы убедиться, что испорченная книга ничем не отличается от остальных, затем он взял разорванные страницы и сунул их в карман самой запыленной рясы, которую только смог найти. Внутри рясы была ручка. Инстинктивно Рикки забрал ее себе.

Бам!

Тревожный скрип сопровождал третий удар плечом по двери. Еще один, может, два удара, и русские будут здесь.

Рикки схватил еще один молитвенник с другой полки. Затем он обратил внимание на окно.

Оно находилось примерно в двух метрах от земли. Размер — метр квадратный. Рикки прикинул, что сможет пролезть сквозь него, но сначала ему нужно было разбить стекло. Он придвинул стол к стене и поставил на него тяжелый стул.

Бам!

Оглянувшись, Рикки увидел, что засов отлетает от дверной рамы. Он прыгнул на стол, затем неловко поднял стул и ударил им ногами об окно.

Стекло выдержало.

Он снова ударил. Ничего.

Бам!

Засов выгибался. Дверь была приоткрыта на пару сантиметров.

— Хватит всего одного удара!

В третий раз Рикки ударил стулом по стеклу, вложив всю силу, на которую было способно его измученное тело.

Наконец, оно не выдержало.

Второй раз за это утро звук разбитого стекла заполнил его уши. Рикки отбросил стул к двери — еще одно препятствие на пути русских. Вокруг оконной рамы все еще было зазубренное стекло, поэтому он использовал рукав, чтобы вытолкнуть его, а затем вздрогнул, когда осколок стекла вонзился ему в руку. У него началось сильное кровотечение, но он не мог позволить этому замедлить его. Сжимая молитвенник и ручку, он практически вылетел в открытое окно и тяжело упал на твердую землю снаружи.

Он вздрогнул, когда его колени и лодыжки сотрясло, а затем рухнул кучей.

В полуметре от того места, где он стоял, он увидел пару ног.

Он посмотрел вверх.

Джейкоб Коул смотрел на него сверху вниз.

Лицо Коула исказилось от гнева. В глазах его был бешеный огонь, седые волосы были взлохмачены, а на шее вздулась вена. Он сделал угрожающий шаг в сторону Рикки.

Два шага.

Рикки услышал стук по другую сторону открытого окна и понял, что русские проникли в ризницу. Он огляделся. Он был в мощеном переулке в конце церкви. Высоко над ним был витраж, который он видел изнутри. Единственный выход был по переулку, что означало обойти Коула.

Рикки держал ручку в здоровой руке, молитвенник — в окровавленной. Он поднялся на ноги.

Коул зло усмехнулся.

— Сегодня я не даю автографы, — сказал он. — И я думаю, что уже поздно для

молитв, а ты, глупый маленький мальчик?

Рикки посмотрел на молитвенник.

— На самом деле, — сказал он, — нет.

Он двигался быстро. Внезапным резким движением он сильно ударил крепким корешком молитвенника по шее Коула. Коул издал сдавленный звук, затем пошатнулся. Но Рикки еще не закончил. Жестким взмахом руки он сильно вонзил ручку в правое бедро Коула. Она проткнула его брюки и глубоко вонзилась в плоть.

Коул взвыл от боли. Рикки оставил ручку торчать из ноги и вскочил на ноги.

— Это за Иззи, — прошипел он, прежде чем сильно ударить открытой ладонью по лицу Коула и оттолкнуть его с дороги.

Он оглянулся. Дмитрий уже вылезал из разбитого окна.

— *Беги.*

Голос в его голове был более настойчивым, чем когда-либо.

— *Беги! Беги! Беги!*

Рикки побежал по переулку. Он знал, что должен где-то найти запасы энергии и скорости, и каким-то образом он это сделал. Он игнорировал кровь, текущую из его руки, неся по брусчатке. Открытый конец переулка находился в тридцати метрах. Он оглянулся и увидел Дмитрия на таком же расстоянии позади себя. След удара Рикки на лицо русского выглядел еще хуже, чем прежде, но Дмитрий не бежал за ним. Вместо этого он вытащил пистолет и целился.

Рикки побежал еще быстрее. Двадцать метров до выхода. Его кожу покалывало. Он знал, что скоро будет выстрел. В его сознании вспыхнули картины ужасной, смертельной раны, которую русские нанесли парню в кафе.

— *Петляй! Это сделает тебя более сложной мишенью!*

Он побежал зигзагом. Пятнадцать метров до выхода.

Выстрел!

Он точно знал, куда попала пуля. В стену слева от него. Она срикошетила под углом прямо перед ним, подняв облако кирпичной крошки. Часть обломков ударила его в лицо, и он вздрогнул. Но он продолжал двигаться вперед, все еще виляя, стараясь как можно больше отдалиться от стрелка.

Десять метров до выхода.

Его мышцы горели.

Пять метров.

— *Осторожно!*

Внезапно вход в переулок заблокировали. Григорьев был там. Огромная масса его тела, казалось, заполнила выход, и он держал перед собой металлический портфель. Хотя Рикки и пытался обогнуть его, он без сомнений знал, что у него это никогда не получится.

Через две секунды он столкнулся с чемоданом. Это было все равно что удариться о кирпичную стену. Рикки почувствовал, как воздух вылетел из его легких, когда он врезался в прочный металл. Потом он закричал от боли. Русский схватил его за окровавленную руку. Другой огромный кулак сжал Рикки за шею и давил так сильно, что Рикки почувствовал, как его колени подогнулись под ним.

Он боролся и корчился, пытаясь вырваться, но это было бесполезно. Он был в хватке у русских.

А потом пришли остальные — Дмитрий и Коул. Рикки внезапно ощутил тяжесть в

животе, а из горла вырвался неприятный кашель.

Он услышал тонкий, хриплый голос Коула.

— Что мы собираемся с ним делать?

Еще один ботинок ударил его по животу. Рикки увидел звезды.

Голос Дмитрия. Низкий гневный гул:

— Сначала, — сказал он, — мы выясним, кто его на это подтолкнул. Тогда мы заберем то, за что заплатили.

— Что потом? — прошипел Коул.

— Потом, — сказал русский, — мы его убьем.

21

ВСПЫШКА

Рикки еще не ощущал такого страха.

Двое русских держали его по бокам, крепко схватив за локоть. Рикки боролся и извивался, пока его тащили вдоль стены церкви. Коул хромал рядом с ними. Он вытащил ручку из ноги, но гнев в его глазах не исчез.

Рикки соображал, пытаюсь вспомнить что-нибудь из того, чему его научил Феликс, что могло бы помочь в подобной ситуации. Но ни одно из занятий не предусматривало побег от двух жестоких головорезов, одержимых желанием убить его. Поэтому он сделал единственное, что пришло в голову. Закричал:

— На помощь! Помогите!

— Заткни его, — прорычал Дмитрий. Через долю секунды Рикки почувствовал, как кулак с силой ударил его в живот. Он согнулся пополам, задыхаясь и отплевываясь. Он не будет пытаться это снова.

Они свернули за угол, и Рикки увидел, что они снова были перед церковью. Снаружи был припаркован черный грузовик, и русские подтащили его к нему. Через несколько секунд он оказался внутри, и Дмитрий прижал его к сидению, резко вонзив пистолет в его живот. Коул и Григорьев были впереди. Минивэн с визгом удалился. Никто не говорил. Пот стекал с липкого тела Рикки почти так же быстро, как кровь с его раненой руки. Половина его хотела продолжать борьбу. Другая половина знала, что Дмитрию больше всего на свете хотелось бы всадить пулю ему в живот.

Пока они ехали, единственный звук исходил от Коула. Его явно беспокоила нога, и он все бормотал себе под нос — низкое, неприятное шипение, как раненая змея. Рикки едва замечал, куда они ехали. Краем глаза он увидел оживленную серую эстакаду и указатель М1. Он мельком заметил Большую Желтую Складскую Компанию, а потом догадался, что они находились в какой-то безликой промышленной зоне.

Минивэн с визгом остановился у какого-то большого серого склада. Вход закрывали большие белые жалюзи. Дмитрий поднял брелок, нажал кнопку, и она автоматически открылась. Она снова закрылась, как только автомобиль оказался на складе.

Полная темнота. Пока Дмитрий вытаскивал Рикки из машины, звук захлопывающейся двери отдавался эхом в течение пяти секунд, заставляя его понять, что это было большое здание. Он почувствовал, как его с силой опускают на колени. Двое русских сказали что-то на своем языке, и через несколько секунд зажглась массивная полоса света. Это сопровождалось электрическим жужжанием, едва слышимым для Рикки.

Рикки увидел, что он находится на огромном складе. Каменный пол. Железные балки

под потолком. Он огляделся в поисках выхода. В дальнем конце склада был пожарный выход, но дверь была надежно заперта. В любом случае, если Рикки побежит, они пристрелят его, не успев сделать и десяти шагов.

Кроме этой двери и въезда для автомобиля, выхода не было.

Дмитрий стоял над ним. Пистолет был направлен прямо ему в голову. Но не так близко, чтобы Рикки мог протянуть руку и схватить оружие. Ему пришло в голову, что Дмитрий уже делал подобные вещи.

Подошёл Григорьев, его шаги эхом отдавались в огромном пространстве. Рикки почувствовал, как сильные руки ощупали его. Он нашел телефон Рикки, вытащил его, бросил на пол и раздавил на куски пяткой.

— Видеодоказательства! Их больше нет!

Но у Рикки были заботы важнее, чем его уничтоженные кадры.

— Отдай документы, — потребовал Дмитрий.

— У меня их нет, — прошептал Рикки. Его голос был хриплым, и после полученных ударов ему было больно говорить.

Неправильный ответ. Колено Дмитрия врезалось в лицо Рикки. Он почувствовал, как его скула треснула, а из носа брызнула кровь.

— ОТДАЙ ДОКУМЕНТЫ!

— У меня... их... нет... — выдохнул Рикки.

Дмитрий рывкнул что-то по-русски, и Григорьев подошел и грубо сорвал рюкзак со спины Рикки. Пока Рикки корчился на полу от боли, русский вывернул рюкзак наизнанку, чтобы высыпать содержимое на пол.

Выпали два предмета. Первой была фотография Рикки и его родителей. Уголок рамки ударился о твердый пол. Затем последовало письмо от Мадлен. Оно упало на пол рядом с фотографией. Русский схватил его и вытащил письмо из конверта, явно проверяя, не спрятал ли Рикки туда документы. Когда он увидел, что это всего лишь письмо, он скомкал его и бросил на землю.

— Нет! — попытался закричать Рикки, но голос его был слабым и хриплым.

Внезапно Коул оказался там, присел рядом с Рикки, его губы скривились от ярости. На его брюках было пятно крови в том месте, где вошла ручка.

— Что ты сделал с этими бумагами, маленький...

Но Дмитрий яростно отшвырнул Коула в сторону. Он наклонился и поднял Рикки за плечи. Затем он потащил его к фургону и прижал к машине. Хотя его русский акцент был очень сильным, его английский был превосходным. Он говорил медленно и очень четко, так что Рикки мог слышать каждое слово.

— Пойми. Ты скажешь мне, где эти документы. Либо ты делаешь это сам, либо мы делаем это по-другому. Но поверь, когда я говорю, что если мы поступим иначе, ты будешь умолять сказать мне, где они, а потом ты будешь умолять меня убить тебя. Теперь я задам этот вопрос только один раз. Где документы?

Вопрос, казалось, повис в воздухе между ними, и мысли Рикки кипели. Он пытался выкинуть из головы боль своего израненного и истекающего кровью тела. Думать. Поступить правильно.

Это было невозможно.

Мир вращался. Все его тело было наполнено смесью ужаса и боли. Он посмотрел через склад и увидел, что отец Иззи сердито смотрит на него. Внезапно лицо Коула как будто

изменилось, и он увидел саму Иззи.

Он знал, что на самом деле это была не она. Он знал, что его разум играл с ним злые шутки. Но образ Иззи вызвал у него ободряющую улыбку. Эта улыбка, в свою очередь, придавала ему немного силы.

Он слышал, как говорил:

— Я не знаю, где они...

Внезапная острая боль. Дмитрий стукнул кулаком по поврежденной скуле Рикки. Он услышал, как выл в агонии, и мир закружился в два раза быстрее. Тошнота пробежала по его телу. Он посмотрел на изображение Иззи Коул, которое он видел.

Но она изменилась...

Это было очень тонко, потому что Иззи и Мадлен были так похожи. Но среди суматохи, страха и боли Рикки мог видеть лицо своей сестры так ясно, как если бы она была живой.

Он знал, что это было лишь видение, но оно придало ему какую-то силу. Легче всего было бы сдаться. Но последствия будут разрушительными. Коды «Трезубца» окажутся не в тех руках. Четыре британских агента будут все равно что мертвы. И Джейкоб Коул будет ходить на свободе, готовый запугивать и терроризировать всех и каждого, как он сочтет нужным.

Что подумала бы о нем сестра, если Рикки позволил бы этому случиться? Если бы он думал только о себе, когда на карту были поставлены более важные вещи?

— *Значит, Феликс был прав. «Однажды ты удивишь себя...».*

И мир перестал вращаться. Коул снова был Коулом. Все было ясно. Рикки посмотрел Дмитрию в глаза.

— Ты можешь убить меня сейчас, — сказал он, — потому что я не скажу, где они.

На долю секунды Рикки заметил на лице Дмитрия слабую тень сомнений. Но это быстро прошло. Дмитрий схватил его за волосы, дернул и толкнул Рикки на пол. Он почувствовал тяжелый ботинок в пояснице. Затем он услышал звук, который научился узнавать: глухой лязг, когда Григорьев готовился выстрелить.

— Погоди!

Говорил Дмитрий. Он говорил по-английски — Рикки понял, что это было для Коула, а не Рикки.

— Что у него на спине?

Рикки не понимал, о чем говорил. На спине ничего не было — даже рюкзака, который кучей валялся в нескольких метрах от него.

Он почувствовал, как Дмитрий наклонился, потом почувствовал руку русского на своем левом плече.

Он что-то вспомнил. Мальчик, который спас его из кафе «Счастливая долина» — Зак, да? — дружески шлепнул его по левому плечу как раз перед тем, как они расстались. В то время Рикки подумал, что это странно, но, может...

Он посмотрел вверх. Дмитрий что-то держал. Предмет был очень маленьким. Рикки спугал бы его с одной из крошечных батарей в форме диска, если бы из центра не торчал крюкообразный провод. Дмитрий поднял его выше, словно разглядывал драгоценный камень.

А потом он сказал:

— Нас кто-то выслеживает. Убираемся отсюда! Прочь!

Но слишком поздно. Через полсекунды отключилась полоса освещения над головой.

Электрический гул стих.

Полная темнота.

Послышался стук шагов. Он почувствовал, что Коул и один из русских бежали сквозь тьму к бронетранспортеру. Второй русский — Рикки подумал, что это был Дмитрий — наклонился, чтобы схватить его за шкурку и яростно поднять на ноги...

Внезапный взрыв пронесся по складу. Он исходил не от входа для машин, которым воспользовались Рикки и русские, а от запертой двери на противоположном конце. Случайно Рикки оказался именно в этом направлении. Он увидел внезапную оранжевую вспышку, когда дверь взорвалась внутрь. В середине этой вспышки был силуэт человека. Рикки ничего не мог понять были ли он мужчиной или женщиной, молодым или старым, — но в этот краткий миг вспышки он мог сказать следующее: пришедший был вооружен. Неискушенному взгляду Рикки показалось, что он держал штурмовую винтовку.

Через мгновение взрыв отбросил Рикки и Дмитрия назад. Русский выпустил его, когда на них обрушилось облако пыли и обломков. Рикки откатился от похитителя, кривясь, когда его окровавленная рука зацепилась за что-то острое на полу. Через несколько секунд после того, как погас свет, глаза Рикки немного привыкли к темноте. Он увидел очертания Дмитрия. Он стоял на колене, вытянув руку с оружием, готовясь выстрелить.

Это был еще один из тех моментов, которые были либо очень смелыми, либо очень глупыми. Рикки бросился на русского и врезался в его тело, сбив его с ног, прежде чем он успел выстрелить.

Как только их тела столкнулись, Рикки услышал женский голос из дверного проема.

— Световая граната! — закричала она.

Внезапно раздался второй взрыв — грохот, пронзивший воздух и барабанные перепонки Рикки. Его сопровождала ослепляющая вспышка, будто огромная молния ударила внутрь самого склада. Рикки был ослеплен, оглушен и дезориентирован. Он откатился от Дмитрия, схватившись за голову, пытаясь отогнать замешательство. Ему нужно было выбраться отсюда, но он даже не знал, мог ли встать...

Шаги. В комнату вошел не один человек.

У Рикки закружилась голова. Ему нужно было встать на ноги. Чтобы выбраться отсюда...

Голос крикнул:

— Ложись! — Рикки узнал его. Это был мальчик по имени Зак.

Он прижался к полу, раздалось два выстрела. Они исходили из двух разных орудий — Рикки видел искру от каждого из них, когда они стреляли. И снова за каждой искрой, несмотря на ослепленные глаза, он мог разглядеть очертание фигуры.

Двое русских начали кричать. Они были поражены. Рикки пригибался, его зрение и чувства постепенно восстанавливались. Одна из фигур пробежала мимо него, и Рикки показалось, что он видел, что на них был какой-то головной убор. Он вспомнил, как Феликс говорил об очках ночного видения, позволяющих видеть в темноте. Эти фигуры двигались так легко, будто средь бела дня. Видимо, это было на них надето...

Снова женский голос:

— Коул! Ложитесь на землю, руки за голову, иначе стреляю!

Коул жалобно заскулил, и послышался шорох. Он явно делал то, что ему было сказано. Русские все еще выли от боли, а сам Рикки чувствовал немалую панику. Кто были эти люди? Друзья? Враги? Кто?

— Что происходит? — крикнул он сквозь хаос. — Что, черт возьми, происходит?
Верхний свет вернулся. Рикки болезненно прищурился.
Затем он огляделся.

22

СНОВА ОДИН

Он был прав. На складе появилось трое.

Первым был мальчик возраста Рикки. Но Рикки не мог разобрать его черты, так как он был в очках ночного видения. Насколько Рикки мог судить, он не был вооружен, но это его не беспокоило. Коул лежал на земле, одна рука была согнута за спиной. Одним ловким движением он достал из кармана белую пластиковую стяжку и крепко стянул запястья Коула за спиной. Потом он сам встал и поднял очки, и Рикки увидел, что это был Зак.

Рикки сосредоточился на его спутниках. Мужчина и женщина. Они оба снимали свои очки ночного видения. Рикки уже видел этого человека раньше, с Заком в кафе на Фрит-стрит. У него были светлые волосы и мрачное, серьезное лицо. Он убрал пистолет в кобуру, прикрепленную к его телу. У женщины были белокурые волосы до плеч. Она тоже была

знакома. Он видел ее, когда выбегал из квартиры? Она явно чувствовала необходимость сжимать пистолет, когда подходила к хныкающему Дмитрию.

Плечи Дмитрия и его друга сильно истекали кровью. Их обоих подстрелили в одно и то же место, и Рикки понял, что этого и хотели прибывшие. Без сомнения, они были меткими стрелками. Но женщина не выглядела слишком обеспокоенной их драматичными ранами.

— Ты будешь жить, милый, — сказала она русскому. — Даже жаль, — она посмотрела на Рикки. — Больно, Рикки? — спросила она его.

Рикки посмотрел на свою окровавленную руку.

— Это... ничего, — сумел сказать он.

— *Она знает твое имя. Должно быть, она как-то связана с Феликсом...*

— Хорошо.

Пока она говорила, Дмитрий прошел по полу туда, где лежал его пистолет, и протянул руку, чтобы схватить его. Рикки хотел было крикнуть: «Осторожно!», но в этом не было нужды. Женщина развернулась, почти как балерина, и сильно ударила ногой по запястью Дмитрия. Русский снова закричал, но никто не обратил на него внимания. Женщина подняла пистолет и вынула магазин. Блондин сделал то же самое с пистолетом Григорьева. Затем они связали руки русским за спиной, как Зак сделал с Коулом, не обращая внимания на их вопли от боли и кровоточащие плечи.

Пока все это происходило, взгляд Рикки метался по складу.

— *Как включался и выключался свет?*

— *Кто-то явно управлял платой предохранителей.*

Это означало, что должен быть четвертый человек.

Рикки посмотрел на распахнутую взрывом дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как входит Феликс.

Феликс окинул взглядом сцену опустошения. Затем его взгляд упал на Рикки. Он подковылял к своему бывшему ученику, протянул руку, чтобы помочь ему встать. Но Рикки не нуждался в его помощи. Он сам с трудом поднялся на ноги.

— Хорошая работа, Коко, — тихо сказал Феликс.

Рикки посмотрел на остатки своего мобильного телефона, который Дмитрий раздавил пяткой.

— У меня была запись, на которой Коул передает код русским. Думаю, ей конец.

Феликс подошел к разбитому телефону и аккуратно собрал все осколки. Он осторожно отнес их Рикки.

— Тебя поразит то, что мы можем восстановить с поврежденного жесткого диска. Я предполагаю, что Джейкоб Коул сядет в тюрьму на очень долгое время. Благодаря тебе.

— Я сделал это для Иззи, — сказал он.

— Ты сделал это, нарушив все правила книги. Но все равно хорошая работа.

Рикки оглядел комнату. Женщина с белокурыми волосами подталкивала раненых русских к минивэну, Коул рухнул на колени и склонил голову.

— Однако в следующий раз, — добавил Феликс, — может, тебе следует сообщить людям, что ты делаешь. Это было близко.

— Следующего раза не будет, — сказал Рикки. — Не знаю, заметили ли вы, но мне повезло, что я жив. Чего нельзя сказать о парне в кафе, где они встретились, — он ощутил, что дрожал, вспоминая ужас того момента. — Его убили, — пылко сказал он. — Они приставили пистолет к его голове и *убили*.

— Знаю, — сказал Феликс, — и мне жаль, что тебе пришлось это увидеть. Но, может, есть люди, которых ты защитишь от такой судьбы, если закончишь обучение.

— Я всего лишь ребенок, — прошипел Рикки.

Феликс покачал головой.

— Ты уже давно не ребенок, Рикки.

Прежде чем Рикки успел ответить, к ним подошел Зак. Он поднял рюкзак Рикки вместе с фотографией и письмом.

— Твое? — спросил он.

— Спасибо, — пробормотал Рикки, принимая их.

— Я вижу, ты познакомился с Агентом 21, — сказал Феликс.

Рикки моргнул. Так это был тот парень, о котором говорил Феликс.

— Ты вешаешь устройство слежения на плечо каждого, кого встречаешь? — спросил Рикки. Он знал, что звучал не слишком дружелюбно.

— Только тем, которые, по моему мнению, могут погибнуть, если я этого не сделаю, — сказал Зак.

Не было времени ответить. Внезапно откуда-то за пределами склада раздался звук сирены. Полиция. Рикки, Феликс, Зак и двое его товарищей повернулись, посмотрели на вход для машин.

— Я разберусь с ними, — сказал Феликс. Он повернулся к Рикки. — Думаю, это прощание.

— Наверное, да.

— У меня есть одна просьба. Коды — они где-то в безопасности?

Рикки кивнул.

— Иди с Агентом 21. Найди их и отдай ему.

Рикки не видел в этом проблемы. Он снова кивнул. И, не оборачиваясь, направился к двери, в которую всего несколько мгновений назад взорвали. Зак догнал его, и они вместе покинули склад.

Они молча обошли склад. Сирены стали звучать намного громче, и Рикки вдруг увидел две полицейские машины, несущиеся к ним по дороге промышленной зоны.

— Просто продолжай идти в противоположном направлении, — сказал Зак. — Они никогда не замечают таких детей, как мы. Как будто мы невидимы.

— Ага, — горько сказал Рикки. — Думаю, именно это делает нас такими ценными.

Зак едва заметно улыбнулся, но ничего не сказал.

— Ты следил за мной, да? Я видел, как ты чинил свой велосипед возле Макдональдса.

— Хорошо подмечено, — сказал Зак. — Большинство людей не заметили бы. Феликс, должно быть, хорошо тебя учил.

— Я уверен, что он хотел бы так думать.

Снова эта улыбка. Это поставило Рикки в тупик.

— Кто остальные? — спросил он. — Блондинка и парень?

— Это мои ангелы-хранители, — сказал Зак. — Как Феликс — твой. Они есть у всех нас. Их зовут Раф и Габс. Благодаря им я до сих пор жив. Я узнаю от них все, что могу. Я обнаружил, что так проживу дольше, — он сделал паузу. — Но это не значит, что я всегда должен делать то, что они говорят. Кстати, куда мы идем?

— Церковь Всех Душ, Харлесден, — сказал Рикки. И он ускорил шаг, показывая, что не хотел больше говорить.

Потребовалось десять минут, чтобы найти такси, и еще десять, чтобы добраться до церкви, где его поймали Коул и русские. Было по-прежнему безлюдно. Они вошли через главные двери, и их шаги отдавались эхом, пока они шли к алтарю, а затем в ризницу позади, дверь была настежь открыта. Дверь была повреждена там, где русские ломали ее. Стол все еще стоял у разбитого окна, а стул лежал на боку на полу.

Зак молча оглядел комнату. Он казался впечатленным.

Рикки направился к полке с молитвенниками. Он выбрал книгу, которую подделал, и почувствовал облегчение, что документы были на месте, как и ожерелье, которое он украл у мамы Иззи.

Он разложил предметы на столе, затем проверил документы, чтобы убедиться, что все на месте.

— Коул продавал русским что-то еще, — сказал Рикки. — Не только коды. Он предлагал им информацию о британских агентах по всему миру. Я подумал, что это плохо.

Зак посмотрел на документы.

— Ты правильно понял, — тихо сказал он. — Ты сегодня спас много жизней, Рикки. Если прикрытие агента раскрыто без его ведома, его жизнь немедленно оказывается в опасности. Это мог быть я, — он пронзительно посмотрел на Рикки. — Или ты.

Рикки не мог долго выдерживать его взгляд. Он снова посмотрел на стол и взял бриллиантовое ожерелье.

— Ярко, — сказал Зак. — Хочешь сказать мне, что это такое?

— Я украл его из дома Джейкоба Коула, — сказал Рикки. Он выпятил подбородок. — Полагаю, ты собираешься сказать мне вернуть его.

— Я не собираюсь приказывать тебе что-либо делать, — сказал Зак.

Наступила тишина. У Рикки появился вопрос, но что-то его удерживало.

— *Задай его.*

— *В чем смысл? Теперь все кончено. Я к ним не присоединяюсь.*

— *Ты ведешь себя по-детски. Просто спроси его.*

— Феликс сказал тебе, почему я ушел? — наконец, спросил Рикки.

Зак кивнул.

— Ты не хотел выдавать местонахождение Иззи Коул.

— Это сделал бы Феликс, — пылко сказал Рикки. — Он бы отправил ее обратно к отцу, который ее бил. Я не собирался этого допускать.

— И не допустил, — Зак казался совершенно спокойным. От этого Рикки растерялся. Они стояли, молчали. На этот раз тишину нарушил Зак. — В нашей работе, — сказал он, — тебе говорят что-то делать. Как ты это сделаешь, зависит от тебя. Мой совет: слушай своего ангела-хранителя. Учись у него всему, что только можно. Но не прекращай думать самостоятельно, потому что в тот момент, когда ты это сделаешь... — его голос стих, и он многозначительно посмотрел на ожерелье на столе. — Ты мог бы стать отличным агентом, Рикки. Сделать что-нибудь хорошее в этом мире. Или можешь продолжать как вор. Выбор остается за тобой.

— Ты ничего не понимаешь, — выпалил Рикки. — Если я продам это ожерелье, я смогу оставаться в безопасности несколько месяцев. Буду защищен от взрослых. От улицы. От всего этого... — он обвел рукой ризницу, указывая на разбитое окно.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — сказал Зак. Он взял документы со стола и спрятал их в куртку. — Я думал, ты был хорошим. Может, я ошибался, — он направился к

двери ризницы, но прежде чем уйти, остановился и повернулся к Рикки. — Интересно, что сказали бы твои родители, — сказал он.

— Мои родители умерли, — заявил Рикки.

Зак грустно улыбнулся.

— Мои тоже. Я решил повзрослеть после того, как это случилось. Что ты решил? — не дожидаясь ответа, он тихо прошел через поврежденную дверь ризницы и скрылся в церкви.

Рикки слушал, как его шаги стихают и исчезают. Он схватил ожерелье и сунул его в карман. А затем, поскольку он решил, что не хотел снова встречаться лицом к лицу с Агентом 21, он вылез через разбитое окно.

Снова один.

ЧТО-ТО ХОРОШЕЕ И УМНОЕ

Полдень.

Иззи Коул вышел на площадь Пикадилли. Она посмотрела на газетный киоск напротив выхода на Риджент-стрит. Она пыталась найти Рикки. Его не было видно. Все, кого она видела вокруг киоска, были взрослыми.

Погодите. Кто это был? Кто-то стоял к ней спиной и был похож на мальчика. Он отдавал деньги на газету. Иззи быстро подошла к нему. Он повернулся, и она остановилась. Это был не Рикки. Мальчик исчез в толпе. И хотя было очень людно, Иззи вдруг снова почувствовала себя совсем одинокой.

Прошло пять минут. Десять. Никаких признаков Рикки. Иззи напомнила себе о том, что сказал Рикки.

Если я пропущу нашу встречу, то мы встретимся в том же месте, в то же время на следующий день.

Она чувствовала себя глупо, веря ему. Рикки подвел ее. Она полагала, что ей лучше привыкнуть к этому. Потому что она усвоила одну вещь: в конце концов, все тебя подводят.

Она не вернется завтра. Ни за что. Ей надоело полагаться на других людей. Теперь она была одна.

Иззи отвернулась от киоска и пошла, хотя и не совсем знала, куда идти. Она знала, что она не пойдет домой. Ей снова придется ночевать на улице. У нее почти не было денег, и единственным другим вариантом, который она могла придумать, был Хантер. И если она пойдет туда, то потеряет все.

В последнюю минуту она оглянулась, крошечная часть ее ожидала увидеть Рикки — опоздавшего и взволнованного, но здесь.

Его не было, поэтому она ушла.

* * *

Наступил полдень.

Ладонь Рикки пульсировала. Он купил дезинфицирующее средство и бинты в аптеке. В грязном переулке он вылил средство на порез на руке, поморщившись, когда оно обожгло поврежденную плоть. Он туго перевязал ее, но чистая повязка уже выглядела грязной. Ему нужно было купить больше медикаментов, но его деньги были на исходе — у него осталось всего десять фунтов. И он не мог обворовать кого-нибудь с такой рукой. Он был слишком неуклюж. Его поймают в одно мгновение.

Он шагал по Кингсвей, в сторону от станции Холборн. Снова пошел снег, и все

прохожие опустили головы и засунули руки в карманы. Не Рикки. Он шел против течения, снег оседал на его волосы и плечи. И хотя его здоровая рука была в кармане, это было не для того, чтобы согреть ее. Он так проверял, что ожерелье, которое он украл у миссис Коул — единственная вещь, которая имела хоть какую-то финансовую ценность, — все еще было на месте.

Через 300 метров он свернул направо на Чансери-лейн. Здесь было гораздо меньше людей, но по привычке Рикки остановился и внимательно огляделся. Не было никаких признаков хвоста. Ни Зака. Ни Феликса. Никого. Он был почти уверен, что он был один и незамеченный. Но он думал так и раньше.

Он прошел 200 метров по Чансери-лейн, затем перешел дорогу и повернул налево в переулок. Через несколько мгновений он уже стоял в дверном проеме. Расписная деревянная табличка гласила: «Ф. С. Рэндольф, ювелир». Рэндольфом звали человека, который, по словам Томми, был готов купить украденные драгоценности.

— *Так ты все-таки не выдержал?*

— *Нет смысла хранить ожерелье. Это не мой стиль.*

Он открыл дверь и прошел внутрь. Впереди была пыльная, сырая лестница. Она заскрипела, когда Рикки зашагал по ней. На грязной лестничной площадке первого этажа была полуоткрытая дверь. Рикки вошел в комнату и обнаружил деревянную стойку около трех метров в длину с медным колокольчиком наверху. За прилавком четверо стариков сидели за партами на очень низких табуретках, так что их головы были всего в нескольких сантиметрах над столешницами. У всех были очки, прикрепленные к одному глазу, и они рассматривали драгоценные камни и другие драгоценные предметы. Никто из них даже не вздрогнул, когда Рикки позвонил, не говоря уже о том, чтобы обернуться, чтобы посмотреть на него.

Вместо этого из комнаты слева от прилавка вышел маленький старик с кислым лицом. Он напомнил Рикки Хантера, только старше. Старик оглядел Рикки с ног до головы, будто тот был чем-то очень неприятным.

— Чего ты хочешь, малыш?

— Вы Рэндольф?

— Я сказал, чего ты хочешь?

Рикки достал ожерелье из кармана и положил на стол. Если бы он не смотрел внимательно на лицо старика, то не заметил бы, как его глаза чуть расширились. Это сказало Рикки, что ожерелье действительно было ценным.

Старик хотел взять его, но Рикки оказался быстрее. Он схватил ожерелье с прилавка.

— Вы Рэндольф? — повторил он.

Старик кивнул.

— Я хочу продать ожерелье, — сказал Рикки.

Рэндольф пожал плечами.

— Это просто бижутерия, сынок. Я дам тебе пятьдесят фунтов.

Рикки не ответил. Он бросил ожерелье в карман и повернулся к двери.

— Хорошо, сынок, — быстро сказал Рэндольф. — Тысяча фунтов, возьми или уходи.

Рикки продолжал идти к двери.

— Десять штук, последнее предложение.

Рикки остановился, повернулся и пошел к стойке.

— Наличными? — сказал он.

— Наличными.

Он подождал, пока Рэндольф вытащит из-под прилавка толстую пачку банкнот. Облизнув палец, старик сосчитал мятые, грязные двадцатифунтовые купюры. Рикки тщательно пересчитывал их, пока они складывались на столе, удивленный тем, какой маленькой стопкой была такая большая сумма денег. Рэндольф положил деньги в бумажный конверт, а Рикки сунул его во внутренний карман куртки и передал ожерелье.

Больше они не говорили. Кивок, и Рикки поспешно спустился вниз по лестнице и вышел на заснеженные улицы.

Он чувствовал себя на пределе, таская с собой такую кучу денег. Это все, что у него было. Потерять это было бы катастрофой.

* * *

Иzzi Коул провела остаток дня, сжавшись на одном и том же месте в метро на Кольцевой линии. Она потеряла счет тому, сколько раз он объехал Лондон. Она была слишком занята тем, чтобы согреться и отвлечься от предстоящей ночи.

В 23:30 поезд остановился на Эджвер-роуд, и Иззи, шаркая ногами, вышла со станции на темную неприветливую улицу наверху. Было ужасно холодно. Так холодно, что крошечная часть ее разума даже подумывала вернуться домой. Но она быстро отвергла эту идею. Дома были монстры.

Она пошла по Эджвар-роуд, быстро двигаясь, чтобы согреться. Вскоре она добралась до Мраморной арки, где повернула налево и пошла по Оксфорд-стрит. Рождественские огни все еще ярко сияли, а дорога была забита ночными автобусами. Она выбрала один наугад, заплатила за проезд до конца линии и нашла место в самом конце. Ее место было рядом с лысеющим мужчиной средних лет, от которого слабо пахло алкоголем. Он читал ранний выпуск завтрашней газеты. Иззи обнаружила, что ее взгляд скользил в ту сторону.

Она замерла.

Первую полосу газеты занимала фотография ее отца.

Ее кровь, казалось, потекла немного быстрее, пока она читала статью под фотографией.

Известный депутат от консерваторов Джейкоб Коул сегодня был арестован по шести пунктам обвинения в терроризме. Неизвестно, связана ли стрельба в мужчину в кафе «Счастливая долина» с арестом, но несколько очевидцев сообщают, что вчера утром видели поблизости Коула...

Иzzi отвела глаза. Она не могла больше читать. Ее мутило, а голова словно раскалывалась. Часть нее была в ужасе от новостей об ее отце. Шесть пунктов обвинения в терроризме? Она знала, что он плохой человек, но во что он был вовлечен? Другая ее часть цеплялась за известие о том, что в кафе кого-то застрелили.

Был ли это Рикки? Он был мертв? Не потому ли он не появился в тот день?

Она решила, что должна явиться завтра в двенадцать. Просто посмотреть.

Она повернула голову и смотрела в окно автобуса. Все было размыто, потому что ее глаза наполнились слезами.

К утру Иззи трижды проехала ночным автобусом. Теперь она вернулась на Трафальгарскую площадь. Она была очень голодна и без сил. С красными глазами и уставшими ногами, с ноющими конечностями и жаждущими сна мышцами, она снова подошла к Пикадилли.

У нее не было больше денег на еще один билет на метро. Ей просто нужно было укрыться в вестибюле станции и ждать.

Утро тянулось медленно. Она продолжала ходить по круглому вестибюлю в каком-то оцепенении, едва зная, который час. Каждый раз, проходя мимо газетного киоска, она видела лицо своего отца на первых полосах всех газет. Вскоре ее мысли превратились в смесь этого образа и лица Рикки. Где-то на заднем плане виднелись черты ее матери, когда Иззи видела ее в последний раз.

Глупая ты девчонка, — услышала Иззи ее слова. — *Ты глупая, глупая...*

Полдень. Утро прошло в тумане. Слабая от голода и усталости, Иззи остановилась в десяти метрах от газетного киоска. Повтор предыдущего дня. Но сегодня все лица были размыты. Она щурилась, пытаясь понять, не было Рикки ли среди прохожих. В ответ они одаривали ее забавными взглядами. Но ни один из них не был им.

Пять минут после двенадцати. Ее почти тошнило.

Он был мертв.

Она была одна.

Слезы снова подступали. Она хотела кричать. Бежать...

Ладонь легла на ее плечо.

Иззи обернулась, сжав кулаки. Она была готова кого-нибудь ударить. Чтобы защитить себя, потому что с этого момента ей придется делать это вечно.

Лицо Рикки спокойно смотрело на нее.

Он выглядел иначе. Уставший, конечно. Вокруг его глаз были черные круги, а лицо было грязным. Но было еще кое-что. Рикки выглядел старше. Как будто за тот день, пока Иззи не видела его, он стал свидетелем того, чего большинство людей никогда не увидит. Он серьезно хмурился, а взгляд был напряженным. Выглядел он, подумала Иззи, немного пугающе.

— Ты... ты жив, — прошептала она.

Слабый кивок, когда он поднял забинтованную руку.

— С трудом выжил.

— Мой отец?

— В тюрьме. Надолго. Так мне сказали.

— Кто?

Рикки не ответил.

— Что теперь? — сказала Иззи.

— Ты можешь пойти домой. Твоего отца там не будет.

Иззи захотелось зашипеть. Она думала, что Рикки понимал ее. Она никогда не сможет вернуться в тот дом, даже если там будет только ее мама. Она сделала шаг назад, поглядывая по сторонам, готовясь бежать.

— Конечно, решать тебе, — сказал Рикки. — Я не собираюсь заставлять тебя что-либо делать.

— Я больше никогда не вернусь домой, — сказала Иззи. — Даже если мне придется жить с Хантером и остальными...

— Тебе и не придется, — перебил ее Рикки. Он сунул руку в карман и вытащил коричневый конверт, который протянул Иззи.

Она заглянула внутрь, затем ахнула. Он был полон банкнот.

— Сколько...? — прошептала она.

— Десять тысяч, — сказал он. — Это все твое. Найди безопасное место для проживания. Комната или мини-гостиница. Если будешь осторожна, этого должно хватить,

чтобы прожить до шестнадцати лет. Тогда, может, ты сможешь пойти учиться или что-то в этом роде, начать новую жизнь.

Она крепко сжала конверт.

— Откуда ты это взял? — выдохнула она.

Рикки фыркнул, но во второй раз не ответил.

— Я сейчас пойду, — сказал он. — Но если у тебя когда-нибудь возникнут проблемы, ты можешь найти меня здесь, — он протянул Иззи листок бумаги, на котором написал адрес квартиры в Доклендсе.

Он протянул руку, и Иззи пожалала ее. Затем она обвила руками его шею.

— Спасибо, — прошептала она. — За все.

Рикки ничего не сказал. Как только объятия раскрылись, он быстро кивнул ей. Затем он повернулся и пошел прочь. Через несколько секунд он растворился в толпе.

Иззи Коул задавался вопросом, увидит ли она его когда-нибудь снова.

* * *

Час спустя маленькая одинокая фигура стояла на площади перед высоким многоквартирным домом в Доклендсе, глядя на верхний этаж, рюкзак висел на плече. Снег снова пошел, на этот раз так сильно, что остальные пешеходы укрылись внутри.

Рикки открыл рюкзак и вытащил письмо сестры. Метель продолжала окружать его, он развернул письмо и прочитал его:

Дорогой Рикки,

Я знаю, ты не понимаешь то, что я собираюсь сделать, но ты должен поверить мне, когда я говорю, что это к лучшему. Они отправили меня жить с худшими людьми. На моих руках и спине синяки. Я не могу больше терпеть...

Не обижайся на меня. И не забывай меня. Ты хороший и умный мальчик, Рикки. Делай со своей жизнью что-то хорошее и умное. Прости, что я так не смогла.

С любовью

Мадлен

Мокрый снег размазывал чернила по странице. Рикки сложил письмо и сунул в рюкзак. Затем он снова посмотрел на квартиру.

Горел свет. Кто-то был дома.

Рикки снова закинул рюкзак на плечо.

— Ты уверен насчет этого?

— Уверен.

Он пересек площадь, вошел в фойе и вызвал лифт.

Казалось, потребовалась вечность, чтобы подняться на верхний этаж. Когда двери со звоном открылись, и он вышел в коридор, увидел, что дверь была открыта. Он шагнул к ней, глубоко вдохнул и вошел.

Феликс был там. Он стоял в гостиной, глядел в окно на заснеженный Лондон, спиной к Рикки.

— Я собирался дать тебе еще пару часов, — сказал Феликс, все еще глядя в окно.

Рикки бросил рюкзак на пол.

— Мне нужно было кое-что уладить, — сказал он.

— Очевидно, — Феликс повернулся и сделал шаг к Рикки. Он слегка вздрогнул, когда надавил на протез ноги. — Ну? — спросил он.

— Я хочу к вам, — сказал Рикки. — Научите меня всему.

На губах Феликса мелькнула легкая улыбка. Он повернулся спиной к Рикки и посмотрел на Лондон.

— Добро пожаловать на борт, Агент 22, - сказал он.

Больше книг на сайте - Knigoed.net